

В.С. Иванова

Давнее, не забытое

Были села Утятского



*Курган
2018*





Сельская учительница
Иванова Варвара Степановна
(1904-1989)

Давнее, не забытое

сборник рассказов разных лет

Курган, 2018

Давнее, не забытое. Были села Утятского [Текст] : сборник рассказов В. С. Ивановой / сост. Т. С. Иванова ; набор текста и редактирование К.А. Питерскова. – Курган, 2018.

Книга «Давнее, не забытое» составлена из рассказов, очерков, новелл В. С. Ивановой, опубликованных в курганских газетах в период с 1950 по 1982 год. Книга будет интересна жителям села Утятского и всего Притобольного района, а также людям, кто занимается историей Зауралья. В книге использованы фотографии из личного архива Т. С. Ивановой и с сайта Утятской группы.

❧ ОГЛАВЛЕНИЕ ❧

Глава 1. Слово о Варваре Степановне

Музей в Утятском

Музей села Утятского

Клады, которые в сердце

Из села Утятского

Отрывок из книги О. Бунина "Светлая моя Родина"

Глава 2. Были села Утятского

Осуществилась мечта народная.

Молодая поросль.

Из жизни сельской школы.

Иная доля.

Они были первыми.

Поднявшие знамя.

Пусть растут берёзки.

Не обижайте бабушку.

Ребята 1942 года:

Шурка

Аркаша

Васенка

В дороге увиденное.

Утятский аптекарь.

Бобков И. М. Рассказывает, как устанавливалась Советская власть в Утятской волости.

Когда мы были школьниками.

Добрые мои соседи.

Случай с Валькой.

Встреча не состоялась.

Край родной.

Радость жизни.

Ремезково гнёздышко.

Баклановы нашей деревни:

Подщетенный Иван

Пугачевский агитатор

Васёнкина любовь.

Притобольные страдания.

Над ширью пашен и полей.

Для самых маленьких:

Ласточкин домик.

Мама ежика.

Маленькая хозяйка большого дела.

Обелиск у дороги.

И к нам прилетят соловьи:

Черемуха.

Лилии и ландыши.
Калина.
Ирисы.
Березонька белая
Виток родной земли.
К 50-летию разгрома Колчака:
Подвиг Андрея Майкова.
Смерть Григория Воденникова.
Мельник и учительница.
Рассказы о былом:
Крамольная панихида.
Заветный поясок.
Мика.
После свадьбы.
Долг памяти:
Музейная реликвия.
Песнь величальная.
В это светлое утро.
Камышенские мужики.
Три маленькие истории.
Гривастый.
«Жница жнет — не жнет»
Солдат вернется
На брёвнышках.
Отецкая дочь.
Два этюда:
На склоне дня.
Неоконченная картина.
Время рассказывает.
У околицы.
Природа и люди:
Чья голубая полянка.
Не хватает берёзки.
Дух хлебного поля.
Грановитое кольцо.
Лёгкой старости вам, друзья!
Моя знакомая Алевтинка.
Притобольные новеллы:
Ветла-вещунья.
Прялка-прялица.
Шубка на лисьем меху.
Радуга-дуга.
Есть фотография в музее.
Рассказы для детей:
Трофимка.

Каштанкина жизнь.
Марфины рассказы:
 Не обижайтесь, дети!
 Про картошку.
 Развилка в поле
Чем богаты, тем и рады.
Ельнинская незабудка.
Мы ищем «натуру».
Ода сосновой роще.
Прогулка вдвоём.
Одолень-трава.
Глафира Ивановна.
Пирог с картофелем.
Ох, уж эти старики:
 Нашлась потеря.
 «Хэмингуэй» в Кургане.
Звёзды над нами:
Два этюда о природе.
 «Обыкновенная».
 Три речки-невелички.
Запах детства.
Позднее признание.
Митя Иванов.
Будь ясной, память...
Путешествие за околицу.
Шетуйные рассказы:
 Влюблённый Костенька.
 Докторша.
 Дяди Петра припевка.
Михеев грех.
Песнопевцы.
Янтарные бусинки-камешки.
В гости.
Слобода Утяцкая и «Кучумовы царевичи».
За ягодами для бабушки.
Дедушкин прадедушка рассказывал.
Как молоды мы были.
Эти длинные вечера...
Бокогревы перевёрты.
Наши колыбельные.
Талая вода, шалая вода...
Таратай.
Последние «колдуны».
Бабушкины рассказы...
Баллада о черёмуховом саде.

Урок внучкам.
Семик-берёзкины именины.
Как это было.

СЛОВО О ВАРВАРЕ СТЕПАНОВНЕ

Утятское - село старинное. Оно было основано в 1680 году на северной границе Притобольного района, в сорока километрах южнее Кургана, на берегу Тобола. Раздольные, красивые места!

Основателями Утятки считаются житель Угетской слободы Тобольского наместничества Игнатий Репин и крестьянин Антон Менщиков. Селению они дали название - Утятская, возможно, потому, что в звучании названий Угетская и Утятская много сходного. А может потому, что возле водоёмов водилось множество уток и гусей.

Эти и другие сведения из истории моей малой Родины села Утятского я нашла в публикациях Варвары Степановны Ивановой (моей любимой тёти со стороны отца). Она родилась в селе Утятском, работала около 30 лет учителем истории и директором школы. Основала первый в стране сельский краеведческий музей. О ней писали в центральной прессе (газета «Известия» за 19 октября 1957 года, журнал «Огонёк» № 12 за март 1960 года). На ВДНХ музей был награждён Малой серебряной медалью. Её портрет в метровую ширину украшал один из стендов выставки. Варвара Степановна награждена орденом «Знак почёта» и медалью «За трудовую доблесть». Из-под её пера выходили интересные очерки и рассказы. Образно, с глубокой любовью к местам, где родилась, рассказывает она о своём Утятском, про односельчан, которых знала так, будто каждого изнутри просвечивала.

Удивительное свойство памяти, она не оставляет человека равнодушным. Я обращаюсь к своим землякам: прочтите то, что помнила и записала Варвара Степановна. И, может быть, вы, также как я, ощутите силу и мощь прошлой жизни села Утятского, даже если это были несомненные страдания. Проходя по центральной улице села, вы вдруг услышите топот коня белогвардейского офицера и захоленёт сердце, представив мучения Григория Воденникова, которого волочили привязанным к лошади, по этой самой дороге, по которой сейчас идёте вы. Или в холодную осеннюю ночь, оказавшись на улице, вспомните Васю Уфимцева, который продрог до костей, выслеживая бандитов, и потому умер так рано. Первые комсомольцы, какими чистыми и наивными они были, какими смелыми, как хотели учиться и жить. Комсомолец Ваня Вавилов погиб страшной смертью, кулаки вспороли ему живот и набили зерном. Прошлое имеет над душой человека особенную силу, память помогает преодолеть время. Посмотрите на старую фотографию, где видна пожарная вышка в центре села, здесь под навесом собирались мужики, обсуждали, кого избрать старостой. Приближался грозный 1917 год. О том, как устанавливалась советская власть в Утятской волости, рассказал И. М. Бобков, а Варвара Степановна записала. Бобков служил на крейсере «Аскольд», где была сильная подпольная организация большевиков. Домой вернулся в ноябре 1917 года. В Утятском ничего не изменилось. Дела мирские вершили по-прежнему купец Соколков, поп Тутолмин, кулаки Тюкачевы, Чукоминны. Вскоре он попал на 1 съезд крестьян в Кургане, которым руководил т. Пичугин. Возвратившись со

съезда, создал волостной Совет, куда вошли крестьяне-бедняки: Степан Камынин, Николай Луканин, Родион Лебедев, Иван Чистяков и др.

С установлением Советской власти Варвара Степановна пешком ушла в город - задумала выучиться на учительницу. Явилась, как говорит она, в окружной отдел народного образования, к заведующему товарищу Пискунову. То ли слёзы, то ли весь вид её, то ли горячая клятва тронули Пискунова, он помог ей устроиться в общежитии для нуждающихся учащихся второй ступени на полный пансион.

Уезжали из родной деревни многие и по-разному. И если душа начинала болеть - возвращались, или не возвращались, но любили свою Утятку всегда.

Одним из сильных рассказов Варвары Степановны считаю рассказ «Мика». Я так и вижу 80-летнего старика, который вышел за Утятский бор, снял ботинки, связал шнурками, перебросил через плечо, оглянулся в последний раз на родную деревню и, сгорбившись, зашагал по дороге, умирать в дом престарелых.

Особое место в воспоминаниях Варвары Степановны занимают годы Великой Отечественной войны. Горе вселяло злость на работу, и в непосильном труде женщины, как и мужчины на фронте, стояли насмерть. Меня долго не отпускал рассказ о судьбе женщины Лизы, которая не смогла пережить гибель мужа, тронулась умом. Нашли её мёртвой на пенёчке в Утятском бору. Сколько же событий видел наш Утятский бор! Недаром к одинокой сосне, что стоит особняком от других деревьев вот уже около 300 лет, приходят люди. Говорят там можно почувствовать прошлое и будущее. Несомненно, это сакральное место. Вот что пишет Варвара Степановна: «Ночью роща подходит к деревне совсем близко, к самым огородам. Выйдешь на крыльцо и слушаешь рощу, а она будто поднялась на цыпочки - слушает звёзды. Если ночь тихая, а хвоя на соснах шумит - жди непогодушку. Роща, она что твой барометр!».

А черёмуховый сад на краю нашего села. Пусть от былой красоты осталось лишь десяток обломанных кустов, но сохранилось за ним имя его автора - Завьялов сад. О днях давних, когда екатерининский солдат в отставке Фёдор Завьялов заложил в изголовье слободы Утятской черёмуховый сад, рассказала нам Варвара Степановна в «Балладе о черёмуховом саде».

Отличный знаток деревенского фольклора, старинных народных обычаев, она всё это богатство использует в своих зарисовках, знакомит нас с истоками и корнями русской духовной культуры.

Большой интерес вызывают ожившие легенды и были села Утятского. Это и история девушки Акулины, утопившейся в озере от несчастной любви. Это и аномально глубокое озеро Белое, которое с виду - большая лужа. И как мужики отказались от семенной картошки, как в Тобол её свалили: «Пушшай её черти водяные едят, а мы не будем!» От бабушки Марьи наслышалась в детстве Варвара Степановна сказок про чертей с Иванищева болота. Деда Александра черти в болото таскали, вином поили, он плясал для них до третьих петухов. А одного маленького чертёнка бабушка Марья ловила, он был похож на ягнёнка, бился в её руках и верещал. Бабушка крикнула на него: «Да не бейся ты, господи!» Тут чертёнок сквозь землю и провалился. Много было рассказов про

волков. Волки были «злые» и «добрые», «добрые» жили в дебрях возле озера Круглого, «злые» - в Щучьих колках. В рассказ Варвары Степановны «Михеев грех» вошла полулегенда о том, как пастух овец Михей отобрал у волчицы пятерых волчат и что из этого вышло.

Варвара Степановна говорила, что запах детства бережет в себе, слышит его, он хранится в каждом кустике, в каждой травинке, он разлит в воздухе. Обращение к старому - это понимание своих корней, это ощущение себя в истории. Такие люди, как Варвара Степановна, способны создавать глубинный пласт исторических знаний, без которого нет почтения к родному месту. Ну разве не интересно нам узнать, что в слободе Утятской было две церкви. Одна старая, деревянная, другая новая, каменная. Созывал народ на площадь колокол. Звук его вёрст на десять шёл. Колокол был не простой, а «Самсон». Почему «Самсон» никто не знал. А там, где кончается деревня, Тобол отбросил в сторону рукав, как бы обняв деревню. Рукав назван Прорвой, на возвышенности, - замшелые столетние осины. Таинственности осиннику придаёт предание, что стояла тут изба сподвижника Е. Пугачева Семёна Новгородова - атамана полуторатысячной армии.

Варвара Степановна - великолепный знаток родного края. Благодаря ей, мы становимся богаче, потому что обретаем прошлое. Любовь к Родине даёт смысл жизни. Хранить память о других - это оставлять добрую память о себе.

Т. С. Иванова

Музей в Утятском

Заседание райисполкома затянулось допоздна. Горячи были прения, и никто не слышал, как по улице гулко проскакал всадник. Гонца из коммуны «Заря жизни» участники заседания увидели, когда он распахнул дверь и ещё с порога крикнул:

- Патраковские кулаки коммуну грабят!

И вот сквозь глухую осеннюю ночь по лесной просеке уже мчатся на помощь коммунарам вооруженные конники. Едва поспекает за ними молодая учительница Варенька Иванова. Она сжимает в руках револьвер, мысли её там, в коммуне, с женщинами, прячущими детей от озверевшего кулачья.

Случилось это больше четверти века назад. Но о подробностях той памятной ночи можно узнать в музее из рассказов директора Утятской школы-семилетки Варвары Степановны Ивановой.

Музей в Утятском создали к 40-летию Октября. Активисты сельского Совета во главе с Варварой Степановной собрали здесь много интересных документов, повествующих о судьбе одного из сел Зауралья. Рассказ начинается от стародавних времен, когда плыли по Тоболу на острогрудых челнах дружинники Ермака, и доходит до наших дней.

Селения, подобные Утятскому, возникали в Зауралье как заставы, чтобы охранять земли, на которые вышел пахарь, от разбойных нападений кочевников. Так возник в свое время и нынешний районный центр Глядянское. Росла в ту пору у крепостцы сосна выше самого высокого бора. И с нее караульные поглядывали во все стороны – не покажется ли враг. Вот и вышло Глядянское.

Думы народа о воле, борьба его за свое счастье громким эхом отзывались в далекой слободе. Утятские мужики снаряжали к Пугачеву под Оренбург своего делегата Лаврентия антонова, звали повстанцев к себе, читали «прелестные грамоты» Емельяна Ивановича и жестоко расплатились за этот первый порыв к свободе.

Организаторы музея установили, когда в Утятском появилась первая керосиновая лампа. Это полезно для сравнения с сегодняшними делами, когда колхозники обзавелись стационарной киноустановкой и через день смотрят новые фильмы, когда в селе, протянувшемся чуть ли не на шесть километров, открыто пять школ.

Кстати, о школьных делах. Проживала в Утятском вдова Анфиса Курлова. Был у нее сын Ваня, мальчик очень способный к учению. И пошла Анфиса по богатеям с подписным листом, не соберу ли, мол, Ванюшке на дорогу. Кто давал пятак, кто расщедрится – гривенник, а у иных – от ворот-поворот, голь, дескать, перекатная, туда же учиться вздумали. Набрал-таки вдова три рубля, и отправился Ваня с ними в Омск добывать свою долю. Было это незадолго до семнадцатого года. Октябрь открыл перед юношей все пути. И вот теперь доктор медицинских наук, профессор Иван Николаевич Курлов прислал из Кишинева для сельского музея свою фотографию.

Получили в Утятском свою карточку и от Николая Васильевича Луканина. В Чкаловской области зоотехником работает теперь первый здешний волостной военком, проводивший в селе первую демонстрацию в честь Октябрьской революции. Старожилы вспоминают:

- Вот уж вправду светлый праздник был. Когда Николай Васильевич выступил и рассказал, куда людей Владимир Ильич Ленин зовет, далеко вперед стало видно.

Есть в музее и фотография Ивана Михайловича Бобкова, одного из первых и активнейших борцов за советскую власть. В 1920 году он был председателем местного ревкома, организовал коммуну «Заря жизни», которая стала ныне колхозом имени Н. К. Крупской. Бобков повел первый трактор, смотреть который сбегалось все село. Сейчас Иван Михайлович с прежней энергией работает в колхозе, помогает сельскому музею.

Еще фотография: первые комсомольцы. В центре – секретарь ячейки Ваня Вавилов. Он не дожил до наших дней, сложил голову в боях с бандитами в 1921 году. Тогда утятские коммунисты создали крепкий вооруженный отряд и помогли разгромить осиное гнездо кулацко-белогвардейских мятежников.

Старинное село, раскинувшееся по крутому лесистому берегу Тобола, отстаивая новую жизнь, прошло через те же испытания и радости, трудности и успехи, что и тысячи селений нашей Родины.

Трогательны любовь и забота, с которыми организаторы сельского музея собирали экспонаты о становлении колхозного строя, о том как переживало село дни Великой Отечественной войны, о том как живет и крепнет сегодня колхоз имени Советской Армии.

Собраны все культуры, которые сеет колхоз. Одно из почетных мест – кукурузе. Нынче урожай ее был отменный, главное же впервые получили свои семена, а ведь кукуруза-то краснодарская.

В селе, где всего 70 лет назад, впервые увидели самовар, сегодня с глубоким знанием дела говорят о преимуществах системы земледелия, разработанной их земляком колхозным ученым Т. С. Мальцевым. И не только говорят, но и применяют ее, а потому даже в минувшее нестерпимо засушливое лето собрали по 11 центнеров пшеницы с гектара.

Жизнь села многогранна, содержательна. В музее собраны местные частушки, пословицы, произведения своих поэтов. Украшать музей помогают любитель живописи И. С. Иванов, искусный резчик по дереву А. В. Комарских, мастерица-вышивальщица Н. А. Лобанова.

Принося дань уважения ветеранам, здесь называют и новые имена, которыми колхоз гордится сегодня. Это лучшие доярки Галя Чистякова, Зоя Ловыгина. Это воспитанники Варвары Степановны Ивановой – бригадир Е. В. Родионов, заместитель председателя правления колхоза Я. В. Магтошов, работающий в центре угля и металла – в городе Сталино, кандидат химических наук Г. Г. Батиков и многие другие.

Уклад сельской жизни стал иным и меняется все к лучшему. Скажем, сообщения о движении советского искусственного спутника Земли в Утятском по радио слушают час в час с москвичами. Да и само создание музея – живое

свидетельство того, как выросла культура старинного села за последние четыре десятилетия.

В канун великого праздника откроется в Утятском музей. Пусть же он живет, обогащается новыми стендами, экспонатами, документами и, повествуя людям о минувшем, зовет их вперед в наше светлое будущее.

К. Тараданкин

// Известия. – 1957. – 10 окт. - №249. – С. 4.

Музей села Утятского

Каждый, кто приезжает в село Утятское, Курганской области, сразу обращает внимание на вывеску сельского музея. Пока музей не велик – он занимает две комнаты в здании клуба. Организатор и директор музея – учительница Варвара Степановна Иванова. Ее трудами собраны все экспонаты. Специальный стенд посвящен прошлому села Утятского, начиная с момента его основания в 1680 году. Здесь можно прочитать воспоминания стариков о том, каким «событием» в селе явилось приобретение первого самовара, о том, как впервые загорелась керосиновая лампа.

Вот одна из записей, относящихся к 1958 году: «С 21 по 26 января мы, утятцы, невооруженным глазом наблюдали движение по небосводу искусственного спутника Земли. Маленькая звездочка двигалась с северо-запада на юго-восток».

Сейчас Варвара Степановна готовит новый стенд, посвященный героям семилетки.

- Ухожу на пенсию, - говорит она, - теперь буду заниматься только музеем. Колхоз обещал помочь деньгами, в клубе для нас освободят еще одну комнату.

// Огонек. – 1960. - №12. – С. 28.



Здание, в котором какое-то время размещался сельский музей

Клады, которые в сердце

Над полями летят дикие гуси. Гонятся за ними низкие, сырые тучи. Дожди падают холодные, со снегом. Кончилось лето, ясные дни, невозможно коротать радость свиданий с летними закатами, с зеленым раздольем берез. Улететь бы вслед за гусями к теплому морю, вечной весне. Улететь бы в мир Илькиных сказок, вернуться назад молодой, красивой, сероглазой Варенькой, с чудо-косой... Но кто же Илька? Давайте откроем книгу, которую пишет бабушка Варвара. На обложке – «Для милого внука моего Игоря». На первой страничке – родословная Ильки: «Родился ты в Свердловске, но город в граждане не принял: у матери не было прописки. Спустя месяц, ввели тебя в гражданство села Утятского Глядянского района. В деревне все проще. Тут руководствуются фактом и верят слову... Совсем маленького тебя называли Малей. Сам себя ты назвал Лялей, а бабушка – Илей. Маля – Ляля – Иля». Вот откуда Илька.

А через десять лет он и сам будет читать и писать. И тогда откроет бабушкину книгу и все узнает. Узнает, что бабушка самый хороший человек на земле. Над каждой страницей в книге внук будет долго думать. Ведь бабушка оставила в книге свои мысли о трудных дорогах в жизни, о самом главном – о счастье.

Но кто же бабушка?

Сорок лет назад ее приняли в комсомол. Было лето, цветы, сенокос, была молодость, любовь, хороводы, чудные песни, которые теперь и забыли:

*Как по улице девица шла,
Оборонила там золотые ключи
Со двумя перстнями серебряными...*

Пели и новые песни. И любили их больше, потому что была в них – мечта и вера. Приняли Вареньку Иванову в комсомол, послали учительствовать по путевке райкома в деревню Галишево. Деревня – в лесу, вдали от дорог, глухомань, печаль. Представить нельзя, что на свете есть большие города, иная жизнь. Даже комсомольской ячейки нет. Но ведь за этим и послали Вареньку, чтоб в деревне стал хозяином комсомол. Да мешали сильно другие хозяева – кулаки. В сельсовете сидел у них свой человек – Терешка Раков. Купили Терешку дешево, за вино. Что ни сделает Варенька – Терешка путается в ногах, грозится. Написала про него фельетон в газету. Не похвалили ее жители. Смотрели пытливо, исподлобья, иные – жалостно: «Отжила девка... Отправит кулачье в Могилево...»

Занимается как-то Варенька в школе. Смотрит: под окнами вышагивает Терешка. В руках газета, насамогонился, кулаки набрякли. Шел Терешка уверенно, в голове билось веселое: «сотру девчонку...». Шел Терешка и на чем свет крестил комсомольцев, новую жизнь, благостно жмурился от гудящей силы в кулаках, орал частушки. Варенька вышла навстречу. Вышла спокойно, красивая, смелая, с чудо-косой. Остановился Терешка, обмякли кулаки. А она

все шла навстречу, и глаза ее смеялись над Терешкой, над его куражом, пьяной, пропащей жизнью. И тот повернул обратно. Потом исчез навсегда из деревни. И жить стало Вареньке плохо. Стали мстить кулаки. Караулили ее темными жуткими ночами в глухих переулках, когда шла с собраний. Клеветали на нее. Часто сберегал жизнь только случай... Вот кто бабушка Варвара.

Но Илька будет читать дальше и наткнется на страничку, где написано «Илькины сказки». Это сказки для него. Их сочиняла бабушка. Да сказки-то особенные – совсем не сказки, а мечты бабушка Варвары. И мечты – тоже не простые. Это – наказания, которые должен выполнить Илька. Ведь он тоже будет комсомольцем, совсем взрослым. Пусть он доделает то, чего не успела бабушка. Конечно, будет трудно Ильке. О его бабушке писали в центральных газетах и журналах, портрет ее в метровую ширину украшал один из стендов ВДНХ. Бабушка создала первый в стране сельский краеведческий музей и дали музею на выставке Малую серебряную медаль. Бабушка исходила пешком весь свой край и записала столько песен, легенд, сказок, что хватит на десять томов. Бабушка сейчас создает повесть о первых комсомольцах, о родных, дорогих людях, многих из которых уж и нет на свете. И об этом тоже наказ Ильке: «Бабушка Варвара пробовала перо. Она очень хотела, чтобы внук взял бы его и отточил для себя...».

Будет дальше читать Илька. Начнется он и на одно неотправленное письмо, которое писала бабушка своей подруге... «Захотелось поговорить с тобой. Сейчас второй час ночи. На улице – ветер, и ветки клена застучали в окно – проснулась. Теперь усну, когда дождусь рассвета. На душе все думы. Перебираю в памяти, что видела в жизни, что пережила. Против меня зеркало, изредка смотрю на себя. Раскосматились мои седые волосы, а ведь они у меня были длинные ровные.

В левой половине груди покалывает. Это сердце моторчик, заявляет, что работать ему надсадно. И опять в голове мысли как жизнь жила?.. Да, я старалась от всего сердца служить людям. Только, наверное, результаты ничтожно малы. И сейчас одно желание – найти его, полезное дело, счастье найти... Счастье – полезное дело. Ведь слово «пенсионер» не про меня... Я всю жизнь отдала людям, всю себя, но все равно не поймала ту дар-птицу, были только перышки от нее... Люди, люди, дорогие, любимые, как хочется еще работать для вас!».

Письмо это – тоже в книге для Ильки. Пусть и он никогда не коснется руками бабушкиной жар-птицы – не испытает никогда покоя, удовлетворения собой. Пусть он изумится это скромности, великой строгости к себе.

Сегодня опять Варвара Степановна Иванова раскрыла заветную книгу. Сегодня – праздник, и пусть осень за окном, все равно на сердце хорошо. Вспоминаются дорогие люди: Ваня Вавилов, Глаша Предеина, Аннушка Ижевская – друзья-товарищи, первые комсомольцы, молодость ее. Пусть о них прочтет Илька. И станет таким же. И полюбит их песни. И продолжит их дело.

Е. Селиванов,

// Молодой ленинец. – 1963. – 10 окт. - №129. – С. 3.

Из села Утятского

В жизни человеческой есть два главных дела – дело учителя и дело врача. Смею утверждать, что первое даже важнее второго. Без наших учителей, без школы был невозможен прогресс, то есть попросту на земле все остановилось и замерло – как замирает на наших глазах река, скованная декабрьским льдом. И этот лед стоит всегда до апреля, пока не придет весеннее солнце. И вот пришло оно – и ожили воды. Так же и с нашей душой. Она томится и мучается, пока не коснется ее первый весенний луч. Да, да – она тоже ждет своего солнца, своего учителя, чтобы тот взял ее за руку и повел за собой... Но, может, сейчас я говорю об идеальном учителе? Ну конечно, об идеальном! Я говорю о Варваре Степановне Ивановой, которой в эти дни исполняется восемьдесят лет. Большая жизнь, очень трудная жизнь... И опять берусь утверждать, что труднее дела учителя просто нет ничего. Особенно, если его главные годы обожгла и смяла война... Вот я написал сейчас – обожгла война – а ведь это будет неточно. Война принесла моей учительнице не ожоги, а раны, которые никогда, никогда не залечишь и уж, конечно, никогда не забудешь. Ну разве можно забыть ту суровую зиму, когда в наше село Утятское привезли первых блокадных детей. И все они – маленькие ленинградские сироты попали на ее руки – руки директора Утятской семилетней школы. И она всех потом сохранила и отогрела, всем заменила мать.

Моей учительнице уже – восемьдесят. Как коротка наша жизнь, быстротечна! И все-таки как огромна, если судить о ней по делам человека. И мы – ученики Варвары Степановны – гордимся ее делами.

Мы гордимся ею – самой первой хозяйкой Утятского сельского музея. Она создала его, она его выпестовала. Как мы обрадовались, когда газета «Известия» назвала его однажды – самым лучшим в стране сельским музеем!

Мы любили ее как замечательную преподавательницу истории и других общественных дисциплин. На ее уроках развивалась мечта и воображение. Это были даже и не уроки, а живые беседы о жизни, о человеке, о счастье. Впрочем, что же есть счастье? Сколько людей – столько ответов. Но по словам Варвары Степановны, счастье – это, прежде всего, служение людям. Каждый час, каждый миг... Пока стучит сердце.

Мы гордимся, что из-под ее пера выходили интереснейшие очерки и рассказы, статьи, репортажи, воспоминания.

Да, мы гордимся! И любим!.. И сегодня, я знаю, почтальон приносит десятки писем и телеграмм. В них – самые нежные слова, самые светлые, самые дорогие. Среди этих слов – пусть будет мое маленькое, самое скромное слово. Но все равно оно – от сердца. И от большой любви...

В. Ф. Потанин, писатель

// Советское Зауралье. – 1984. – 16 дек. – С.



Энергии, талантливости, неуёмности в делах Варвары Степановны Ивановой надо было дивиться и завидовать. Мне опять же сказочно повезло: довелось уже после окончания института работать вместе с ней в редакции районной газеты «Притоболье». Она, пенсионерка, никогда прежде в газете не работавшая, играючи затыкала за пояс всех нас, молодых и подающих какие-то надежды.

Варвара Степановна – маленькая, седенькая, сидела, едва возвышаясь над громоздким, письменным столом, поблёскивая сильно выпуклыми стёклами очков, дымила своим «беломором». Пачка папирос всегда лежала рядом с массивной пепельницей. Она уверенно заполняла крупным почерком тетрадный лист. А потом мы с восторгом и завистью читали в очередном номере «районки» очерк или короткий рассказ и не уставали дивиться – ну, как это ей удаётся? Я даже ручку завёл такую же, как у неё. Но, как говорил Хэмингуэй, взять такой же карандаш ещё не значит писать так же.

Один из сотрудников, уже признанный на районном уровне журналист, однажды решил следовать её примеру и «накатал» на половину четвёртой страницы нудный, как коровья жвачка, рассказ. На очередной летучке Варвара Степановна, мельком взглянув на это чтиво, напрямик выдала автору:

- Знаешь что, ты для своей же пользы больше рассказов не пиши.

Вскоре Варвара Степановна переехала в Курган, к сыну Валерию Донатовичу, и её заметки, рассказы стали регулярно появляться в «Советском Зауралье». И я так искренне обрадовался, когда в областной газете на одной странице напечатаны были моя зарисовка о природе и её рассказ, помнится, об утятском аптекаре. Небольшой по размеру, но такой ёмкий, светлый, оптимистичный рассказ о хорошем человеке. Эти публикации были замечены и отмечены. Наталья Юрьевна Юрьина из отдела информации газеты, с которой так дружна была Варвара Степановна, сказала по этому поводу:

- Что ни говори, а всё же приятно, что творческие труды находят признание.

Дорогие мои учителя! Я с вами прошёл по жизни, равняясь на вас. И если я в чём-то достоин вас – земной вам за это поклон.

Бунин, О. В. Светлая моя Родина [Текст] : рассказы, очерки, стихи / О. В. Бунин. - Куртамыш : Куртамышская типография, 2004. – С. 9-10.

БЫЛИ СЕЛА УТЯТСКОГО

Осуществилась мечта народная

Издrevле мечтали люди о свободном праве на жизнь, о возможности распорядиться своей судьбой, о власти родной, народной.

...Почти 270 лет существует село Утятское, одно из старейших сёл Западной Сибири. Возникло оно, как крепость (острожок), для защиты от опустошительных набегов кочевых азиатских племён. Когда же эта опасность миновала, крепость стала именоваться слободой, число жителей росло, прибывая за счёт, главным образом, ссыльных.

Привольные земли, обширные пастбища, сочные луга и богатые рыбой водоёмы для большинства жителей слободы не были доступны: голыми руками их не возьмёшь! В слободе справно жили шесть-семь домохозяев, остальные терпели нужду.

Однообразно, медленно текла жизнь. И эта сонная жизнь в 1773 году была нарушена вихрем Пугачёвского восстания. До слободы долетели горячие слова «прелестной грамоты» Пугачёва и мужики взялись за дрекольё. Но пожар народного возмущения был потушен, зачинщики жестоко подавлены, и в числе их – Фёдор Бакланов, которые первый принёс в здешние места весть о Пугачёве.

Приехавшая в 1880 году в село Утятское учительница Надежда Ильинична Лукиянова в своём дневнике писала: «Вся «культура» села сосредоточена в кабаке Могильникова. Там, перед кабатчиком за рюмку водки потрясая лохмотьями, пляшет бедняк Микулка Чудак, за глоток сивухи он подставляет кабатчику свою нечесанную голову, а тот дерёт её конской скребницей, а кругом хохочут, свистят»...

Учительница Лукиянова с трудом уговорила утятских мужиков отпустить в школу мальчиков, о девочках не могло быть и речи.

В Утятском поселился на жительство земский начальник. Ему выстроили особняк, - здание, в котором теперь находится семилетняя школа, ныне пристроенное и расширенное. Утятское село стало волостью. «Выбираются» волостной старшина и сельский староста.

Любопытны «выборы», проходившие 40 лет назад, летом 1910 года.

...Жаркий июльский день. Воскресенье. С утра десятник бежит под окнами крестьянских изб, сзывая мужиков на сходку. Сход собирается в центре сел под соломенным навесом, называемым «пожарной».

Кто побогаче из мужиков, - проходит под навес, бедняки жмутся у столбов навеса. Бабы, проходя по улице, далеко сворачивают в сторону – им не полагается и близко подходить: «не бабьего ума дела будут решаться!»

Вдали показался земский начальник, его все называют барином. Барин важно выступает, помахивая резиновым хлыстиком. Он с ним никогда не расстаётся, и многие мужики не раз испытывали этот хлыст на своей спине. При виде барина вскочили все, вытянулись, сдёрнули картузы, шапчонки, низко, в пояс поклонились.

Речь барина была короткой. Он сказал, что нужно нового старосту избрать и что нужно избрать Александра Чукалина, «мужика степенного,

справного». Писарь угодливо настроил протокол. Кто-то из богачей поддакнул и «выборы» состоялись. Сход расходился. Мужики спрашивали друг друга: «Кто будет старостой? Неуж – Саша-Белочка? Сдерёт нам шкуру, попускает».

А Александр Петрович Чукалин уже прицеплял к своей рубахе бляху, увесистую, медную – знак сельского старосты.

В то же лето проходили «выборы» и волостного старшины. В дом скотопромышленника Матвеева (ныне корпус детского дома) съехались кулаки деревень: Меньшиково, Нагорка, Камышное, Темляково и Бараба. Здесь же присутствует земский начальник и «святые отцы» трёх церквей: утятской, камышинской и барабинской. На этом своеобразном съезде власть имущих волостным старшиной избран темляковский матёрый кулак Иван Никифорович Трубин. Новый старшина за услугу своим «избирателям» выставил ведро вина. Началась буйная попойка. Денёг на вино Трубин не пожалел, знал, что возместятся они сторицей.

...Приближался грозный 1917 год. В Утятском всё оставалось по-прежнему: лучшие земли, леса, луга – в руках Чукалиных, Тюкачёвых, Мерзляченцевых, Демидова. Беднота бьётся, как рыба об лёд... но всё громче раздаётся ропот недовольных, всё чаще разговоры о больших переменах в жизни.

И вот могучая волна революции, буря гражданской освободительной войны докатились до Утятского...

Неузнаваемо переменилась жизнь села с тех пор. И поля, и луга, что раскинулись вокруг утятского, переданы колхозу, носящему имя Советской Армии.

Нынче выращен такой урожай, какого даже старики не помнят. Полноценен трудодень колхозника. Ещё нет окончательного распределения колхозных доходов, а в виде аванса многие колхозные семьи получили по 150-180 пудов великолепной пшеницы, как солнце наливной и ясной.

В селе не найдёшь неграмотного. Многие колхозники имеют семилетнее и среднее образование.

В Утятском две начальные школы, одна семилетняя, есть санаторно-лесная школа, детский дом. Стоит пронаблюдать хотя бы один обычный день жизни в селе Утятском. Какая полнокровная жизнь!

...8 часов утра. На широкой улице села оживлённое движение. То юные граждане спешат в свои школы. Идут обозы с зерном и сеном. Проходят тракторы, ведущие в МТС комбайны. То и дело бегут автомобили.

...8 часов вечера. Ярко освещены дома колхозников. Зайдите в любой дом, и вы найдёте там либо школьника, склонившегося над учебником, либо взрослого, читающего книгу или газету.

Учится взрослое население. По четвергам актив села собирается в семилетней школе, чтобы послушать лекцию по истории нашей коммунистической партии и страны, по географии, о великих делах советского народа, обсудить, что делается за границей.

Все эти невиданные перемены принесла людям наша родная Советская власть, велика партия Ленина – Сталина.

Вместе со всем народом нашей Российской Федерации идёт село Утятское навстречу выборам в местные Советы.

На собраниях горячо обсуждаются сельские дела. Надо нашему селу – пора! – иметь электричество, свой мощный радиоузел. Крайне необходимо в будущую осень открыть и среднюю школу. Все эти неотложные дела под силу гражданам села Утятского, они записывают это в наказ новому составу Совета.

И уж не кулака-мироеда, не какого-нибудь «жилу» Сашу-Белочку, а своих трудовых людей выбирают утятцы в народные советские органы власти.

...10 ноября 1950 года в Утятском прошли собрания по выдвижению кандидатов в депутаты местных Советов. Первым было названо имя гениальнейшего из людей, отца, учителя и друга всех трудящихся – Иосифа Виссарионовича Сталина, под руководством которого свершены величайшие преобразования в жизни страны и в судьбе каждого трудового человека. Вслед затем были названы имена местных тружеников села. Работники санаторно-лесной школы выдвинули кандидатом в депутаты Глядянского районного Совета учительницу Анну Григорьевну Девятову. Общее собрание утятских колхозников поддержало её кандидатуру, а также кандидатуру трактористки Веры Максимовны Платоновой, выдвинутой для баллотировки в Курганский областной Совет депутатов трудящихся.

И осуществилось в древнем селе Утятском невиданное, небывалое: деревенские девушки становятся депутатами, утятцы стали хозяевами своей судьбы.

// По сталинскому пути. – 1950. – 23 ноября. - №60. – С. 2.

Молодая поросль

Учебный день в школе подходит к концу. Младшие школьники ушли домой, только семиклассники ещё занимаются. И хотя экзаменов у них вдвое меньше, чем в прошлые годы, а всё же надо много работать, серьёзно готовиться.

«Успешно сдать экзамены – наш патриотический долг», - написано на красном полотне в коридоре. Уже вывешено расписание экзаменов, и настроение у всех какое-то приподнятое.

Прозвенел звонок с последнего урока и из классов в коридор высыпали 90 человек семиклассников Утятской семилетней школы.

- До свидания, Александра Андреевна, до свидания, Николай Николаевич, до свидания, Анна Тимофеевна! – прощаются ребята со своими учителями, провожающими их домой.

И когда входная дверь закрылась за последними уходящими, учителя разговорились между собой.

- Хорошее слово «до свидания», но почему-то оно всегда навеивает неясную грусть. «Здравствуйтесь» - бодрее и радостнее, - согласились все.

В учебном году у школьных учителей есть два примечательных дня. Первое сентября – начало занятий, когда громко звучит со всех сторон: «Здравствуйтесь!» Какой это радостный день! В конце учебного года торжественно и весело проходят в школах выпускные вечера. И когда среди общего веселья раздаётся: «До свидания!», - кому из учителей не становится грустно? А кой-то украдкой смахнет и слезинку.

Время идёт. Мальчики и девочки становятся взрослыми. Они приводят в школу своих детей, а старый учитель, принимая к себе в класс нового ученика, с отцовской любовью смотрит на своего ученика – теперь папашу. Учитель радуется жизненным удачам своих воспитанников, печалится их печалям. Он отдал когда-то частичку тепла своего сердца ученику и с тех пор судьба этого ученика невидимо связана с душевным покоем учителя.

Девяносто человек кончат нынче семилетнюю школу. Все они 14-16-летние подростки, мальчики и девочки, как молодая поросль, нуждаются, ещё в заботливой и твёрдой руке, направляющий их рост.

Некоторые выпускники будут продолжать учиться в старших классах средней школы в Кургане и Глядянке, другие ещё не знают куда определиться, но большинство остаётся работать в своём колхозе.

Задумчивые друзья Антонина Бобкова из 7 «в» и Александр Пустозёров из 7 «а» давно определили цель своей жизни. Александр станет землеустроителем, он распланирует разумно и с наибольшей пользой колхозные поля и леса. Антонина станет трактористкой, может быть бригадиром девичьего тракторного отряда и будет не менее знатна, чем Прасковья Ангелина. Свои мечты Антонина излагает в стихах, только те стихи ещё никто не читал, кроме Александра Пустозёрова.

Говорят, что месторасположение нашего села очень красиво. Мы это сами давно знаем. Особенно красива дорожка по бору, когда въезжаешь или

входишь в Утятку с запада. Но это место можно ещё можно сделать красивее, если продлить эту дорожку аллеей лиственниц до самого села. Влево от дорожки, к востоку от бора с животноводческой фермы навожено много навоза. Нужно, чтобы этот навоз перегорел, потом сравнять место и разбить сад, он соединится с бором. Будет прекрасный парк! Это дело возглавит, вероятно, Пухов Леонид, а может быть Юрий Казанцев или Вера Потанина. Они твёрдо решили сделать своё село и его окрестности самым красивым местом.

Рая Мерезлеченцева хотела бы работать на животноводческой ферме, где много лет работает дояркой её мать. Но Рае 15 лет и мать не хочет, чтобы она нынче пошла на ферму. «Куда тебя там такую пичужку?» Мать хочет, чтобы Рая стала медицинским работником. Спорный вопрос пока отложен до конца школьных экзаменов. И, как бы он не разрешился, но Рая будет работать только в своем селе.

Много дум и мечтаний у юных граждан села, у выпускников семилетней школы и разве о всех их расскажешь? Телевизор в сельском клубе, виноград в саду, невиданные урожаи на полях, высокопродуктивный скот на фермах, довольство и радость в каждом доме.

Всё это сбудется, непременно сбудется, его осуществит молодое, энергичное, жизнерадостное подрастающее поколение.

- Нашим дедам и отцам куда было труднее закладывать для нас фундамент прекрасного здания – коммунизма, - говорит семиклассница Валентина, - мы это здание доделаем и украсим.

Она права эта девочка подросток.

Колхозный шофер Алексей Павлович Потанин отлично ведёт машину по накатанной дороге, минуя выбоины и ухабы. Попутно с машиной после уроков в поле едет группа школьников во главе со старшей пионервожатой Марией Тарасовой. Они везут для работающих на севе книги для библиотеки, свежие газеты, патефонные иголки, медикаменты для полевой аптечки.

Девочки не любят раскинувшимся кругом великолепным весенним пейзажем. Им и эта дорога, и лесок – всё до мелочи знакомо. Они заняты какими-то своими разговорами и над чем-то громко хохочут.

Миновав сосновый лес, машина быстро затормозила ход и перед взором открылась неизвестная панорама. Ещё вчера здесь лежал огромный массив не паханного лет пятнадцать поля. Свежевспаханная земля теперь, казалось, дышала, издавая пар. Вдали виднелся трактор, заканчивающий пахоту земли, узкой лентой, протянувшейся между двумя колками.

- Девочки, это трактор Феди Осипова, вон Леночка прицепом управляет, - показывая на трактор, говорит вожатая.

- Федя!.. Лена!! – деляя ладони трубочкой, кричат девчата. Выводя низкие ноты, мотор машины ревет, машина ползет по перепаханной дороге.

«Ивановка» - так называется полевой стан бригады №2 колхоза «Советская армия». В доме, который служит общежитием работникам на севе, шумно. Это смена трактористов и прицепщиков уже приготовилась пойти на работу, сменить уставших. Здесь более половины трактористов и прицепщиков

– молодежь, окончившая семилетку 2-3 года назад. Федор Осипов и Елена Чур сейчас допахивают залежи, седьмой класс закончили в прошлом году. Федор зимой учился на курсах трактористов, а Лена помогала в домашней работе старшей сестре. Теперь и Федя, и Лена работают самостоятельно. Вчера у них был радостный день: они впервые свое задание выполнили на 160 процентов.

Прибывшие на стан школьницы раздали людям свежие газеты, попробовали новые патефонные иголки и принялись за украшение красного уголка, даже пол помыли в нем.

- «Пора в путь дорогу...» - кто-то пропел из трактористов и молодежь шумно направилась на поле, чтобы сменить отработавших свое время. Воспользовавшись отсутствием людей, девочки и в этих комнатах навели порядок. «Пусть не думают о нас, что мы ходим и ездим в поле лишь прогуляться».

Возвратилась со смены группа трактористов и прицепщиков. Грязные, запыленные и усталые заходили они в дом, не спеша раздевались и приводили себя в порядок. Пришла и Лена Чур, она показывает девочкам свои руки, - какие они у ней стали загрубелые!

- Сегодня мы с Федей опять перевыполнили норму. Трактор работал хорошо, передайте там в школе учителям.

Школа и учителя всегда в курсе жизни и работы своих воспитанников. Учителя не считают себя свободными от моральной заботы о молодой поросли, вышедшей когда-то из стен школы. Правда у молодежи, работающей на колхозных полях, есть новый наставник, помощник и советчик. Это бригадир тракторного отряда Степан Тимофеевич Фалёв. Человек большого такта, выдержки и отзывчивости. Он служит образцом скромности и любовного отношения к делу для молодежи. Никто никогда не слышал от него грубости, он ко всем одинаково справедлив и требователен.

Есть в бытовой жизни молодежи в поле одно большое неудобство. Тесен дом, в котором живут и девушки, и юноши. Но сейчас достраивается полевой вагончик и, тогда девушки будут жить отдельно, будут чувствовать себя свободнее.

На «Ивановку» вновь пришла грузовая машина вторым рейсом. Вожатая заторопила девочек:

- Пора домой. Вас ждут уроки, ждут экзамены.

- Ни пуха вам и ни пера! – кричат уезжающим в село школьницам провожающие.

// По сталинскому пути. – 1954. – 20 мая. - №41. – С. 2.

Из жизни сельской школы

Пионерский звеньевой

Утро, стоит приятный морозец, рассвет ещё не наступил, но кажется, что природа приготовилась встретить его. Какая-то торжественная тишина и покой воцарились в природе в этот час. Прямая улица села пустовала. Пересекая улицу, прошел к реке дед Петро с рыболовными снастями и опять ни души.

Но жители села давно не спят, здесь люди привыкли рано вставать, здесь руководствуются пословицей: «Кто поздно встает, у того хлеба не достает». Во всех домах горят огни, жарко топят печи.

Вдали показалась маленькая фигурка, это ученик пятого класса, вожатый пионерского звена Вова Тютрин идет в школу. Сегодня звено Вовы несет дежурство по школе, и они договорились с ребятами придти в школу раньше.

- Если школа закрыта, - думает Вова, - постучу и скажу: «Дежурный звеньевой Тютрин, откройте, пожалуйста».

Потом придет классная руководительница Вера Сергеевна, потом ребята придут. Звено Вовы решило сегодня до уроков поработать еще и по карте, точно определить, где берут начало реки Азии.

Морозный воздух бодрит мальчика и во всем теле он чувствует особую легкость, невесомость. Вова подпрыгнул на правой ноге, а левую далеко выбросил вперед; теперь на левой подпрыгнул, правую выбросил. И кажется мальчику: «Здорово получается, не то летишь, не то едешь на чем-то». Размахивая руками, Вова быстро продвигается вдоль улицы, ранец за спиной тоже подпрыгивает, а карандаш и ручка словно выговаривают «летим...летим... летим...».

Вот и широкий школьный двор, школа, некоторые классы и коридоры освещены огнями.

- Опоздал, Вовка, проспал, засоня, - шумно встретили его ребята. Оказалось, что и классная руководительница Вера Сергеевна уже в школе.

- И вовсе не проспал, вы тоже, наверное, только что пришли, - досадуя на себя, отвечает Вова. Он деловито раздевается и направляется в свой класс.

- Толька, какой ответ в задаче получился у тебя? – как бы мимоходом спрашивает он у Толи Ушакова – лучшего математика звена.

- 320 центнеров и 53 килограмма, - отвечает Толя. – Мы сверялись и у всех так. Только у Ленки есть одно лишнее действие, мы посоветовали взять его в скобки.

Мальчики входили уже в класс, когда Толя вдруг размахнулся, шлепнул Вову по спине: - За опоздалку! – вскрикнул он и помчался вдоль коридора. Вова стремглав бросился за ним.

- Мальчики, Тютрин. Ушаков, ведь мы вас ждём! – раздался из класса голос Веры Сергеевны. На учительском столе уже лежали красные повязки – эмблемы дежурного школьного начальства.

- Вера Сергеевна, - обратился Вова Тютрин к классной руководительнице. – Мы ещё вчера всем звеном договорились повторить утром на карте реки Азии. Мы не опоздаем это сделать?

- Успеете, время еще есть, - согласилась учительница и все звено столпилось у большой географической карты. И когда ребята изъездили весь огромный материк Азии с его полуостровами, началось распределение обязанностей между дежурными. Группа ребят получила задание следить за порядком в коридоре, вторая – за раздевальной, Вова Тютрин – звеньевой вожатый пожелал встать на пост у входных дверей, на это пост желающих оказалось немного... Повязав красные повязки на левый рукав, ребята заняли свои места.

В школу приходили ребята, и она огласилась шумом, смехом, разговорами.

Отцы и матери школьников

Отец Толи - Ушаков Александр Васильевич член родительского комитета уже несколько лет. В школе он бывает часто и не как гость, а как воспитатель и наставник.

Он присутствует на уроках в пятом классе, слушает ответы учеников и все что-то пишет в свою записную книжку. Учащиеся привыкли видеть Александра Васильевича у себя на уроках, а все же не выучить урок очень стыдно.

Во время перемен ребята включают радиоприемник. Хорошо послушать музыку. Радиоприемник приобрели ребята по совету членов родительского комитета. Любят пятиклассники слушать рассказы Александра Васильевича о подвигах советских людей Великой Отечественной войны. Александр Васильевич – инвалид войны во многих местах довелось ему побывать, многое повидать.

Родительский комитет закрепил Александра Васильевича за 5 «а» классом, где учится и его сын Анатолий. Но у Александра Васильевича забота, чтобы все в классе хорошо учились, все достойно вели себя. И особенная забота о тех мальчиках и девочках, у которых нет отцов. Подолгу иногда засиживаются классная руководительница Вера Сергеевна с Александром Васильевичем, обсуждая ребячьи дела.

Буров Александр Григорьевич - конюх колхоза «Советская Армия» тоже часто бывает в школе, интересуется ее жизнью. Человек уже немолодой, в школе у него учились собственные дети, теперь учатся внуки. Закрепленный за 7 классом член родительского комитета колхозный- пчеловод Пван Иванович Луканин обещает ребят научить искусству пчеловодства, кстати школа будет иметь в нынешнем году на пришкольном участке своих пчел.

Родительский комитет школы в нынешнем году состоит из 15 человек, возглавляет его энергичная женщина Галина Перфильевна Михайлова, всей душой желающая помочь учителям и родителям в воспитании детей.

А разве можно не сказать доброе слово о матери ученика Толи Лобаноиа. По совету учителей Наталья Андреевна установила с первого класса твердый режим для своего мальчика, выработала в нем привычку усердно трудиться, настойчиво доводить дело до конца.

К сожалению не все родители так по-государственному, с полной ответственностью относятся к воспитанию своих детей: для примера назовём Трусову Екатерину Селифановну. Ссылаясь на занятость, Екатерина Селифановна ни разу не побывала в школе, не поинтересовалась как учится ее дочь ученица 6 класса (Екатерина Селифановна Трусова работает в Утятской больнице медсестрой). На вызовы в школу тов. Трусова отвечает: «Учителям деньги платят, если нужно, пусть придут на квартиру ко мне, а я-то уж к ним не пойду».

Петр Александрович Щепкин и Ушаков Николай Иванович тоже считают, что заниматься воспитанием детей нет надобности. «Хлеб вскор-нит, вода обмоет» - говорят они о своих детях. Невдомек т. т. Щепкину, Ушакову, что, пользуясь бесконтрольностью с их стороны, их дети в каждом классе учатся по два года и ведут себя плохо, особенно сын Ушакова Николая.

Вера Сергеевна

Учебный день в школе подходит к концу. Идет последний урок. Классная руководительница 5 «а» класса Вера Сергеевна Чегодаева сидит в учительской в ожидании конца последнего урока.

Они ведет русский язык в 5-4 классах. Её уроки по расписанию всегда проходит первыми, но к концу занятий Вера Сергеевна всегда в школе. По домам ребят всегда отпускает сама.

После учебы в Саратовском педагогическом институте Вера Сергеевна в сельской школе работает четвертый год, четвертый год она классный руководитель. Вспоминается ей ее первый подопечный класс, она вела его, начиная с пятого, Ей теперь кажется, что это были особенные ребята, все такие хорошие. В седьмом классе они все стали комсомольцами, с ними так было интересно и легко работать. Конечно было много неудач и огорчений, но сейчас все они улетучились из памяти.

Толя Шапкии, какой это был чудесный мальчик, а Люба Чокунова, Вали Судакова, Николай Карвук! Всех бы их встретил сейчас и обнял.

Нет нынешний первый класс тяжелый класс. По количеству учащихся он не велик, всего 25 человек.

А четверо переростков, как дурно они влияют на остальных своим поведением. Но их ведь надо учить.

Правда теперь в классе уже 22 пионера. Одно то, что все они на занятия являются а пионерских галстуках, как-то подтягивает их.

В школе нет освобожденного старшего пионервожатого. Эту обязанность в порядке общественного поручения выполняет учительница истории Ираида Григорьевна Васильева, поэтому с пионерами пятых классов Вера Сергеевна много работает сама.

Главное создать дружные звенья пионеров, целеустремить их. А проведенные недавно сборы отрядов и дружины так, понравились ребятам и в какой-то мере обогатили их душевный мир.

Прозвенел звонок с урока, Вера Сергеевна направилась в свой класс. В дверях учительской комнаты она чуть не столкнулась с учителем немецкого языка Михаилом Яковлевичем Сорокиным.

- Ваш Петров опять не работал на уроке и другим мешал, - с раздражением говорит учитель.

- Опять не работал - поторяет Вера Сергеевна с такой ноткой в голосе, словно сама виновата. – Я постараюсь в этом разобраться, Михаил Яковлевич.

Пятиклассники в ожидании своей руководительницы наводили порядок в классе. Зина Буруна мыла классную доску, Шура Сорокин ползал под партой, собирал бумажки и совал себе их в карман.

- В половине шестого вечера мы с вами, ребята, встретимся у клуба, - объявила Вера Сергеевна ребятам.

Полчасика погуляем вместе, а с шести часов посмотрим кино-картину «Овод». Замечательная картина. Хорошо?

- Хорошо, - отвечают хором ребята.

- Сейчас пойдите домой. До половины шестого вы должны дома выполнить письменные задания к завтрашнему дню. Устные уроки будем готовить при огне, - наказывала ребятам учительница.

- До свидания, Вера Сергеевна, - говорят ребята.

- До свидания, - отвечает учительница.

- А на лыжах в лес мы завтра пойдем? - спрашивают некоторые.

- О завтрашней вечерней встрече договоримся завтра.

Вера Сергеевна на этот раз не сдержала слова – «разобраться с Петровым», - данного учителю немецкого языка.

Возможно Вера Сергеевна отложила разговор с Петровым до прогулки совместной на улице, которая состоится сегодня в половине шестого. Может быть этот разговор состоится, когда ребята после кино пойдут провожать домой свою учительницу, а возможно этот разговор произойдет в квартире Петрова. Но мы наверняка знаем, что такой разговор состоится.

// По Сталинскому пути. – 1955. – 27 ноя. - №128. – С. 2.



Здание Утятской школы, 1963 г.



В школьном саду. Сын и племянник В. С. Ивановой

Иная доля

Рассказ

Даже первый свой снег зима нынче разбрасывала со злостью. К дому Марфы Потаниной она сразу нашвыряла его бугром под самую крышу, а у соседа чуть попоршила. Потом каждый день начала сыпать снегом, чтоб всем хватило, заходи к селу с разных сторон, а тут и морозы подослала, да какие злые.

Как ни балует зима, а не может она остановить жизни. Разгребая снег по сторонам, трактор тащит с поли целый стог сена. Следом за трактором везут тугие воза лошади.

Короток зимний день, успевай поворачивайся. Зато светлы и длинны вечера, хоть книжку читай, хоть шитье шей, не зажигая опг.

Подвозчица кормов для животноводческой фермы Марфа Степановна Потанина еще с утра договорилась с бригадиром, что вечером съездит за сеном для своей коровы.

- Зачем вечером, - возражал бригадир. - Бери на завтра выходной день и ступай с утра. Но разве с Марфой сговоришься. Упрямая. - Мне, - говорит, - лишний трудовень карман не дерёт. Буду я терять рабочий день.

Полная луна едва выглянула из-за сосновой рощи, когда Марфа на серой лошади, запряженной в дровни, спускалась к Тоболу.

Зимняя дорога шла по самой середине реки. Крутые берега в вечернем полумраке казались причудливыми. Трудно верится, что бывает время, когда это глубокое русло наполняется бурлящей водой и что вода тогда выхлестывает из берегов и на несколько верст разливается, затопляя окрестности. Ветра небыло, по мороз щипал лицо, серебрил брови, ресницы и выбившуюся прядь волос из-под теплой шали, забирался в рукава полушубка. Поправившись удобнее на сиденьи, Марфа вся ушла в свои думы.

- Сейчас дома мать, вероятно, затопила в комнате печь. Старшая дочь, семиклассница Тоня сидит за уроками. Тут же за столом решает задачу и двенадцатилетний Шурка.

Нелегкая жизнь выпала ей Марфе; Дочь-вдовы п вот теперь сама вдова. Уж десять лет вдовее, не пришёл домой с войны муж.

- При муже жена - словно госпожа; без мужа жена – горька сирота, - часто приговаривает ей старуха-мать. Не верилось, да и сейчас не верится, что никогда не вернётся домой Иван, отец её детей.

- Вот бы приехала сейчас с сеном ко двору, а ворота открывает он, Иван; «Ну, как, Марфушенька жила ты без меня, горько ли, сладко ли?» Да нет, не может этого быть; чего я размечталась... - шепчут её губы.

- А почему бы и не быть такому чуду? - шепчет опять ей какой-то внутренний голос.

- Ведь вернулся же Василий, муж Ксеньи через пять лет после похоронной; Марфа встрепенулась, словно опомнилась и задергала вожжами, погоняя лошадь.

- Тебя, Иванушко, ждала я день я ночь, - сказала бы я ему. - Опроси у

людей, как трудилась я. Взгляни на хозяйство, не уронила я его без тебя, а стало оно ещё крепче. Корова в тёплом стойле, есть и куры, и гуси, и утки, и хлеба в запасе довольно. Полнуйся на детей своих, одеты — обуты они не хуже других, а в школ о учителя ими не нахвалятся. Не узнать тебе и колхоза нашего, в день не обойдешь, не осмотришь всего. Миллионером стал наш колхоз теперь.

Дорога поднималась в гору. Здесь мела поземка, сухой снег пересыпался и шуршал как песок. Нужно было свернуть с дороги п километра полтора ехать по глубокому снегу. Лошадь увязла в снегу по брюхо, Марфа встала на ноги, будто от этого лошади было легче.

Снег у стога был утоптан ногами каких-то животных.

Марфа установила дровни, ослабила подпругу у лошади и первый пласт сена бросила ей. Привычными п ловкими движениями Марфа подымала на вилы пласт за пластом спрессовавшегося сена н укладывала его в воз.

«Юртище», с детства знакомое Марфе место. Сюда бегала она детским делом за ягодами. Этот большой массив земли до последних лет лежал нетронутым. Одним концом он подходит к берегу роки, а с трех сторон отгорожен от остальных земель густым берёзовым лесом.

В давние времена здесь любили разбивать свои юрты кочевники—казахи. С тех пор и зовется это место «Юртищем». Круглый год здесь паслись табунки диких коз, а летом гнездилась птица.

Люди не стремились освоить «Юртище», благо и без него земельные просторы велики.

- На «Юртище» земля заколдована, слежалась, её топором не разрубишь, - говорили старики.

Но два года назад дошла очередь и до «Юртища». Добрая половина этого массива, ближе к лесу, уже распахана и была засеяна прошлый год кукурузой. Отличный был урожая., Другая половина очищена от зарослей шиповника, вишняка и превращена в сенокосные угодия.

Осмотрев туго затянутый воз, Марфа взяла под узцы лошадь и потянула её. Лошадь налегла сильной грудью на хомут, дернула воз, но на беду Марфы, видимо плохая, завёртка лопнула и оглобля вылетела из своего гнезда.

Пришлось отпрягать лошадь, развязывать воз, отрубать конец от веревки и делать новую завертку. Марфе показалось, что в этой беде виноват никто иной, как бригадир Иван Гаврилович, подсунувший ей плохие дровни. «Погоди дьявол тугоносый, - бранилась Марфа, - только до первого собрания, мы покажем тебе, как подсовывать нашей сестре худые дровни». Ей даже представилось это собрание и как её поддержат все товарки и как Гаврилович, заикаясь, будет оправдываться: «Виноват, виноват... За всем не усмотришь»,

Беда поправлена. Лошадь вновь впряжена в воз. Марфа идет впереди лошади, увязая в снегу и стараясь разглядеть след, проложенный ею. Но следа не видно, его успела замести поземка. Марфе показалось, что ехала, где-то правее, и, круто повернув, лошадь вправо, она опрокинула воз.

Нервы не выдержали. Марфа бросила поводья и заголосила. Ой и куда же мне деваться горе-горькой... И на кого ты нас бросил, покинул... да не

дождаться нам тебя, не доглядеться...» - жаловалась она в причетах на своего мужа.

Вдруг какой-то шорох привлек ее внимание и, вытирая рукавицей слезы, она повернула голову. Из лесу вышел табунок диких коз и, остановился, с любопытством разглядывая происходящее. Впереди стоял самец, с красивыми рогами, за ним цепочкой другие козы штук 7 или 8. Потом вожак прыгнул в сторону леса и вся стайка мгновенно исчезла.

Долго Марфа возилась, перекладывая сено и перепрягая лошадь. Когда выбралась она на торную дорогу, была уже глубокая ночь! Месяц стоял почти над головой и казалось чему-то улыбался.

Навстречу Марфе по дороге двигались на лыжах какие-то три фигуры. «Что за люди, уж не браконьеры ли за козами?» - подумала Марфа.

Вдруг она услышала знакомый голос соседского парня Мишки Чебыкниа: «Тетка Марфа!!.. на подмогу идем!...»

- Куда вас нелегкая несет в такую пору? - крикнула с воза Марфа поровнявшимся парням.

- Бригадир Иван Гаврилович послал. Тоби долго нет, а он беспокоится, «уж не случилась ли беда какая с бабой» - говорит. А нам что до «Юртища» дойти - прогулка, удовольствие...

- А ружье за плечами для чего? Уж не поохотиться ли вздумали на коз?

- Что ты, тетка Марфа... что мы враги какие что ли?... Жить всем охота, пусть живут... - и ребята повернули назад к селу.

- Тетка Марфуша, а сено отбрасывать тебе прийти, помочь? - уже удаляясь, кричал Мишка.

- Обойдусь без вас, катайте на вечёрки... - отозвалась, Марфа. На душе ее стало словно теплее и злоба на бригадира Гавриловича пропала.

Ворота ограды открыла дочка Тоня:

- Ой, мамонька, да чего долго-то, уж ждем, ждем... Шурка тоже не спит!..

А какая передача по радио из Москвы... век бы слушал.

Из дома доносились чудесной музыки.

// По сталинскому пути. – 1956. - №16. – 5 февр. – С. 2.



с. Утятское. Одинакая сосна

Они были первыми

Спрашивают меня школьники, была ли я комсомолкой.

- Да, была.

- А пионеркой?

- Пионеркой - нет. Когда впервые в нашем селе появился пионерский отряд, я работала уже учительницей.

- А кто в селе был первым комсомольцем? - не унимаются ребята.

Тогда я с волнением называю имя Ванюши Вавилова. В памяти встает его короткая, но полная героизма жизнь, и я начинаю рассказывать им о нем.

Мы пытаемся на листе бумаги нарисовать его портрет. Рисуем русское лицо крестьянского парня. Открытый взгляд, чуть вздернутый нос и улыбающиеся губы.

- Прядь русых волос, - говорю и юным художникам, - непокорно спадала у него на лоб. Мы делаем надпись: «Иван Вавилов, первый комсомолец села Утятское».

Взрослые, которые помнят Ванюшу, говорят, что портрет плохо удался. Но что же делать, если фотографий его не осталось: за свою короткую жизнь он ни разу не фотографировался...

Когда в нашем крае устанавливалась советская власть, Ванюше было всего семнадцать лет. Он вдоволь уже хлебнул батрацкого горя. Подкидыш, сирота - он не знал родительского крова. Рос в людях, с малых лет батрачил. Жил впроголодь. Одна отрада - книги. Их прочитал он много. Наш учитель Николай Филиппович помог сироте успешно окончить двухклассное училище.

Учился Ванюша блестяще. Сидит, бывало, за партой, лицо осунувшееся, худенькая одежонка густо усеяна заплатами, на ногах вместо валенок рукавицы, а сам весь поглощен рассказом учителя, в глазах - неугасающий огонек пытливости.

Так он и вырос. Крестьянские парии и девушки льнули к Ивану. Любопытно было послушать от него книги, которых он знал несметное количество.

Любили Ивана и за веселый нрав, за самоделку - балалайку, с которой он редко расставался. Сколько, спели под эту балалайку задорных частушек и песен! Но главное, Ванюша умел дружить - эго был чуткий, умный товарищ и друг.

...Шел 1920 год. Наши села и деревни очищались от белогвардейцев. Не слышно стало в Утятском по зорям оружейных выстрелов. Налаживалась новая жизнь - открыли больницу, начала работать школа. Трудные это были годы. Жизнь создавалась заново.

В старом полуразрушенном школьном здании Иван с группой молодежи решили оборудовать клуб. Парни ремонтировали двери, вставляли в рамы стекла, изготавливали скамьи для сиденья. Девушки, подоткнув, длинные юбки, мыли полы, обметали со стен паутину и пыль. Вот и готов клуб. Кто-то притащил керосиновую лампу, раздобыли дров и истопили печи. Вечером на огонек собралась молодежь.

Пришел в клуб и товарищ Жунин, секретарь партийной ячейки. С Иваном

Вавиловым они дружили.

- Товарищи, - поднявшись на сцену начал Жунин, - я пришел поблагодарить вас от имени нашей партии. Вы сделали, товарищи, большое и полезное дело. Через этот клуб мы понесем в народ культуру. Спасибо вам, товарищи-молодежь.

Слово «товарищи» в то время употреблялось, может быть, излишне часто. Но от него веяло чем-то новым, это слово ласкало слух, заставляло учащенно биться сердце.

- А сейчас, товарищи, повеселимся на новоселье, - кричит Ванюша. Заиграла гармонь во все лады, затараторили балалайки и пустился в пляс веселый молодежный хоровод.

Совсем молоденькие Ксенка и Настька отозвали Вавилова в сторону.

- Знаешь, Вань.., - начала робко сероглазая Ксенка, - говорят в Кургане школа второй ступени открывается, как учиться хочется...

- Поступить надо... я сам хотел вам об этом сказать...

- А ты? - спросила Ксенка.

- Я тоже... только немного позднее... Дела есть пока всю белую контру не переловим - не учиться мне. А вы завтра же направляйтесь в город. Идите прямо к Пискунову, в наробраз. Вот человек! Настоящий коммунист! Он вас устроит и в школу и с жильем. Последнее было не маловажным: Ксенка росла сиротой и помощи ей от родных ждать не приходилось. |

Да, дел у Ивана было много. Сколачивалась крепкая комсомольская ячейка, и не хотелось отрываться от новой жизни, которой он весь отдался без остатка.

Само собой получилось что Ванюша стал комсомольским вожаком. Да кому еще по плечу была эта роль в те дни? Кто бы смог так вот смело самозабвенно взяться за это трудное и новое дело? Кому бы, как ни ему, могли поверить сверстники сыны и дочери бедняцких семей. У кого ещё было такое твердое убеждение и вера в партию. И молодежь тянулась к нему, чтобы узнать о новой правде...

Запомнился мне вечер, когда впервые исполнял пролетарский гимн «Интернационал». Клуб был переполнен народом. Хор молодежи стоял на сцене полукругом. Ваня вышел вперед и объявил: «Будет исполнен гимн пролетариев «Интернационал». Встать, граждане, шапки долой!»

И полилась величественная песня. Вдруг *Иван* заметил, что сын купца Сухарева шапки не снял. Среди пения раздаете громкий голос Ивана: «Эй, кто там шапку не снял, выйди вон!»

(Продолжение следует)

// Молодой ленинец. – 1957. - №2. – 17 февр. – С. 2.

Они были первыми

(продолжение)

Комсомольская организация крепла. Это был дружный отряд. Мне запомнилась Танюшка Луканина, храбрая, отчаянная комсомолка. Афоня Шульгин, веселый наш запевала, «артистка» Настя Ваганова, залихвастский танцор Иван Баженов, гармонист Сергей Водянников, Нюрка Ижевская, Иван Девятов, Глаша Иванова, Сергей Потоскуев. И всегда в кругу их непременно Ванюша Вавилов.

Он весь полон огня, выдумки, веселья. Ребята любили выполнять поручения своего вожака. Ставили на сцене спектакли, с винтовкой стояли на посту, когда деревне угрожали бродячие белогвардейские банды, делали доклады, вовлекали парней и девушек в комсомол.

Однажды комсомольцам удалось предотвратить контрреволюционный мятеж. Это случилось летом. Сгущались тёплые сумерки. Храбрая Танька Луканина одиноко торчала с ружьем на посту; несла караул. Вдруг из леса вынырнул возок сена. На верху сидел старик-цыган и правил лошаденку к мосту. Танька выжидающе замерла. Обоз не спеша приближался.

— Стой! — приказала Танька, но лошаденка продолжала двигаться. Танька вскинула ружье.

— Куда едешь, говорю! — загородила собой дорогу. Старик залопотал по-своему, потом ласково попросил:

— Пусти, ночевать в лесу боюсь.

Танька свистнула, и на мост, шлепая босыми пятками, во весь дух прирмчался караул. Старика сняли с возка, обшарили сено и нашли ли там... винтовки.

Тотчас же доставили цыгана в ревком. Под подкладкой сапога вытащили записку, адресованную местному кулаку. В ней был расписан подробный план и срок контрреволюционного мятежа. Татьяне Вавилов вынес благодарность.

В селе создали продовольственный отряд. Записывались в него коммунисты и комсомольцы. Ходил отряд по селам, собирал хлеб, отправляли его на фронт. Это было опасное дело; кулаки мешали отряду, устраивали засады, угрожали. Ванюша работал в отряде все лето. Загорел под солнцем, возмужал, с ружьем не расставался. Дела в селе препоручил Семену Потоскуеву.

Богат наш край хлебом, не одну сотню обозов отправил отряд на фронт. Лютым казался этот хлеб врагу. Кулаки сколотили вооруженную банду, залегли возле села и закрыли дорогу обозам. Узнал об этом ревком и послал в разведку коммуниста Макарова. Не вернулся Макаров больше в село: погиб в неравном бою. Создали специальный отряд по охране обозов. Ванюша записался и него первым. Было в отряде сорок человек.

Долго преследовал отряд кулаков, но враг бой не принимал. отступят, петляя по деревням. Горевал Ванюша: встретить бы главаря один на одни, прикончить. Много злости было у наших на этого разбойника. Знали, что от бывший беляк, купленный кулаками за большие деньги. Мстили за погибшего

Макарова.

Стал проситься Ванюша в разведчики. Мечтал, что лазутчиком, может, натолкнется на главаря. И видел его несколько раз, но стрелять дисциплина не позволяла: разведчик должен доставить сведения. Но момента выжидал.

В погоне загнали кулаков к Варгашам, прижал к железнодорожному полотну. Снова пошел Ванюша в разведку. Шел осторожно, пробирался перелесками, полз по степи. Добрался, до полотна. Кругом тишина, чуть брезжит рассвет. Перекинулся через рельсы, видит - а там в колках разместился враг: спят бандиты, вблизи пасутся кони.

Стал считать. Одни... шесть... двадцать... сорок. Много насчитал - большой отряд у бандитов. Повернул обратно, переполз рельсы, под насыпь скатился и на плечах почувствовал чьи-то грубые сильные руки.

- Аа... хорош щенок! - заревел над ухом голос. В один миг эти руки поставили его на ноги. Смотрит - трое вооруженных. Рванули рубашку, обшарили... но оружия не было у Ванюшки: в отряде нехватка его, и потому он ходил в разведку с голыми руками.

Били долго, спрашивали, где отряд, кто послал, как знать... Ничего не сказал им Вавилов, только, встретясь глазами с главарем, отдельно произнес:

- Сволочь, продал мужиков.

Бандиты спешили: брезжил рассвет, боялись нападения. Расправа была страшной: вспороли живот, набили зерном, воткнули кол с дощечкой: «Так будет всем коммунистам». И умчались дальше.

Ждали Ванюшу в отряде долго; когда вышел весь срок, послали по его следу «другого и лишь тогда узнали о гибели комсомольца... Так вот и погиб Ванюша.

В Утятском об этом узнали недели через две. И когда после печального известия собралась молодежь в клубе, Семой Потоскуев, один из близких друзей Ванн, сказал:

- С нами нет и не будет больше нашего любимого товарища Ивана Вавилова. Только, товарищи, слез не надо. Споем лучше его любимую песню. И все запели: «Вихри враждебные веют над нами...».

Много лет прошло с тех пор, но жизнь Ванюши Вавилова не забыта земляками.

...А недавно семиклассники проводили обсуждение книги Николая Островского «Как закалялась сталь». Ребята говорили, что Корчагин и Вавилов очень похожи друг на друга. Я- согласилась с ними.

- Мы предлагаем школе нашей, присвоить имя Ивана Вавилова. - сказали ребята и долго молчали. Каждый из них после слов этих думал, смогут ли они оправдать теперь имя своего боевого героя-земляка. А я верю - оправдают.

// Молодой ленинец. – 1957. - №3. – 20 февр. – С. 3.

Поднявшие знамя

Это было тридцать восемь лет назад. Давно! А в памяти все живо. Тогда впервые по улице нашего села прошла стройная колонна городских пионеров. Помнятся их весёлые песни, белые палатки, их лагерь на нашей околице и даже помнятся многие лица, пионеров. Вожатый отряда Федя Климов, коренастый паренек, до черноты загорелый, приветливый и веселый. Барабанщик Костя Жариков – высокий и, как тростинка, тоненький, горнист Миша – совсем маленький, но пышущий здоровьем... Помнятся и другие лица. Их было немного, человек двадцать.

Был конец весны и начало лета – чудесная пора в благодатном Зауралье. Наше село стоит на обрывистом берегу Тобола, За речкой кудрявая березовая роща. По вечерам там, где бьет холодный ключ и где лес особенно густ, выводит трели соловей.

Сосновый лес неширокой лентой отделяет село от степи с ее балками и озерами. Хорошо у нас! Мы благодарны нашим далеким прадедам, что облюбовали они это чудесное место для поселения.

Понравились и городским пионерам наши окрестности. Вот и решили они свой первый пионерский лагерь разбить, вблизи нашего села.

Конечно, соседние деревни прелестями своих окрестностей тоже могут похвалиться. А в наши дни могут и поспорить, чья деревня выглядит наряднее. Пионеры Митино, например, свое село превращают в сплошной цветник. Там в каждом палисаднике цветут ирисы, лилии и ландыши. Эти цветы они принесли с поля. Не выписывать же их за три-девять земель, когда они растут в наших лесах!

В деревне Меншиковой пионерами выращен чудесный сад; там и серебристый тополь, и молодые дубки' прижились. Межборное потому и носит такое название, что лежит между двумя массивами соснового леса. Пионеры этого села с третьей, восточной стороны, заложили новую сосновую рощу, а когда молодые сосны поднимутся, – как изменится все вокруг! Но это теперь, когда в каждой деревне есть пионеры – юные заботливые хозяева, а тогда, 38 лет назад, пионеров еще не было.

В воскресный день, когда люди, забившись всяк в свой угол, отдыхали от трудной изнурительной недельной работы, село словно спало. Только в центре его, на зеленой лужайке, собрались ребята поиграть. Любимой игрой у мальчиков были бабки, а у девочек лепки (черепки).

Вдруг, где-то совсем близко, рассыпалась барабанная дробь, послышалась песня:

Гордо шагая,

Шаг выбивая,

Вдоль, по дорожке, отряд наш идёт.

Лейся, песня моя, — пионерская...

Буль-буль-буль, баклажечка.

походная моя...

Ребята, забыв свои бабки и лепки, бросились навстречу песне. Вдоль

улицы, действительно, шел веселый отряд ребят в красных галстуках. За спиной у каждого вещевые мешки и баклажки с питьем. Словно проснулись все. Из каждого двора выбегали дети и взрослые, а вожатый Федя, командир, шедший сбоку отряда, как знакомый всем, улыбался, а наиболее пожилым и почтенным людям салют отдавал. За селом, там, где стояла наша старая школа, ребята разбили свой лагерь.

И когда палатки были уже расставлены и устроена полевая кухня, Федя крикнул детям, наблюдавшим за лагерьем. издалека:

- Ребята, где бы шест взять, чтобы знамя на него поднять? - Он показал им кусок красной материи с вышитыми, на нем словами: «Будь готов!».

Федя уже много раз пытался завести с сельскими ребятами разговор. Но всякий раз, как только он делал в их сторону шаг, они давали стрекача назад. На этот раз ребята переглянулись меж собой, посоветовались. Но маленькая толстушка Поля нашлась быстрее всех.

- У нас в ограде много длинных жердей. Я попрошу у дедушки, - и Поля стремглав помчалась к дому.

Через некоторое время мальчики Петя, Степа и Федя тащили длинную жердь. Вместе с ними шли к лагерю и девочки. А Поля вела и своего старого деда, которого уговорили помочь установить шест.

Знамя взвилось вверх. Федя салютует старому, деду за помощь. Дед. в долгу не остается: он, старый солдат, тоже берет под козырек.

С этого момента началась дружба городских пионеров с сельскими ребятами. Вместе ходили в лес, купались в речке, загорали, по вечерам сидели у костра, ели печеную картошку и пели про нее шутивную песенку:

*Ах, картошка - объеденье,
Пионеров идеал,
Тот не знает наслажденья,
Кто картошки не едал.*

Старому деду Михею, который помогал ребятам устанавливать - над лагерем знамя, ребята оказали услугу, помогли на лугу сгрести сено. Да и не одному деду была оказана помощь в хозяйственных делах.

Возвращаясь к себе в город, ребята подарили сельским друзьям свое расшитое пионерское знамя, обещая прислать человека для оформления в деревне пионерского отряда. И слово свое сдержали.

Осенью 1925 года, когда сели ребята за учебники, приехал к нам из города комсомолец Валентин Малков. Взвилось над школой подаренное городскими ребятами пионерское знамя. Федя, Степа, Петя, Поля, Зоя и Марина первыми надели красные пионерские галстуки и дали клятву верности пионерским заветам. Их примеру последовали другие ребята.

Скажу вам точно: и по сей день те первые пионеры живут и здравствуют. И хотя серебрят их виски дина, но и сейчас они верны своей клятве. А пионерская дружина нашего седа насчитывает теперь свыше двухсот человек.



В день пионерии, 1960-е гг.



В день пионерии, 1960-е гг.

Пусть растут березки

Рассказ

Пока они еще спорили, я постаралась уйти незамеченной. Мне хотелось скорее остаться одной. Все решено уже. Спор идет о деталях.

Обелиск в память победы над фашистской Германией будет установлен в центре села, на бугорке, вокруг которого всегда происходят сельские сходы. Обелиск будут возводить Федор Калинин и Степан Макаров, ветераны войны, по их собственному проекту. Мы, члены комиссии, настояли на главном, чтоб имена всех ста сорока человек наших односельчан, сложивших головы на поле брани, были высечены на обелиске. Чем они увенчают обелиск: или пятиконечной звездой, или фигурой воина, или орденом Славы - предоставим им. Насколько хватит у них умения. Впрочем, руки у них золотые.

В свою Одину возвращаюсь окольной дорожкой. Одина - это южный край села. Когда-то Одину от основного села отделял ложок, теперь он заровнялся, и Одина стала одним целым с селом. Еще нашу Одину недавно называли Вдовьим краем, но это название слышится все реже и реже.

Глубокая ночь. Тишина. Спит темная сосновая роща справа, спит каждая изба, спит развесистая ива, мимо которой иду сейчас, не скрипнет снег под ногой, только высоко в небе робко мигают звездочки, будто дремлют, и во всей вселенной, наверное, я одна бодрствую.

Вот и дом мой. В хлеве вздохнула корова и слышно, как зажевала жвачку. Не включая свет, вхожу в переднюю. На деревянном диване, свернувшись клубочком, спит мой старший внук Илька. Как он похож на своего деда! Горько, что наши внуки растут без их ласки. Я поцеловала Илькин чубчик, бесконечно родной запах Илькиных стрижек выжал из глаз моих несколько слезинок, Укладываясь спать в своей боковушке, я понимала, что делаю это по привычке. Сна сегодня не будет.

Война. Будь она трижды проклята от ныне и до веку!

С каким остервенением она обрушилась тогда на нашу Одину! Был тогда у нас колхоз из сорока дворов. Остались мы одни женщины. Надо было хозяйство не уронить, надо было ребятишек кормить, надо было фронту продовольствие поставлять. Какой-то проезжий человек в шутку тогда назвал наш колхоз «государство амазонок».

Может быть, такое положение не в одной Одиной нашей было, только когда кончилась война, ни один одинокий солдат не вернулся к своей семье. Все мы остались вдовами. Горе, зайдя в одну избу, переходило в другую и не ушло от нас, пока не посетило все сорок изб. Горе вселяло в нас злость на работу, и в непосильном труде мы, как и мужья наши, стояли насмерть. Одна только Лиза не выстояла, сломалась, как хрупкая ветка.

Как зачумленная стала. Лизавета, проводив мужа на войну. Говоришь с ней, а она будто не слышит, смотрит куда-то в сторону, Собственных ребятишек запустила, бегают, как беспризорные. Не постирает, не помоеет на

них. Дело поручат - из рук все валится. Вызовет, бывало, Лизавету в правление наша председательница Анна Егоровна и скажет:

- Ты что же, Лизавета, ребятишек своих не доглядываешь? Отчего к работе плохо относишься?

Стоит и молчит. Слова не промолвит, а потом уйдет в лес и сидит там на пеньке не шелохнется, смотрит в одну точку. Похудела, хоть перерви, почернела. Пробовали послать в больницу, может, человеку нездоровится. Не идет.

Как-то ночью Лизавета постучала ко мне в окно.

Я как спала, так и выскочила к ней в одной исподнице.

- Что случилось, Лизонька?

А она как обхватит меня руками, да как залыет слезами.

- Тошно мне, Марфонька, - говорит, - тоска по Ване сокрушила меня, хоть руки на себя накладывай.

Просидели мы с Лизой на завалинке до рассвета.

Поплакала и я, поделилась с ней тоской своей.

И будто полегчало бабе.

Ну, думаю, теперь человек войдет в норму, слезы, они ведь облегчают душу.

Через неделю принесли с почты похоронную на Ивана.

Как взяла эту бумагу в руки Лизавета, да как грохнется оземь. Водой отливали, зашлась, а почувствовалась, рассудок потеряла. Стала безумной. Все говорит и говорит, а понять ее невозможно. Нашли ее потом в лесу мертвой.

Видно, Лизавета кроена была не из одного с нами материала.

Ведь и мы своих мужей, отцов наших детей, любили и тосковали о них. Как поставят обелиск в память о погибших на войне, посажу я в честь нашей Лизы около него березку. Так и скажу всем, в чью память посажена...

В окне брезжит рассвет. Моя невестка на кухне затопила печь, готовит завтрак семье. Встал сын, поднялись ребятишки. Маленькая Анютка кричит:

- Где бабуся, хочу к ней...

Анютку не пускают ко мне. Отец говорит: «Бабуся поздно пришла, пусть поспит, не шуми, Анютка!..».

А я еще не додумала своей думы, думы о тех, чье девичество пало на годы войны, кому не досталось женихов, кого сейчас называют «одинокими». Виноваты ли они в своем горьком одиночестве?

Собрать надо вдов-солдаток, и пусть каждая посадит около обелиска березоньку от себя, на память внукам о их бабушках. Пусть растут березки.

Анютка все же ворвалась ко мне и тормошит меня:

- Вставай, бабушка, вставай!

- Встаю, моя ласточка, встаю...

Не обижайте бабушку

Бабушке Анне на девятый десяток перевалило. Точно она не знает: то ли восемьдесят лишний пошел, то ли восемьдесят второй. Не в этом дело. Старушка крепка еще на ногах, руки, работают, молодой не угнаться. Правда, на глаза стала обижаться, слезиться стали глаза, а очков еще не нашивала.

По праздничным дням бабушка Анна любит принарядиться, выйти на улицу, посидеть с соседками на завалинке, поговорить. Послушать ее любопытно, всяких историй знает уйму.

- Как-то, беседуя с соседками, бабушка Анна сказала, что ей довелось встречаться с Лениным и говорить с ним, - вот как бы с тобой, - и показала она на соседку Марью.

Та возьми да и скажи:

- Что это вы, - Анна Павловна, придумываешь. Где вы встречаться с ним могли, когда вы дальше Басманова ложка нигде и не бывали.

Обиделась Анна Павловна, крепко обиделась на Марью. И с тех пор по праздникам сидит одна лавочке у своих ворот, к соседкам не подходит.

- Марья-то в лгуньи меня вывела, - жалуется она каждому. - А я в лгуньях не бывала. Всю правду рассказываю. Была осень не то 20, не то 21 года. Точно не помню. Бандиты в ту пору по деревням шныряли, советскую власть уничтожить хотели. Деревня наша в ту пору охранялась. На всех дорогах посты стояли. Вон Дарья по улице идет. - Даша иди сюда! - позвала бабушка.

- Помнишь, как тебе мост охранять велено было? Ты стояла около моста с винтовкой! А в это самое время, человек десять нас женщин шли на пашню. Идем, а навстречу нам человек на подводе едет. Остановился. Поздоровался с нами. А мы как глянули, так сразу и признали его. Ленин это был. Невысокий, в плечах широконый. Костюмчик на нем серый, галстук с горошком кепка серая. Точь-в-точь, каким его на потрете рисуют, а сейчас в кино показывают.

И говорит он нам:

- Правильно делаете, что деревню свою от врагов охраняете. Берегите, крестьянки, великие страдалицы, советскую власть, она для вас мать родная.

- Будьте уверены, Владимир Ильич, - сказали мы, - свою родную власть в обиду не дадим. Детей своих, внуков и правнуков в любви и уважении к Советской власти воспитывать будем.

По ручке попрощался с нами Владимир Ильич и уехал. Вот как. это было, всю истинную правду рассказываю.

- Дарьюшка, - обратилась бабушка Анна, сходи к Марье, подтверди, что не лгунья я.

Не знаю, как бы вы поступили на моем месте. А я не стала разубеждать старушку, зачем?

// Притоболье. - 1965. - 22 апр. - №10. - С. 2.

Ребята 1942 года

Шурка

Сено в Бубновской луке растовое, зеленое, запашистое. Не сено, а чай. Бригадир - тетушка Марья говорит, что его надо побыстрее убрать, чтоб дождем не замочило. И тогда это сено на фронт отправят. Там тоже есть лошади.

Убирать сено пришло звено ребят во главе с Шуркой. Звеньевым Шурку избрали ребята с общего согласия. Во-первых, Шурка справедливый человек, так считают все ребята. Во-вторых, Шурка смелый и сильный. Он, например, может поймать в табуне любую лошадь, даже необъезженную, и она подчиняется ему.

Работают ребята день, второй, а дело движется медленно. Сено мелкое, рассыпается, а грабли большие, тяжелые. Устают ребячьи руки, особенно девчоночьи.

- Поторапливайтесь, ребятки, - каждый раз упрашивает ребят тетушка Марья, когда приходит проверять работу.

- Дайте нам лошадь и конные грабли, - просит Шурка. А Тетушка не соглашается. Дескать, грабли не отремонтированы. То скажет, что лошади все заняты. А последний раз прямо заявила:

- Не будет никаких граблей. Попадете еще под грабли, изувечитесь...

Утром рано Шурка пришел в кузницу, около которой стояли грабли, и сходу к кузнецу дедушке Ивану:

- Пошел за лошадью. Грабли у вас забираю. Они в порядке?

- Маленькая неисправность есть. Пока ходишь за лошадью исправлю, - ответил кузнец, не подозревая Шурка своевольничает.

Тетушка Марья ахнула, увидев Шурку на конных граблях.

Не один стог нагребли ребята сена, и почти все мальчишки научились работать на конных граблях.

Про звено Шурки даже в газетах писали и фотографию помещали. Эта фотография и сейчас хранится в нашем сельском музее.

Аркаша

Была у Бабаевых хорошая семья. Отец работал на маслозаводе, мать хозяйничала по дому. Аркаша был в семье предпоследним. Младше его была сестренка Нюра, а старше, два брата - Александр и Анатолий. Хорошо жили, счастливо и весело.

Беда пришла внезапно. Заболела Нюра. Как ми старались врачи, не могли помочь. Умерла девочка. А тут война. Первым ушел на войну отец, потом Саша, за ним Толя.

Пусто, скучно стало в доме.

- Чует мое сердце, быть беде еще, - терзалась мать. Так и случилось. Пришла похоронная на отца. Через несколько времени - извещение о гибели Саши, следом - о гибели Толп. Горе гвоздило и гвоздило мать, не давая ей опомниться. За каких-нибудь два года горе сделало из матери старуху, ко всему

безразличную.

И тут Аркаша сам дал себе клятву: вернуть мать к жизни. Радовать надо мать, ну хотя бы своими успехами в учении. Аркаша тогда учился в пятом классе. Нелегко ему давались отличные оценки, но он старался, прилагал все силы.

И вот окончен учебный год. Приходит Аркаша домой. Мать сидит за столом, уронив седую голову на руки.

- Мама, мам... - окликнул ее Аркаша. - Посмотри мои отметки... Я перешел в шестой класс. Вот похвальная грамота. И еще, я договорился с бригадиром о работе на все лето. Буду работать, как вол. Вместе с тобой будем работать...

Мать, словно очнувшись, подняла на сына глаза и притянула себе. «Будем вместе работать, сын». – Слез не было, они давно уж были все выплаканы. Жизнь медленно, но побежала.

Васенка

Вернулся солдат домой. Сидит за столом в избе, рядом костыли. Прижимает солдат к сердцу пятилетнего сынишку, гладит его льняные волосы. Изба полна пароду: бабы, старухи.

За хозяйку - тринадцатилетняя дочка Васенка. Матери нет, не дождалась жена солдата, умерла.

Приковыляла и плакальщица Федосья. Как зашла в избу, так и заголосила:

- И куда, ты безногий, теперь денешься... И разнесчастные твоя тушки... Завсхлипывали и заревели ребятишки побледнел, как степа, солдат.

А Васенка... будто кто ее подбросил, кинулась к отцу, да как крикнет:

- Не слушай ее тятенька... С тобой не сироты мы...

Смахнул слезу солдат, усадил рядом с собой дочку.

- Правильно говоришь, Васенка. Не сироты вы. Будем жить.

// Притоболье. - 1965. – 1 мая. - №14. - С. 4.

В дороге увиденное

Автобус вырвался на асфальт и пошел ровным ходом. Сразу к дороге с обеих сторон подступил сосновый лес. Высокие сосны и пушистые подсосенки отягощены шапками снега. То ли от яркого солнца, то ли от белизны снега, глазам вдаль смотреть больно. Потом сосны уступили березам место, потом опять сосны, и так около часа - сплошной лесной коридор.

Пассажиры молчат. Всяк ушел в себя. А, может быть, людей зачаровал своей красотой зимний лес.

Дядечка в заячьей шапке-ушанке постоянно поглядывает на часы. Видать, он спешит и боится опоздать. На сидении за спиной шофера сидит древняя старушка. В вытянутой руке она держит проездной билет, что-то неслышно шепчет и горестно вздыхает.

Но вот кончился сплошной лес. Замелькали перелески, деревни и села. Около деревянной будки шофер остановил автобус. В километре от дороги виднелось большое село.

- Приехали, бабуся, - громко сказал шофер, - сходите...

Старушка засуетилась, подхватила свою корзину, посошок и направилась к выходу. Но вдруг повернула назад и - к шоферу:

- Касатик, будь милостив, довези до края. Не дойти мне, да и корзина тяжелая...

А потом, будто ко всем пассажирам:

- От угла второй дом, братец там мой старший живет. Не видела его лет двадцать. Повидаться охота, не ровен час, старость глубокая... Да и тяжело болен братец.

- Не могу, бабуся. Не проехать. Вишь, снег какой, - пытается отговориться шофер.

Старушка стоит и не уходит.

- Бабушка, не задерживай машину, - вмешался дядечка в заячьей шапке. - Говорят - выходи, чего еще...

Старушка повернулась на голос, пристукнула посошком и в тон ему:

- Не с тобой говорят, не тебя просят, помолчи.

И опять к шоферу:

- Будь сыном родным, пожалей старую...

- Шофер! - закричал дядечка, - не сходит - езжай дальше... Не нарушай правила движения, понимаешь...

- Да что вы в самом деле, - сверкнул глазами по заячьей шапке шофер. Он нажал на рычаги, дал задний ход машине, круто свернул на проселочную дорогу по направлению к селу.

Через десять-пятнадцать минут автобус опять катил асфальтом. Пассажиры весело переговаривались друг с другом, шофер мурлыкал песню. И каждый, кто выходил на очередной остановке из автобуса, кричал:

- Здоров будь, шофер, удачи тебе, счастья!



с. Утятское зимой

Утятский аптекарь

Очерк

Еще недавно Утятская аптека помещалась в простом крестьянском доме. Теперь для нее построено специальное здание – просторное и светлое. По наличию медикаментов, перевязочных материалов, предметов ухода за больными – аптека может соперничать с любой городской. Однако рассказать хочется о заведующем аптекой Дмитрие Федоровиче Ламанове, об аптекаре, как все его называют.

Исстари бытует пословица: «Человек не красно солнышко, всех не обогреет», но в аптекаре Ламанове столько к людям благожелательства, доброты, что эту пословицу надо ставить под сомнение, она неправильна.

Пять лет живет и работает в селе Утятском аптекарь Ламанов. Полюбилось ему село, полюбились люди, и он людям полюбился.

Детство и юность Дмитрий Федорович провел в Казахстане. Восемнадцатилетним ушел на войну. Участвовал в форсировании Днепра, попал в плен, был в концлагерях, вместе с другими пленными рыл себе могилу, случайно удалого спастись и совершить побег. Потом опять сражения на Яссо-Кишиневском направлении. С боями дошел до Германии и на реке Одер лишился ноги. Словом, человек прошел все муки ада. После войны, уже инвалидом ее, учился в специальном учебном заведении и вот – в Утятском – заведующий сельской аптекой.

Табличка на дверях аптеки гласит, что рабочий день начинается с 9 часов утра. До начала работы еще час, а Дмитрий Федорович уже на месте. Всех раньше к Дмитрию Федоровичу пришла соседка бабушка Настасья.

- Не дашь ли что-нибудь от нервов. Все невры испортила со снохой. Каждый день пыль до потолка. Я ей слово, она мне два, да самые что ни на есть вредные.

И ведется беседа с бабушкой, как сохранить нервы. Как надо научиться сдерживать себя и не говорить того слова, на которое следует два – «Попробуйте, Настасья Дмитриевна...»

Зашел пастух Кудряшов по рецепту получить лекарство, а денег маловато захватил. – Донесете потом. – Не возвращаться же человеку с пустыми руками.

Здоровье Прасковьи Фавлевой идет на поправку. Советует ей аптекарь продолжать лечение, как можно больше бывать на воздухе, но от тяжелой физической работы пока воздерживаться.

Женщина-мать обеспокоена здоровьем дочки-подростка. У девочки нет аппетита. Известно, весной мясу не сезон, а рыбу не любит. И ведет аптекарь разговор, как разнообразить пищу, какие блюда можно изготовить из рыбы, и как полезна для девочки утренняя гимнастика и опять же воздух.

- Наш аптекарь не хуже врача, все-то он знает, объяснит, расскажет. Побываешь у него, поговоришь с ним, и легче становится, - говорят о Дмитрие Федоровиче люди.

Добрая слава широко разлетелась об утятском аптекаре по соседним деревням и селам. Издалека в аптеку приходят и приезжают люди, для всех хватает у Дмитрия Федоровича теплоты и сердечности.

В пять часов кончает работу аптекарь. Теперь время и о себе подумать, здоровье и у самого неважно, Дмитрий Федорович передвигается с помощью костылей (даже протез не за что зацепить). Хорошо, что нынче имеет мотоколяску. Можно уехать на ближнее озеро или на крутой берег реки. Там посидеть среди природы с удочкой. «Природа - наша естественная лечебница. Ей только и жив человек», - говорит Дмитрий Федорович.

Вот такой аптекарь в селе Утятском, не красное солнышко, но все люди, которые общаются с ним, им довольны, благодарны ему. Хорошо быть таким человеком.

// Притоболье. – 1965. – 5 июня. - №29. – С. 3.



Здание аптеки

И. М. Бобков рассказывает, как устанавливалась Советская власть в Утятское волости

В 1905 году я, двадцатидвухлетний крестьянский парень, был призван на военную службу. Призывная комиссия, ощупав мои крепкие мускулы, сказала «Лоб!» - и я холщовую рубаху сменил на матросскую тельняшку, картуз на бескозырку. С этого времени началась для меня суровая школа жизни.

Моими учителями были матросы-большевики. Я служил на крейсере «Аскольд», где была сильная подпольная организация большевиков. За то, что подружился с ними, пришлось отсидеть шесть месяцев в тюрьме. В бухте Широкая нас, молодых матросов, заставили присутствовать при расстреле наших товарищей.

- Запомните, вам то же будет! – кричал на нас полковник Цыбульский, показывая свой здоровенный кулак.

И мы запомнили все. Мы дали клятву отомстить врагам трудового народа.

Домой я вернулся в ноябре 1917г., где не был более десяти лет. Но здесь почти ничего не изменилось. В Утятской волости, Курганского уезда, дела мирские по-прежнему вершили волостной писарь Кыштымов, купец Соколов, поп Тутолмин, кулаки Тюкачевы, Чукомини.

Но я и мои земляки, побывавшие на войне, были уже не те. Большевики помогали нам, деревенским людям, разобраться в жизни, понять ее правильно.

В старом здании школы мы организовали клуб. Здесь ставили спектакли, разучивали революционные песни, выступали с речами. У всех на устах, кто приходил в этот клуб, было: Ленин, большевики помогут нам жизнь построить по-иному.

Вскоре я попал в число делегатов I уездного крестьянского съезда, проходившего в г. Кургане. Съездом руководили большевики, в том числе т. Пичугин. Это был буквально орел, покоровший нас всех. На съезде мы получили прямые указания, как надо строить жизнь в деревне.

В личной беседе Пичугин сказал нам, делегатам от Утятской волости:

- Что вы терпите у власти купцов и кулаков? Гоните их!

Так мы и сделали. Возвратившись со съезда, мы создали волостной Совет. Волостного старшину кулака. Трубина Ивана и его приспешников уволили. В исполнительный комитет Совета вошли крестьяне-бедняки: Степан Камынин, Николай Луканин, Родион Лебедев, Иван Чистяков и другие. Такие же мероприятия были проведены во всех двенадцати деревнях волости.

Когда мы были школьниками

Рассказ-быль

Юношам и девушкам 60-х годов будет небезынтересно прочесть этот отрывок из воспоминаний Варвары Степановны Ивановой, относящихся ко времени, когда такие же, как и они, мальчишки и девчонки уходили на гражданскую войну - на защиту завоеваний молодой Советской власти, на борьбу с белобандитами. Это происходило в начале 1921 года. В тот год в Кургане в помещении бывшей женской гимназии (ныне в этом здании сельхозинститут) для них широко открылись двери советской школы второй степени.

Молчат гудки. Они возникали всегда неожиданно - то ночью, то днем. Шли со стороны вокзала. Тонко начинал гудок депо. К нему присоединялись паровозные, и подолгу висел тревожный гул над городом. От этого щемило сердце... Маленькие ребята жалась к матерям.

Молчат тревожные гудки. Стало быть, бандитов отогнали. А мальчишки наши что-то не возвращаются! Когда бандиты угрожают городу, комсомольцы-школьники уходят с отрядом взрослых защищать его. Этой зимой так было уже несколько раз.

Вася Лушников отвечал урок по истории. В классе обычная рабочая обстановка. И вдруг в стены ворвалось тревожное: у-у-у!..

- Извините, Матвей Дмитриевич, доскажу в следующий раз! - И Вася бросился к выходу. Сорвались с парт и следом за Васей кинулись Виктор Тресвятский, Иван Серков, Степа Осокин. И сразу в классе образовалась пустота.

Урок - не в урок! Да и учитель словно бы не в себе: то подолгу стоит у окна, то крупными шагами меряет класс. Что он думает, наш старый учитель?

На всю школу осталась одна комсомолка - Ия Ермилова. С собой ее ребята не брали, хотя винтовкой она владеет не хуже любого, имеет навыки медицинской сестры. Но она назначалась политруком школы.

Политрук. Нелегкая должность даже в школе. К примеру, класс не ладит с учителем физики... Отчего этот поджарый, в очках, еще не старый человек вечно раздражен, вечно ехидничает, будто зол на весь мир?

- Ну-с, милостивые государи и милостивые государыни, - начинает он еще с порога. А ребята такое воспринимают как издевку.

- Мы просто школьники, а государи и государыни! - выкрикивает кто-то с места.

- Прошу без замечаний! - резко обрывает физик. - Я выставлю вас за дверь!

Класс шумит и гудит на все лады. Им предстоит объясняться с учителем.

До сих пор в комсомольской школьной ячейке из девочек была одна Ия. А сегодня в ее портфеле лежит уже несколько заявлений от девчонок. Вернутся ребята - и на первом же собрании их будут принимать в комсомол. Витька

Тресвятский по этому поводу, возможно, сочинит стихи, он на это мастер. А Василий Лушников скажет хорошую речь, он - признанный оратор. Смешной вообще-то Васька Лушников! Девчонки говорят, что он точь-в-точь Пьер Безухов, когда тот был в плену у французов: такой же неуклюжий, близорукий, на носу очки в железной оправе, потрепанная отцовская шинель висит мешком. Но когда же все-таки вернутся мальчишки?!

Перед самым уходом с Лушниковым произошла неприятная история: поспорил с парнем из параллельного класса - тот оскорбительно отозвался о комсомольцах. Василий не сдержался и дал в физиономию. А злока-физик - тут как тут. К возвращению ребят готовится па Лушникова карикатура: она будет выставлена для общего обозрения!

Как в этом случае быть политруку? В душе Ия - за Лушникова, но и согласна, что в споре кулаки - не аргумент. И надо же было Ваське!.. Но все-таки выставлять на посмешище товарища нельзя позволить. Физик сам рисовал карикатуру и вложил в нее все свое злопыхательство против комсомольцев. У кого искать поддержку? С кем посоветоваться? Как быть?

Был бы дома товарищ Пискунов, заведующий окроно, он бы разобрался по справедливости. Но он, как и все коммунисты и комсомольцы, ушел на разгром банды. Ия живет в общежитии для учащихся из сел и деревень, а Пискунов в общежитии - свой, близкий человек! Все свободное время с ребятами. О чем только не беседуют они! Интересный человек!.. Может, поговорить с Матвеем Дмитриевичем?

Морозная зима на редкость малоснежна. Неприкрытая снегом земля местами потрескалась. Начало марта, а солнце все еще не сняло рукавиц.

Ия видит через окно: бегут школьники второй смены на занятия, кто в чем. Деревенских сразу отличишь: сермяжки, зипунчики, на ногах стоптанные валенки или обуточки. Среди городских нет-нет да и мелькнет старая гимназическая шинель. Было в городе две гимназии - мужская и женская, теперь вместо них единая советская школа второй ступени.

Трудно ребятам учиться - ни учебников, ни тетрадей, грамм по предметам! А желание - огромное.

У пятого «б» последний срок сдачи домашнего сочинения на тему «Честь безумцу, который навесит человечеству сон золотой!». Половина класса с работой не справилась. Собравшись группками, ребята обсуждают свою неудачу. Вдруг дверь распахивается. На пороге - Василий Лушников. Рука перевязана, висит на лямке через плечо. За его спиной - Ваня Серков и Степан Осокин.

- Здравствуйте! Вот и мы.

Василий очень бледен, взгляд какой-то странный;

- Мы вернулись, - продолжает Василий. - А Тресвятского больше нет... Погиб Витька!..

Класс оцепенел. Первой срывается с места Ия. Она бежит через всю школу в учительскую... Успеть, успеть, не дать физику вывесит, проклятую карикатуру!

Что она сделает, и сама не знает. Забыв спросить разрешения войти в учительскую, не помня себя, она уже там. В учительской много учителей, но Ия никого не видит кроме физика.

- Вернулись ребята! - срывающимся голосом почти кричит она. - Лушников ранен в руку, Тресвятский убит.. Карикатуру... Вы не смеете! - и Ия плачет по-детски, взхлеб.

Учитель физики, держа в руках рисунок, направляется к двери. К нему подходит Матвей Дмитриевич. Ни слова не говоря, старый учитель берет рисунок, рвет лист пополам. Потом еще и еще и... бросает обрывки в сторону.

- Вы с ума сошли, коллега!.. - позеленев, вымолвил физик. - Какой пример подаете? - кивок в сторону Ии.

- Вы мне не коллега! Вот так!

Матвей Дмитриевич, обняв Ию за плечи, направляется ее класс.

// Советское Зауралье. – 1967. – 16 мая. – №113. – С.4.

Добрые мои соседи

Молодожены

Который день бусенит дождь - прямой, обложной. Намокла земля, на лужах надуваются пузыри и тут же лопаются, Деревья словно только что выкупались, с них, течет вода. Рады люди дождю: еще бы, в мае такое!..

Муж Лилии сейчас почти не бывает дома. Носится на своей машине по пашням, а пашни колхоза в день не объедешь, дождь радует, но работать мешает. На Юрку Лилия не в обиде - его надо тоже понять! — помощь трактористам-машинистам в такое время как никогда нужна. И все же все одна, да одна...

Лиля ждет ребенка, первенца, Юрий говорит: «Только сына!», а Лиля знает - это напускное! Так говорят почти все мужья, а рады бывают дочкам не меньше. А ей все равно: хоть сын, хоть дочь!

Пришла соседка навестить, Марья Ивановна. Спасибо ей, печется о Лиле, как о дочери, и не чувствуешь, что родители далеко...

Седьмой год пошел, как Тебайкины живут в этом колхозе. Она приехала из Подмосковья сюда учительствовать, он из Челябинска, по окончании Института механизации и электрификации сельского хозяйства. Приехали почти одновременно. Ей было легче привыкать, в школе ее встретил хороший, дружный коллектив. Ему - труднее: кое-кто из трактористов не сразу поверил в способности молодого инженера.

- Бывали минуты, - вспоминает Юрий, - хотелось сесть на попутную машину и уехать обратно в город, к родителям. Хорошо, что не поддался настроению. Не имел бы тогда ничего - ни этих полей, ни Лили, ни маленького.

Все позади. Теперь инженер Юрий Федорович - уважаемый человек. Теперь Тебайкины не мыслят жизни вне именно этого колхоза.

Легкий стук в двери. Приехал муж.

- Лилька, родная, что делается в поле!.. Я не только видел - я слышал, как растут хлеба и травы! Как ты себя чувствуешь?..

Поздняя любовь

Когда сумерки сгущаются, женщина выходит из своего дома и отправляется на ночное дежурство. Она сторож в сельской аптеке. Анна Павловна, так зовут женщину.

Я с детства знаю ее. Вместе росли здесь, на берегу Тобола, в Утятке. В юности Нюра славилась своей сноровкой в работе. Что ни труднее дело - туда и Нюру! Одной из первых среди подруг села и за руль трактора.

Там, где старая заброшенная дорога пересекает сосновый борок, вокруг могучей сосны, на поляне, проводили мы, молодежь, свой досуг. Здесь девушки и парни находили себе суженых. Нюра редко бывала на гулянках: все было недосуг. Может, потому так долго стороной обходило ее девичье счастье?

Любовь пришла, когда Нюре было за тридцать.

- Неужто, Нюрушка, согласна стать мне женой, а детям матерью? - не веря в такое, все переспрашивал ее Яков, овдовевший тогда и оставшийся с пятью малыми ребятами.

Обрела семья Якова Менщикова вновь радость, да ненадолго: началась Отечественная война, ушел Яков на фронт. Простились у той вековой сосны, свидетельницы и счастливого смеха, и горьких слез многих.

- Трудно будет тебе, Нюра, с ребятами. Определи их в детдом, - советовал Яков.

Но Нюра этого не сделала. Всю силу своей нерастраченной любви она перенесла теперь на детей.

Похоронную Нюра получила в поле, в это время заводила трактор, Изменила ей тут сноровка, сорвалась рукоятка, ударила что есть силы, и повисла кисть руки. Что болело сильнее - сломанная рука или сердце, знает только она...

Вечером того же дня маленькая Капуська, обнимая ее за шею, шептала, сама заливаясь слезами:

- Не плачь, мамонька, не плачь, мы с тобой...

Стала Нюра пастухом, старшие ребяташки - подпасками. За работу люди платили молоком, картошкой, овощами.

Шли годы - росли ребята. Учились в школе. Стали взрослыми, разлетелись в разные стороны...

- У Капуси муж очень хороший, счастливая Капуся, - рассказывает Анна Павловна, - Коля тоже часто навещает, а вот от Сашеньки давно нет весточки...

Круто посолила седина когда-то черные волосы Анны. И живет женщина ожиданием: не придет ли письмо от детей, не придет ли кто из них навестить ее?

Большая семья

Старший сын Татьяны Важениной Юрий привел в дом сразу троих: жену, тещу и шестилетнего, себе сына, Шурку. Дом у Татьяны - не разбежишься: изба да горница, а семья стала семь человек.

По-прежнему, может, и уместились бы, - «в тесноте, да не в обиде!» - спали бы вповалку на полу, ютились бы кое-как, да поотвыкли теперь спать на полу, теснота не нравится, Пришлось купить по соседству еще избу с горницей.

А живут как одна семья.

Через год жена, Клавдия дарила Юрию дочку Леночку, а еще через год Любочку. Растет семья!

- Мы со сватьей Татьяной, - рассказывает теща Юрия, - живем хорошо. Поперек слова друг дружке не говаривали: что нам ссориться? Намаялись в жизни: она троих воспитала без мужа, я двоих. Придешь, бывало с работы: ни пить, ни есть ни себе, ни детям. Хоть волком вой! А теперь - жить да радоваться, Посмотрите-ка, в горнице-то у нас! Мы живем ладно, а люди и лучше нас... Про зятя спрашиваешь? Зять добрый у меня. Работает шофером, заработок хороший и уважение есть! Никакой работой не брезгует, ни от чего

не отказывается. Шурка-то, старшенький, не родной Юрию, а и не знает об этом.

Клава в поле работает не каждый день, сегодня у неё выходной. Держит на коленях свою десятимесячную Любочку, ласкает ее. Рослая, красивая, хоть картину пиши с нее - «Материнство».

Вбежал Шурка, запыхался:

- Мама, папка мимо проехал! Мам, а правда, что когда-то мы жили одни и не было у нас папки?..

- Не верь никому, Шурка, папка наш всегда был и будет с нами.

// Советское Зауралье. – 1967. – 23 июля. – №173. – С.4.

Случай с Валькой

Противник занял опушку леса и окопался там по всем правилам современного боя. Шла артподготовка с той и другой сторон.

На дворе стояла поздняя осень. Снега еще не было, но иней опушил дома, заборы и деревья. Застыла, скрючилась крапива и еще какая-то высокая трава.

- Глафира Ильинична, вы бы пошли домой, холодно вам, - уговаривал учительницу солдат, на груди которого поблескивала медаль «За взятие Берлина».

- Не уговаривайте, Иван Степанович. Пусть я буду у вас сестрой милосердия, - пошутила учительница.

- Тогда идите в санбат, - будто не поняв шутки, серьезно сказал солдат.

В это время из леса посыпался град сосновых шишек, палок, комьев стылой земли.

- Вот видите, быть здесь же безопасно!

- Ну знаете, Иван Степанович... Я тоже отвечаю за... - Глафира Ильинична не договорила, обиженно поджала губы, поглубже спрятала руки рукав в рукав и направилась к главному штабу наступающей армии.

Тем временем цепь поднялась в атаку.

- Ура!.. - кричали бойцы я, согнувшись, бежали к лесу.

- Ура!.. - отозвалось в лесу.

Штаб находился у зернохранилища. Охрана его была поручена Вальке Иванову. Вооружен Валька поистине до зубов: пистолет у ремня - справа, сабля - слева. Пушка, пулемет, «катюша» - все под руками.

Глафира Ильинична подошла к Вальке, но он ее не видел: то палил из пушки, то строчил из пулемета, то пускал в ход «катюшу», яростно крича при этом: «За Родину!.. За наше Отечество!..».

Валька учительнице нравился. Он был из тех, про которых говорят: «Все хватает на лету». Вот и оружие все это смастерили Валькины руки, да еще как смастерили!

Между тем крики в лесу стихли. Схватка, видимо, была короткой и решительной. Перестал палить и Валька. Увидев учительницу, он разулыбался, вытирая рукавом стеганки пот со лба.

- Молодец, Валя. Сражаешься, как герой! - похвалила учительница.

Подошел старик - сторож зернохранилища, Илья Григорьевич. Впрочем, он только казался стариком, потому что носил окладистую бороду. Вместо правой ноги у него была деревяшка.

- Палил ты здорово! сказал Илья Григорьевич Вальке. Дай-ка посмотреть твои орудия. Я, слышь, за свою жизнь их всяких повидал.

Валька охотно передал Илье Григорьевичу всю свою боевую технику.

Из леса мчалась орава. Бежали все: и живые, и «мертвые», и «раненые». Сзади всех летел санбат во главе с Нюрой Боевой.

- Кто победил? За кем победа? - спрашивал Валька у запыхавшихся ребят.

- Он как налетел!.. Я как налетел!.. Он раз, я раз... Я его хлесь, он меня

хлесь!.. - только я можно было разобрать из всеобщего гвалта.

Подоспел и главный судья- Иван Степанович.

- Ну, орлы, разберем ход боя... - Тут Иван Степанович увидел, что вся боевая техника глазного штаба наступающей армии в руках сторожа Ильи Григорьевича и учительницы Глафиры Ильиничны. Они же, не обращая внимания на окружающих, рассматривали пушку, пулемет и прочее, обмениваясь мнениями.

- Все ясно! - гаркнул Иван Степанович. - Наступающая армия генерала Пашкова проиграла сражение. Главный штаб этой армии со всей боевой техникой захвачен неизвестными.

И тут Валька понял свою тягчайшую ошибку! Сначала он побледнел. Потом покраснел. Наконец пустил слезы в три ручья...

// Советское Зауралье. – 1968. – 10 янв. - №8. – С. 4.

Встреча не состоялась

документальная новелла

Вечером, когда Михаил Степанович готовился ко сну, принесли телеграмму: профессор, доктор медицинских наук, ученик знаменитого академика Филатова, извешал, что едет навесить друга детства, повидать родные края.

Михаил Степанович долго сидел над телеграммой, будто не мог до конца понять ее. Вышло, что в Боровушке профессор будет завтра днем, самое позднее - вечером.

- Что ж, милости просим, Иван Николаевич. Через пятьдесят лет не грех посетить родные места...

Михаил Степанович подошел к книжному шкафу. На верхней полке рядом стояли книги и брошюры профессора Курилова. Оттуда же, с фотографии смотрел сердитый старичок в белом халате и такой же шапочке.

- Состарила, брат. «Край» увидел? А я еще ничего! Давай-ка, друг, подальше держаться от «края», а?

Действительно, в свои семьдесят четыре года Михаил Степанович выглядел еще молодцом. Прямой, широкоплечий, густые, с проседью волосы, свежее чистое лицо.

- В Боровушке старость должна приходиться к человеку, когда ему перевалит за сто! - любил повторять он.

Михаил Степанович всю жизнь прожил в Боровушке, если не считать время, когда колесил с полевыми госпиталями и во время пергой мировой войны и, гражданской, и последней, Великой Отечественной. В Боровушке он начал свою медицинскую практику. Организовывал больницу - первую в округе на пятьдесят верст во все стороны. Лечил своих пациентов больше убеждениями о пользе быть ближе к природе, к целебному боровушинскому воздуху, о вреде курения и алкоголя. Больницей назывался крестьянский дом в центре села, а он, челезек со средним медицинским образованием, был здесь и врач и фельдшер, и акушер. Впрочем, роды у крестьянок приходилось принимать чаще всего на дому и даже в поле - где придется.

Теперь в Боровушке целый лечебный городок. Он разместился в сосновой роще за селом. Там и поликлиника, и хирургическое отделение, и родильный дом, и аптека. В этом лечебном городке Михаил Степанович бывал часто, но всегда заходил как бы случайно. Лечебный городок начали строить в тот год, когда он пошел на пенсию, и какое-то чувство, похожее на зависть, носил в себе старый Фельдшер к новой больнице и ко всему ее персоналу.

Укладываясь в постель, Михаил Степанович долго еще думал о предстоящей встрече. Он думал, как пойдут они рыбачить на Серебринку, где когда-то, купаясь, чуть не утонул Ванюшка Курилов. Побывают на озере Белом, вообще вдоволь побродят по окрестностям! Потом профессор примет больных в больнице. Михаил Степанович старается вспомнить, кто из жителей страдает глазами. Будто нет таких! Пожалуй, стоит дать объявление в газете,

чтобы из других сел и деревень нуждающиеся побывали на приеме у профессора.

С этими мыслями Михаил Степанович заснул. Во сне видел свою старую больничку. Лиза, покойная жена, санитарка при больнице, поливала в палисаднике его любимые белые махровые астры, «Лиза, - звал он жену, - где марля, которую мы купили на деньги, вырученные с продажи подсолнухов? Надо нарезать из нее бинтов». На кушеке перед ним лежал, человек с кровоточащей раной, и он никак не мог остановить кровь.

Утром, проснувшись, как всегда, с рассветом, Михаил Степанович первым делом вспомнил о телеграмме.

«Ивану уступлю эту комнату, - думал он. - Сам перейду в кухню на раскладушку».

Оглядев свое жилье старого вдовца, Михаил Степанович нашел нужным навести полный порядок, сменить постельно белье, еще кое-где помыть, почистить.

- Ничего, Ваня! - рассуждал он сак с собой.- Может, в твоей одесской квартире и лучше. Пусть так... А помнишь, как учились в Омской фельдшерской школе? Спали на одной кровати. Ты был без стипендии, я получал повышенную. Делили ее на двоих. Ты стал профессором, доктором наук, заслуженным врачом республики, я же, как приехал, в село после школы Фельдшером, так и остался в этом «чине». Не подумай, Ваня, что завидую или что еще, нет! Я прожил хорошо, счастливо... Вот если бы еще сейчас со мной была моя Лиза!..

Закончив домашние дела, в новом выутюженном костюме, в белой сорочке Михаил Степанович вышел за ворота, что бы встретить гостя. Может, пройти к остановке? Может, профессор приедет с очередным автобусом!

Улица родного села, длинная, прямая как стрела. Неужели Иван не заметит, как похорошела она, как изменилась с тех пор? Новые дома выстроились по линейке. Немножко выдалась, правда, вперед и портит вид избенка бабки Макриды Титовны. Рядом – крестовые дома двух ее сыновей. Но не хочет бабка х ним. «Родилась и умру в своей избе», - отговаривается. Что с нее взять - настоящая «бабка Ешка!». .

У каждого дома – палисадник с цветами, с кустами сирени и акации. А тогда он должен помнить, кроме коровьих загонов, около домоз прямо ничего не было. Вот каменная школа. Хороша! А у окна детского сада ставень оторвался. Неужели не видит заведующая! Почему не прибьют? Хуже того, в переулке куча мусора Он сейчас же зайдет и скажет, чтобы убрали.

Улица родного села - дом родной.

С крыльца почтового отделения сбежала девушка. Идет ему навстречу.

- Вам телеграмма, - е такой-то грустью в голосе говорит и подает длинный листик, склеенный посередине. Что-то неладное слышится в ее голосе, и как-то неровно стукнуло сердце в груди. Вскрыл телеграмму, прочел. Жена профессора Курилова извещала, что Иван Николаевич скоростижно

скончался в пути.

Ускоряя шаги, Михаил Степанович все шел и шел вперед. Он давно миновал село и, сам того не понимая, куда идет, очутился около старой изгороди. Почерневшие жерди еле держались на подгнивших столбиках. Что за изгородь? Да это кладбище! Зачем он здесь! Вспомнился анекдот про фельдшера, который будто бы указывая на кресты, хвалился: «Все у меня лечились!». Впрочем, мало ли обидного рассказал лось о фельдшерах! На свой счет он этого не принимает.

«Домой!».

Михаил Степанович пошел по направлению к селу, первый раз в жизни он почувствовал, что сердце его стучит с перебоем, что ноги плохо слушаются.

Догнала больничная легковая машина. Шофер затормозил. Открылась дверца: «Садитесь, довезу...»

- Спасибо. Предпочитаю пешие прогулки, - сказал он, пропустив машину.

// Советское Зауралье. – 1968. – 30 янв. - №24. – С. 4.

Край родной ...

Автор этих лирических миниатюр долгое время жила и работала в селе Утятском. Их она «подсмотрела» близ родного села.

Акулинкино озеро

Предание гласит, что в этом озере когда-то утопилась несчастная Акулинка. Не то из-за неразделенной любви, не то из-за козней злой мачехи.

В весеннее половодье озеро соединяется с Тоболом, освежается, и круглы год люди ловят в Акулинкином щук, окуней.

По берегу озера в 1942 году Федот Сартаков посадил сосновую рощу. Сейчас двадцатишестилетние сосны в юной красе, под соснами в изобилии растут и полосатые рыжики, и желтые маслята, и грузди. Федота Михайловича Сартакова уже нет в живых, а за борком сохранилось его имя - Федотовский борок.

Озеро Акулинкино и Федотовский борок – излюбленное место отдыха рабочих и служащих Курганского завода медпрепаратов. В летнее время с семьями они приезжают сюда на автобусах, на легковых машинах, на мотоциклах

Плакучие березы

Обычно говорят: плакучие ивы. Однако есть и плакучие березы.

По старой сибирской дороге, вдоль берега поймы Тобола, между деревнями Раскатиха и Камышное сохранились десятка полтора столетних берез. Стоят они рядком. Почернелые их стволы не обхватишь. Толстые сучья опутаны тонкими ветвями, спускающимися отвесно до самой земли. Эти тонкие ветви сплошь усыпаны коричневыми сережками.

Говорят, березы живут до 300 лет и более. Этим же всего 150 лет. Посажены они были строжайшему распоряжению всесильного временщика графа Аракчеева, любимца царя Александра I.

Сами березы величественно спокойны даже в непогоду. Зато их длинные косы-ветви всегда в волнении, в движении, будто хотят рассказать, что садили их раскатихинские и нагорские мужики, а деревни Камышной тогда еще не было.

Родничок

У самого берега Тобола сосновый бор уступил место веселой березовой роще. Березы разбежались по пологому берегу до самой воды и, как в зеркало, смотрятся в реку.

Помнится, в роще был родничок со студеной водой. На лодках из-за реки приплывали люди, чтобы набрать этой чудесной воды для чая или просто так попить.

Кто сделал углубление в земле, кто срубил из трех бревнышек сруб и спустил в углубление? Нас это не занимало.

Сейчас нет сруба, нет углубления, нет берестяного ковшичка. Родниковая вода тоненьким ручейком-змежкой стекает к реке, не замерзая даже зимой.

Журчит ручеек, будто просит, чтоб пришел человек и восстановил былую славу родничка.

Зеленинская лука

Наш луг делится на отдельные угодья. Каждое имеет свое название. Есть Бубновская лука, Зеленинская, Кобылевская, есть лука Ярки.

Но самая большая и красивая – Зеленинская. Весной она дольше всех находится под водой, зато травы на ней и гуще и выше, чем на других.

От реки отделяют луку заросли ивняка, смородинника и хмеля. Нигде на лугу нет такой крупной черной смородины, как здесь.

Сейчас местный колхоз ведет очистку луговых угодий от лишних зарослей кустарника. Только жаль смородины, этого благодатного дара природы, столь полезного для здоровья человека.

// Советское Зауралье. – 1968. – 2 апр. - №77. – С. 4.



Радость жизни

Рассказ

Моя давняя знакомая Дарья Артемовна затащила меня к себе. «Хоть на часок зайди», - просит.

Живем мы с Дарьей Артемовной в одной деревне, а встречаемся не часто. Все недосуг! Что ж, думаю, на этот раз время как раз выдалось свободное, отчего б не зайти?

И вот давно остыл чай в наших стаканах, перестал выводить трели самовар. А мы все говорим и говорим. Правда, больше говорит она, я слушаю.

Нынче колхоз многих наших одногодков на пенсию проводил. Мой Илья Григорьевич тоже в это число попал. Приходит вечером с собрания весел-веселехонек. Поздравь, говорит, Дара, новоиспеченного пенсионера!

- Поздравляю, - отвечаю, - отработал свое, и отдохнуть пора настала. Да и возраст: по седьмому десятку распечатали.

Собираю на стол ужин, а он похаживает по избе именинником, заглядывает в глаза: «Не найдется ли, Дарочка, по рюмочке красненького по случаю такого события?» Фу ты, батюшки! И «Дара» и «Дарочка». Сколько лет уж от него такого не слыхивала!

Первую неделю отдыхает мой пенсионер, как на курорте. Сбегает во двор, что-то там поделает, опять в избу. То газету возьмет, читать станет, то радио слушает, то на диван приляжет, глаза прикроет, дремлет. В конце недели вздыхать как-то надсадно начал. А потом... Пошло и поехало! Мечется по избе, как кобчик в клетке. Невеселый, сумрачный какой-то стал и больше все молчит.

Мне-то все понятно: скучает человек, привык на людях быть, прирос к своему делу! Я на себе все это испытала: когда на пенсию вышла, тоже сперва места себе не находила. Но обомнется, думаю. Куда денется?

Разболелась у него раненая нога, ночью уложить ее не может. Контузия тоже стала сказываться. Расхворался совсем, загнала его хворь на печку.

А тут еще беда: Дружок потерялся - собака у нас есть, Дружком кличем. Умная такая собачонка, только что не говорит, а так все понимает. И куда девалась?

Говорю Илье: «Стар стал, Дружок, смерть, видно, свою почувал... Собаки умирать завсегда куда-нибудь от дома уходят, прячутся».

Обыскал Илья все закутки-закоулки - нигде нет Дружка! Аж слезы у него на глазах, плакать готов. Надо же так о собаке убиваться!

Время прошло где-то недели три или четыре, прибегает к нам соседский мальчик и говорит:

- Дедушка Илья, ваш Дружок дохлый лежит на самом дне силосной ямы.

Мой Илья с печки кубарем, шапку, полушубок в охапку и был таков.

Как он там в яму спускался с больной ногой - не знаю, только гляжу, тащит в избу собаку, не собаку, а как бы шкуру собачью.

- Старик, - говорю, - да ты в своем уме? Зачем ты дохлую собаку в избу приволок?

А он не мило так посмотрел на меня и не сказал, а прошипел:

- Давая скорее теплого молока!

С трудом разжал собаке зубы, влил ей в рот три ложки молока. Гляжу, будто ухо у собаки подернулось, а глаза закрыты, и незаметно, что дышит. Несколько дней не отходил от собаки Илья. И ожил, понравился Дружок!

- Ну, что. Друже...жить будем!.. – разговаривает он с собакой, как с человеком. Она смотрит так умно, так преданно, так умильно. А он все свое:

- На работу завтра идеи, друже. Эта сидячая и лежащая жизнь не по нам, Друже...

Работает сейчас мой пенсионер скотником на ферме. В кузницу уже не пошел. Кузнецом сейчас Степан Шумилов, зачем человека сбивать с места? Ожил на работе старик просветлел, куда и хворь девалась. А Дружок так и ходит за ним по пятам.

...Уж предвечерней порой возвращаюсь я от Дарьи Артемовны домой. И вот какие мысли занимают меня.

- Пусть подарит тебе жизнь много радостей! - желаем ни друг другу, обмениваясь приветствиями. Мы ждем этих радостей. Надеемся и верим, что они придут к нам и тогда, когда мы юны и тогда, когда в расцвете сил, и тогда, когда уже стары и немощны. Немыслима жизнь без этой веры и надежды!

В чем же все-таки самая главная радость, от которой зависят все прочие, маленькие? Не дает ли ответа на это жизнь таких людей, как Илья Григорьевич?

Хлопочут люди, спешат закончить дневные дела. Торжественная тишина в природе, и нет ей, природе, дела до людских забот, до их радостей и горестей, до их раздумий и сомнений: ни этому дивному лесу, обступившему нашу деревню, ни пологу неба, нависшему над нами.

// Советское Зауралье. – 1968. – 16 апр. - №89. – С.4.

Ремезково гнездышко

Документальный рассказ

Был конец августа – венец лета. Буйно цвели георгины, астры, поздние гладиолусы – великолепие красок и оттенков! Дорожки между клумбами до самого крыльца низенького, бдто вросшего в землю домика, краснели толченым кирпичом. На крыльце с книгой в руках сидела девушка. Она часто отрывалась от книги, то следя за полетом шмеля, то подолгу глядя в сад, в сторону, где на светлой зелени четко вырисовывались две стройные ели. Сегодня Мария Степановна, директор, показывая ей сад, назвала одну ель «Наташей», другую «Верой». Это немножко смешно и чуть грустно. Мария Степановна рассказывала, что ели посадили две молодые учительницы в память о себе: они работали в школе, а потом уехали...

Вот и она, Люда Гребенщикова, приехала учительствовать. Уже состоялось первое знакомство с достопримечательностями села. Потом зашли в сельский Совет.

- Знакомьтесь, - сказала Мария Степановна представителю и секретарю Совета. – наша новая учительница, Люмила Павловна. В нашем полку прибыло.

Люде было не по себе. На нее смотрели, как ей казалось, с нескрываемым любопытством и даже недоверием. Потом заходили в правление колхоза. К счастью, там, кроме старичка-счетовода, никого не было. Старичок посмотрел на Люду поверх очков и обратился к Марии Степановне:

- Как вы думаете, Мария Степановна, новая учительница столько же проработает в нашей школе, сколько и вы? Который год вы нынче распечатаете?

- Тридцать седьмой, Петр Михайлович.

Люда никогда не жила в деревне. То, что она знала о деревне из рассказов других и из книг, не совсем совпадало с действительностью. Люда окончила факультет иностранных языков, мечтала стать переводчицей. Тетка Люды, коренная москвичка, обещала помочь отатся в Москве. А случилось все по-другому. Отец, полковник в отставке, безапелляционно заявил:

- Ты поедешь туда, куда пошлют!

И вот далекое Зауралье, сибирское село....

В дверях домика показалась женщина в очках.

- Ужинать, Людмила Павловна. Чайку попить.

Ночью Марии Степановне не спалось. Ее беспокоило: не душно ли там, в комнате, Люде, и что хорошо бы открыть там окно...

Не спала и ее старшая сестра Наталья Степановна.

- Как ты думаешь, Наташа, - шептала Мария Степановна, - если нам взять девушку к себе на житье?

- Послушай, Машенька, - прервала ее Наталья Степановна. – Она плачет!

Мария Степановна прислушалась: так и есть, плачет!..Даже всхлипывает. Ах ты, господи! Бедненькая... Вот ведь беда какая!

И обе старушки притихли.

На следующий день Мария Степановна решила показать новой учительнице окрестности села. С высокого правого берега реки оно было видно, как на ладони.

- Взгляните, Людочка, как красиво смотрится село. Хоть картину пиши! Вон школа, школьный сад. Вон наш домик...Знаете, наше село имеет богатую историю. Это самое старинное село в крае! Сейчас мы пойдем с вами к речке Басманке. Она впадает в Тобол. Вы только вдумайтесь в название: Басманка... басма... басмак... Тюркское слово, оставшееся нам от далекого прошлого.

Подошли к Басманке. Еле заметный студеный ручей буравил землю. Берега густо поросли ивнячком, таволгой, смородинником.

- Здесь в этой долине, в двадцатых годах был поселок коммунаров. А вот и холмик – могила первого нашего тракториста-комсомольца Васи Уфимцева. Помните песню: «Прокати нас, Петруша, на тракторе»? Так в этой песне только заменить имена – все остальное прямо относится к судьбе нашего Васи. Руки не дошли положить хотя бы камень с надписью. А сделать это надо непременно...

Люда кивала головой, шептала чуть слышно: «Надо, обязательно надо». Вдруг сорвалась с места, кинулась в кусты, сломала там ветку ивы и, поднеся ее Марии Степановне спросила:

- Смотрите, что это такое? – На ветке раскачивалось что-то похожее на детскую рукавичку.

- О, вы счастливая, Людочка! Это ремезково гнездышко. По бытующему у нас поверью, у нашедшего ремезково гнездышко жизнь будет удачливой, счастливой...

- Ну так я теперь с ним никогда не расстанусь! – улыбалась девушка, приживая гнездышко к себе.

Шло время. Люда привыкала к новой жизни, к работе, завоевала уважение учителей, любовь ребят. Только села она чуралась, предпочитая свободное время сидеть у телевизора или за книгами. Но и здесь Мария Степановна оправдывала Люду:

- Ещё не может понять нашу сельскую жизнь. Это придет со временем.

Кончился учебный год. Зацвела пышная таволга по берегам реки, наполняя воздух терпким запахом. Люда уезжала в отпуск.

Провожать ее пришли все ребята. Тащили до автобуса тяжелый чемодан, сетку с книгами. Стояла у автобуса и Мария Степановна.

Автобус вот-вот должен был тронуться. Ребята и Мария Степановна замахали руками, а Люда все своим существом была уже далеко от их жизни, от этих деревенских ребят и их старой учительницы. Она рвалась к новой жизни.

- До свидания, Людмила Павловна! – кричали хором ребята. – Счастливого вам пути.

- Все ли вы взяли, что потребуется в дороге? – приникла к окну Мария Степановна.

- Не беспокойтесь, все... И даже ремезково гнездышко – на счастье! – радостно улыбаясь, отвечала Люда.

Она и не подозревала, что счастье свое – счастье благородного и нужного людям труда – она оставляла здесь, в этом селе.

// Советское Зауралье. – 1968. –12 мая. – №109. – С.2.



с. Утятское. Зима

Баклановы нашей деревни

Баклановы - одна из коренных фамилий в нашей деревне. Разрослась ветвь Баклановых. Семьи Виктора Михайловича, или Сергея Григорьевича, или Владимира Ивановича, или Анны Григорьевны, или Николая Михайловича - люди настоящие, работающие. А корень Баклановых ушел глубоко в старину. Вот что известно о далеком прошлом Баклановых:

Подщетенный Иван

Рассказ о Иване Подщетенно хранится в памяти и переходит из поколения в поколение. Передаю его теми словами, как он сказывается:

- Парнишкой тринадцатилетним Иванко Бакланов был насильно увезен в монгольскую орду на реку Аму-дарью. Там Иванко парнем стал. Там его женили, да не одну жену дали, а две, от третьей еле отказался. Шибко тосковал Иван по родному краю, ничего не мило было, и все смышлял, как бы убежать из орды...

Чтобы не убежал Иван, решили в орде его подщетенить. Срезали с пяток кожу, да на кровоточащую рану насыпали мелко нарезанного конского волоса-щетины. Потом кожу на пятках поставили на свое место и пришили. Долго маялся Иван, а когда зашили пятки, ступить на ноги невозможно. Учился ходить на щиколотках, корячился. На таних ногах далеко не убежишь!

И все же Иван убежал. На лошади верхом. да еще жену любимую захватил с собой. Улькой жену звали.

Пугачевский агитатор

Вот какое письмо хранится в государственном архиве об одном из Баклановых.

«ПИСЬМО

Тобольского губернатора Чичерина к Тобольскому же епископу Варлааму от 22 февраля 1774 года.

Преосвещеннейший Варлаам, епископ Тобольский, мой милостивый патрон.

Сейчас прислан ко мне из Тары бродяга Ялуторовского дистрикта бунтующей Утяцкой слободы крестьянин Федор Бакланов, который пойман в разглашении и возмущении жителей в злодейскую толпу, не имеющий никакого вида, а единственно проходил все места с данной ему от Тобольской духовной консистории книгою для сбора на строение церковное.

Итого Вашего преосвещения сим покорнейше прошу, в рассуждении нынешних обстоятельств для пресечения свободного проходу бродягам, духовной консистории дать о таковых запрещение.

Впрочем, прося Вашего архиепископского благословения...

Денис Чечерин».

Я бы была несправедливой, если бы не добавила от себя то, что мне известно еще о Баклановых, чему была сама свидетельницей.

В 1920 году Филипп Бакланов был в нашей деревне одним из организаторов партийной ячейки, а его дядя - Иван Бакланов — организатором первой коммуны.

// Советское Зауралье. – 1968. – 26 мая. – №121. – С. 4.

Васёнкина любовь

Рассказ

От деревни до остановки чуть больше километра. Чтобы уехать, надо пересечь ленту бора и на заборке - кайме из кудрявых берез, у зеленого павильончика, ждать очередного автобуса.

Боясь опоздать на него, я шла загодя.

День выдался серый, побрызгивал ленивый дождик. Я зашла под трехстенный навес. Пахло краской: видимо, павильон недавно покрашен. Но на стене уже нацарапано: «До скорой встречи! Фантомас».

Разглядывая нацарапанное, я почувствовала, что сзади кто-то есть. Оглянулась: молодая, черноволосая женщина в парусиновом костюмчике.

- Васенка, милая! Сколько зим, сколько лет! Как живешь? - засыпала ее словами. - Ну, рассказывай, рассказывай о себе, - тормошила, усаживал Вассу рядом с собой на скамью.

- Живу хорошо. Вот пришла встретить мужа с сыном. Гостили у бабушки, у моей матери. - Помолчала. - О себе что рассказывать? Вы и без того обо мне все знаете...

- Что слышно Николае, где он сейчас? - задала я вопрос и мысленно ужаснулась своей бестактности. Но Васенка не обиделась, спокойно ответила:

- А здесь, в наших краях. Приехал еще весной, - И, чуть понизив голос, доверительно: - Плакался на свою судьбу. Хотел бы вернуть потерянную любовь, но этого не будет никогда! - Опа сделала ударение на «никогда». - Растоптанную любовь не склеить, - добавила как-то по-книжному, но убежденно.

Умолкла. Небольшие кисти ее рук, положенные на колени, вздрагивали, лицо и шея покрылись красными пятнами. Я поняла, что продолжать этот разговор, пожалуй, не следует, и перевела на другое.

Васенку я знала еще длинноногой девчонкой, похожей на кузнечика. Знала, когда она невестилась и превратилась в нежную, тоненькую, как тростинка, девушку. Теперь рядом со мной сидела женщина, раздавленная в бедрах, широкая в плечах. Только темно-серые глаза оставались прежними. Правда, около глаз появились лучики, пока еле заметные, но от этого глаза казались еще глубже выразительнее.

Знала я и Николая Вохменцева, Васенкину любовь; они дружили еще в школе, потом дружба перешла в любовь с клятвой «навечно».

Свадьбу решено было сыграть, когда Николай отслужит срок в армии.

Служил три года. Они казались Васенке вечностью. Тоску свою топила в работе, жила его письмами. Еще песни - отрада душе. Сколько ил, за душу берущих песен, как бы специально сложенных про Васенкину любовь!

*Под большой под зеленой сосною
Мы до звезд простояли с тобою...
Помни свято, жди солдата... -*

говорилося в песне, и Васенкино сердце отвечало: «Буду ждать, буду ждать хоть сто лет..».

Автобус опаздывал. Васеика то и дело выходила на дорогу, всматриваясь вдаль. Дождик перестал, солнце разогнало хмарь. Васенка опять подседа ко мне и продолжила сама начатый в начале нашей встречи разговор.

- Помните, как вернулся Николай со службы и возгордился? Не захотел оставаться в родной деревни.

- Демобилизованному солдату дано право устроиться в любом месте, в любом городе, - твердил он тогда. - Поеду и я искать свое счастье. Поеду туда, где служил: море, пирамидальные тополя, каштаны, белая акация и все прочее.

- Ты разлюбил, видно, ваши березки, сосны, - сетовала Васенка.

- Не разлюбил и никогда не разлюблю. Пойми меня, Васенка: что я такое был до армии? Шофер-стажер с восьмилетним образованием. А теперь я шофер второго класса, в кармане свидетельство о среднем образовании. Какой интерес мне возить на драндулете навоз со скотного двора на пашню? Армия, она не хуже университета, готовит человека для жизни.

Васеика влюбленными глазами смотрела на Николая: и в самом деле, он сильно изменился. Даже ростом стал выше, а в плечах... Васенка, прижимаясь в его плечу, тихо плакала.

- Я так ждала, так тосковала. - шептала, глотая слезы.

- И я тосковал, - ласкал Николай девушку. - Мерещилась ты мне ночью и днем. Однажды увидел одну, похожую на тебя, чуть не побежал за ней, не закричал. Точь-в-точь, как ты, только насквозь городская, и имя у нее Алла. - Николай засмеялся: - Я сказал ей однажды: «Какая ты Алла, ты Васенка!»

Положила Васенка в карман Николаю на память шелковый вышитый платочек, и Николай уехал.

Работу в городе нашел нескоро. Жил в общежитии, а потом перешел к Алле, в ее маленькую комнату. Письма домой стал писать редко, а потом и совсем перестал.

Старик-отец звал Николая приехать домой хоть ненадолго, но молодая жена и слышать не хотела о поездке в какую-то далекую деревню. А одному ехать в отпуск казалось неудобным.

Прошло два года. Однажды, возвратясь с работы, Николай застал Аллу за упаковкой вещей.

- Ухожу от тебя, - жестко сказала. - Навсегда. Куда - не спрашивай. Не любила я тебя и не люблю Все было ошибкой. Помоги донести вещи до такси.

Николаю смертельно хотелось что-нибудь разбить, выругаться, ударить, но сдержался. Молча взял чемодан и пошел к выходу.

С той поры все перевернулось в его жизни. Все опостылело, стало чужим - к небо, и город, и эти высокие тополя.

«Возьму расчет и уеду долой! - решил наконец. - Начну жизнь сначала Говорят, это сделать никогда не поздно.

Сошел Николай с автобуса, не доезжая деревни. Шел лесом, избегая лишних встреч. Вот и полянка, на которой росли рядом две молодые елочки.

Одна его, Николая, другая ее - Васенкииа. Но на полянке осталась только его елочка: Васенкиной нет, она срублена под корень. Николай бросил чемодан на землю, сел на него, К горлу подкатили слезы. Он их не сдерживал.

Вдали показался автобус Мы подошли с Васенкой к краю асфальта, Из лесу с шумом вылетела стайка мальчишек с корзанками, полными желтых маслят.

- Вот они, фантомасы! - кивнула в сторону мальчишек Васенка и погрозила им пальцем. Мальчишки вбежали в павильон, очень горячо споря.

Автобус бесшумно подкатил.

Вышел молодой человек с ребенком на руках. Васенка приняла ребенка и осыпала его поцелуями. Никто не подумал, бы, глядя на нее, что другая женщина родила этого мальчишку!

Я вошла в автобус За рулем сидел Николай Вохменцев. Он смотрел вслед уходящей семье Васенки. Прощай, Васенка, будь счастлива!

// Советское Зауралье. – 30 июня. – №151. – С. 3.

Притобольные страдания

Новелла

В час, когда солнце сядет за горизонт, а запад еще пылает огненно-золотыми красками, Юрка, двадцатипятилетний парень, заводит старенький автомобиль. Мотор ёрится, фыркает, наконец, начинает стучать ровнее. Юрка высовывает из окна кабины чубатую голову и кричит:

- Чья сегодня очередь? Садись!

Несколько женщин влезают в кузов, заполненный флягами с парным молоком.

- Поехали! - кричит Юрка и машет рукой оставшимся.

Остались Ликанида, Фрося, Клавдия, да Нюра с Саней - подруженьки задушевные. Все они связаны между собой единой судьбой, все начали работать на ферме в годы войны совсем молоденькими девчухами.

- Основные кадры нашей фермы, - величают их в торжественные дни на собраниях и бригадир, и заведующий фермой, и сам председатель колхоза.

Ушла машина. Юрка придет за оставшимися не раньше, чем через час. Пастухи угнали коров в степь. Установилась тишина. Запересвистывали пичуги в кустах, ухнула выпь, извещающая о наступлении ночи.

- Пойдемте, девоньки, пострадаем, - говорит рослая красавица Ликанида.

Они идут к берегу реки, к развесистому тополи, заблудившемуся в этой долине. Крепко вцепилось дерево в землю. Два оголенных корня, как упоры, как ноги исполина, готового выстоять любую невзгоду. А невзгод, видимо, немало терпит тополь. Обшаркан ствол, молнией сбита верхушка, а тополь пускает все новые и новые побеги, кустит свою крону.

- Что-то сильно тоскливо мне сегодня, - жалуется Ликанида, когда подошли к тополи и сели под его навес. - Уж так тоскливо!..

- Понятно, - резюмирует Клавдия, пытаясь развеселить подругу. - Ты же объявилась невестой, а невесте плакать полагается, убиваться... Слез нет - луком глаза натереть надо.

- Невеста без места, невеста из кислого теста, - горько усмехается Ликанида.

- Слушай. Лика, - вступает в разговор Фрося. - Не глянется мне твой Егорей... Шабашник он и скряга. Ненавижу таких. Зачем он тебе? Пошли ты его подальше!

- Надоело быть ни девкой, ни бабой, ни мужней женой, как говорят про нас. Да еще кличку лепят: «Одиночка». Услышу эту кличку - нутро переворачивается. Обидно. Хочу стать мужней женой, испытать это счастье, - горячится Ликанида.

Клавдия протяжно начала:

- *С мужем жена - будто госпожа,*

Без мужа жена - горька сирота...

- У тебя, Клавдия, все навынтарары, - перебила ее Саня. - Чего песню портишь, с конца начинаешь? Зачни, Ликанида.

И Ликанида завела старинную тягучую песню своим низким и сильным

голосом. Ее подхватили все дружно:

- Зимонька-зима холодна была, да морозливая.

С мужем жена не в любви жила.

Мужа извела.

Пришла ко двору, да и села на траву.

Слезно всплакнула.

С мужем жена — словно госпожа,

Без мужа жена — горька сирота.

Пойдем, муж, домой,

Пойдем, голубь мой.

Принаслушался мелких пташечек,

Принакушался сладких яблочек.

- Был бы у меня сынок, как у тебя, Кланыя, или дочка, как у тебя, Фрося, и не подумала бы я ни о каком замужестве, - опять начала разговор Ликанида, жалуясь на свою долю.

- Кто же тебе не велел родить? Пересудов боялась, молвы злой... Умный да добрый человек по-умному это дело рассудит, а на глупого да злого смотреть нечего, - убежденно заявила Фрося.

- Завтра у меня окончательный сговор с Егором Петровичем. Приходите вечером, девоньки. Посидим, молодость вспомним, песню споем.

Послышался шум возвращающейся машины. Женщины поднялись ей навстречу, запели:

- Позарастали стежки-дорожки,

Где посходили милого ножки..

Ночь спустилась на землю. Выплыл на небе зазубренный серп луны, плеснулась щука в омуте, закачалась, изломалась лунная серебряная дорожка на середине реки. И опять неистово заухала, где-то уже за рекой, выпь.

II.

У Ликаниды в большой горнице гости за столом пьют, едят, речи ведут. Разрумянившаяся Ликанида своему жениху кушанья подвигает, водки в стакан подливает.

- Кушайте, Егор Петрович.

У Егора Петровича лысина во всю голову. Короткая, красная шея не ворочается, язык от выпитой водки заплетается.

- Выпей сама, я погляжу. - подвигает он стакан водки Ликаниде.

- Не пью я, Егор Петрович. Отродясь не пивала...

- Так я тебе и поверил. До сорока годов в девках просидела, да водки не пила... Хе... хе... Чиста и непорочна...

- Ликанида правду говорит, Егор Петрович. - вступилась за подругу Клавдия. - Мы тому свидетели.

- Э... - пренебрежительно машет рукой Егор Петрович. - Все вы одного поля ягодки...

В соседней малой горнице всеми забытая сидит на кровати древняя старушка Федосья Степановна. К шуму прислушивается. Нет-нет, да и смахнет

скупую слезу с глаз: как-то сложится теперь ее судьба при новом хозяине.

Лика взяла ее к себе на житье, когда убили на войне Федосьиного единственного сына Васеньку. Лика считалась его невестой. У Лики в тот год было горя - не перехлевать. От отца похоронная, мать слегла в постель и не встала. Осталась Лика одна-одинешенька. Пришла тогда Лика к Федосье в избу, упала к ее ногам.

- Пойдем жить ко мне, тетушка Федосья. Буду тебе вместо дочери родной. Клятву даю - не оставлю тебя, не обижу, как бы ни сложилась моя судьба..

«Что будет теперь? Вон он, Егор-то Петрович, какой куражливый...». А Егор Петрович сберегательной книжкой трясет, хвастает, что денежку умеет зашибать, что выгодной работы сколько хочешь: «Сгори одна деревня - в другую перейдем».

- Наша Ликанида Ивановна тоже не бесприданница, - перебивает хвастуна шофер Юрий. - В таком доме жить не зазорно никому, а обстановка в доме - не хуже любой городской. Но лучше и дороже, всего сама Ликанидушка - первая работница в колхозе.

- Не хаю, не хаю. Приданое у моей невесты неплохое. А вот безродную старушку, что рядом в горнице живет, не принимаю. Для таких дом старости есть. Туда ее отправить надо, зачем нам она...

Ликанида слушает нареченного жениха. Бледнеет. Проворно вышла из-за стола и распахнула дверь в горенку:

- Тетушка Федосья, матушка милая, прости, что позабыла тебя. Иди садись за стол не гостьей, а хозяйкой. Ну-ка, Егор Петрович, освободи-ка место. После таких слов твоих знать я тебя не хочу. Ты пташку не поймал еще, а уж ощипал. Юра, друг родной, выпроводи этого фрукта из моего дома, чтоб духу его не было! - гневно распорядилась Ликанида.

Под общий гвалт и шум «без пяти минут жених» был выдворен...

- Ну вот, дорогие гости, кончилось представление, - уже тихо сказала Ликанида, когда утихла буря. - Девушки-подруженьки, спойте мне величальную, свадебную. Прежде таких, как я, называли «христовыми невестами» Пусть я буду вечной невестой моей первой неразделенной любви. Припойте мне Васю Казанцева, сына бабушки Федосьи, моей нареченной матушки.

Женщины стройно запели величальную:

- Ой, ярко горят воску

Ярого свечи.

Ой, столь ясно они

не гарывали.

Весело в дому стало

не бывывало

Василий Павлович привез себе суженую

Суженую-ряженую.

Ликаниду Ивановну.

Ликанида сидела, опершись на стол, слушала песню. Слезы катились по

се лицу и капали на кружево белой шелковой кофточки.

// Советское Зауралье. – 1968. - 7 авг. – №180. – С. 3.

Над ширью пашен и полей

Анатолий Иванович Церенщиков, председатель колхоза «Россия», предоставил мне возможность побывать вместе с ним на пашне, посмотреть, как идет уборка урожая.

- Щедро одарила урожаем нас нынче земля. - говорит Анатолий Иванович. – Я хотел бы, чтоб вы почувствовали всю радость нашего земледельческого труда, как чувствуем мы...

Еще не рассеялся утренний туман. Светло. Но вот луч солнца глянул на землю. Все дрогнуло, затрепетали верхушки берез, побежали волны по пшеничному полю, помчался на запад туман. Открылись голубое небо и необъятная ширь во все стороны.

Минуем Луканинский ложок, Макаровку, Баженовскую степь, Развилки... У земли, как у человека, свое судьба, и в этих названиях ее история. Многие не помнят, что пшеничное поле в 350 гектаров, называемое Баженовской степью, и в самом деле в недалеком прошлом было степью.

У дороги возле густого осинника – Федотовский стан. Жилой дом, кухня, столовая, стоянка мотоциклов, мопедов, велосипедов, станции технической помощи. Справа и слева от стана идет жаркое сражение за урожай. Грохочут комбайны. Их сорок семь. Снуют автомашины, отвозя зерно на ток.

Легким облачком наплыло воспоминание. Когда-то обосновался здесь первый энтээсовский отряд в четыре трактора. Бригадир отряда – невысокий широкоплечий детина Александр Федотов. Будто вижу его сейчас. Здесь, у осинника, в земляной избушке, большую часть жизни, как кроты, прожили его прадеды, дед, отец, Мальчонкой борновлочил и сам. Здесь был извечный надел крестьянской семьи Федотовых.

- Крепче держись, Сашка, за рогальху сошеньки – кривой ноженьки, с хлебом будем. – учил сына Нефантий. Советская власть, колхоз вместо рогальхи дали в руки Александру руль трактора, и он верно держал его до последнего своего часа. В поле выводил трактора, едва появлялись проталины, уводил глубокой зимой. Скошенный хлеб женщины вязали в снопы, свозили их в клади. Молотилку приводил в движение трактор, и люди радовались этому.

Однажды, возвращаясь из МТС, Александр увидел у хлебной клади столб огня. Горел облитый горючим трактор. Люди метались вокруг него, плескали воду, а столб огня взлетал еще выше. Александр сорвал с себя тулуп – единственную семейную тлрто одежду и бросил на огонь.

Пламя утихло, гибель клади хлеба была предотвращена. В память о честном труженнике и появился этот Федотовский стан.

За перелеском от Баженовской степи массив хлебов в 600 гектаров. Как море, волнуется на ней густая пшеница. Друг за другом идут комбайны.

На первом, флагманском Леонид Александрович Федотов, за ним его младший брат – Виктор. Это сыновья того энтээсовского бригадира Александра Федотова. Хватка в работе отцовская – полторы-две нормы в смену. Вместе с отцом на мостике комбайна его младший сынишка двенадцатилетний Толик, с

Виктором – старший тринадцатилетний Саша – будущие хлеборобы, наследники династии Федотовых.

Впрочем и мать ребят, жена Леонида, тетя Паша, как все её называют, - здесь же. Она учетчица в бригаде.

- Что Баженовская степь, или земля у Макаровки, у Луканинского ложка дает по двадцати центнеров с гектара – не диво, - рассказывает председатель. – Нас удивило поле у Потанинского колка. Там сплошной песок, а нынче это поле дало по 29 центнеров с гектара! Вот что значит хороший пар и хорошее задержание влаги. Земля, как человек, ей больше внимания, заботы – отдача будет. Два годовых плана сдачи хлеба государству предполагаем нынче дать, - заключает Анатолий Иванович.

Поздно вечером я возвращалась к себе домой. Душа моя переполнена гордостью за своих односельчан, за из великий радостный труд.

// Советское Зауралье. – 1968. – 5 сент. – №208. – С.2.



Семья на сенокосе, 1950-е гг.

Для самых маленьких

Ласточкин домик

Бабушка Авдотья первая заметила пару ласточек у себя во дворе. Сказала об этом внуку Славику.

- Не бегай зря под крышу, не пугай ласточек! Они там домик себе мастерят, - предупредила бабушка.

А домик свой ласточки слепили в зимнем коровнике, прилепили его к стене под потолком. Славик боялся, что домик может упасть, и не давал покоя отцу:

- Упадет домик, разобьется! Он же весь слеplен из глины и наверняка тяжелый. Надо досочку под него подбить...

Отец так и сделал.

Щебечет ласточка, усевшись на стойло:

- *Середа да пятница*

Середа да пятница

четвертый чет ...вер...г!

Бабушка Авдотья первая разгадала щебет ласточки. И Славик отчетливо слышит теперь в птичьей скороговорке каждое слово!

Мама ежика

Ранней весной Сережа ходил на заборье за медунками и под старой развесистой березой поймал ежика. Еж был круглый, как шар!

Дома Сережа устроил ежа в кладовой за ящиком с зимней обувью.

Однажды утром, когда он принес ежу очередную порцию молока на завтрак, не нашел его на месте. Слышит Сережа, кто-то тоненько попискивает. Старый отцовский валенок почему-то на полу валяется... Тронул Сережа валенок, а в нем еж и три маленьких ежонка! Шкурки у ежат розовые, с мягкими, как губка, пупырышками.

Еж оказался заботливой мамой ежихой. Целый день ежика лежит с ежатами в валенке, а ночью выходит на охоту, и если двери кладовой не закрыты, заберется в сени, в кухню и все обшарит.

Ежата быстро росли и не в пример своей маме, были общительны и смелы: играли друг с другом, с мамой, теребили Сережу за ноги, залегли на колени.

- Вот что, Сережа, - сказал отец, когда ежата стали превращаться в серые комочки. - Отвезем-ка ежиную семейку в лес. Нам они забавы, а в лесу они еще успеют к зиме подготовиться и немалую пользу принесут там, уничтожая грызунов и вредных насекомых.

Так и сделали Сережа с отцом: сложили ежей в корзину и отвезли их на заборье.



Озеро Акулинкино

Маленькая хозяйка большого дела

Сколько я помню, между нашим селом и деревней, которая называется Новой (она много раз выгорала дотла), лежал пустырь. Сейчас село и деревню соединила улица-односторонка. Я даже не заметила, когда люди успели понастроить эти дома, один другого лучше. Дома смотрят окнами за реку, на березовый подлесок, на синий бор.

Примечательно, что хозяева этой цепочки домов в основном люди одного возраста: «в самой поре» - про таких говорят.

Мне хотелось встретиться с Валентиной Ивановной Решетниковой, заведующей молочной фермой второй бригады. Дом Решетниковых как раз посередине улочки. Да разве просто хозяйку застать дома?

За последнее время я много наслышана о Валентине как об энергичной, рачительной хозяйке большого дела; о том, что ферма по производственным показателям занимает ведущее место не только в своем колхозе, но и в районе. Но почему-то, вспоминая Валентину или разговаривая о ней, до сих пор представляю ее той худенькой, маленькой девчонкой, которую я когда-то учила. А ведь теперь Валентине двадцать шесть, она мать троих детей!

Знаком мне и ее муж - Николай Решетников, ее одноклассник и тоже мой ученик.

Я знала в те годы тайну о Коле Решетникове, которую никто не знал, даже он сам: отец и мать были ему совсем чужие люди. Приехали они издалека в наше село на жительство, чтобы сохранить эту тайну. Родной отец Коли ушел на войну, когда мальчику было девятнадцать дней от роду. Вскоре заболела и умерла мать.

Павел Дмитриевич Решетников, доверяя мне это, просил молчать до поры до времени. Время пришло, можно и рассекретить тайну. Я хотела бы, чтобы все знали, какие замечательные люди Павел Дмитриевич и Арина Никитична Решетниковы. Достойного себе и сына воспитали они; как родную дочь приняли в свою семью Валентину, а сейчас пестуют внучат - Володю, Сережу и Валерку.

Как и ожидала, дома никого не оказалось. Однако нет худа без добра; пожалуй, лучше всего видеть Валентину и Николая в самом «огнище» их деятельности. Николай тоже работает в животноводстве. Он шофер, отвозит молоко на завод, выполняет другие работы, связанные с перевозками.

...Пойма реки Тобола Озера, старицы, впадины. Справа редколесье, тронутое осенью. Трепещут кровавые листочки на осинках, позолотились березки. Простор и даль! Здесь, на просторе, все лето и вот уж осень гуляет стадо в тысячу с лишним голов. Вот и Бело-озеро, куда пригонят пастухи коров для доения.

Бело-озеро похоже на разогнутую подкову. Вода отливает сталью. Кругом ни кустика, ни камышинки, лишь белый зернистый песок каймой. Тобол редко дарит Белу-озеру свои воды, но удивительно; оно всегда свежо, в достатке в нем щук, окуней, чебаков.

О Бело-озере немало былей и небылиц. Будто оно бездонно на середине.

Будто когда-то оно было «стольным» царством самого Водяного, да в двадцатые годы комсомольцы выловили подводное чудище в образе громадной шуки со свирепыми глазами, плавниками, умотанными водорослями и ракушками. С тех пор и навсегда кончилось его царство!..

Николай доставил к месту доения ведра, мерники, фляги. Приехали доярки, пастухи подымали коров.

В одном из трех гуртов сегодня контрольное доение, и заведующая фермой должна присутствовать тут обязательно. Николай то и дело посматривает вдаль, - поджидает жену. Вот и она, мчится на своем мопеде, по-девичьи стройная, легкая. Успела побывать там, где откармливается скот для продажи на мясо. Валентину окружают доярки, пастухи.

У каждого к ней какое-нибудь дело. Но время не ждет, пора приступить к работе.

- Не страшно тебе, Валя, было браться за такое большое дело? - спрашиваю, когда мы остаемся вдвоем.

- Я понимала всю сложность, сама дояркой пробыла восемь лет. Долго думала и как видите, взялась. Кому же, как не нам, молодым, браться за трудные дела? Надеялась и надеюсь на поддержку коллектива. Большинство - замечательные люди; пастухи Юрий Родионов, Анатолий Сомусев, Саулькнн, доярки Зоя Ловыгина, Зоя Чистякова, Анна Потанина. Работать с такими одна радость! И словом, и делом всегда помогут. - Валентина чуть помолчала и добавила, смеясь: - Да и муж под боком. Самый лучший советчик!

Я достала свежий номер районной газеты «Притоболье», в котором дана сводка надоя молока по фермам. Первое место в ней занимает животноводы колхоза «Россия», и о ферме, которой руководит Валентина, в комментариях сказано много доброго.

Валентина слушала мое чтение внимательно.

- И все-таки хвалить нас рано. Мы отстаем от времени. У нас еще ручное доение. Надаиваем в среднем в год от коровы по две тысячи килограммов. Племенное дело очень запущено. Обеими руками надо браться и крепко за все...

И я глянула здесь на ее руки, подумав: «Умные и сильные эти маленькие руки...».

Свечерело. Пастухи угнали стада на пастбище. Увез молоко Николай на завод, уехали доярки на отдых. Валентина проводила всех, стоя на берегу Бела-озера, опершись на мопед. Ветер играл концами ее светлой косынки. Маленькая хозяйка большего дела!

Обелиск у дороги

*«Василию Уфимцеву - первому комсомольцу-трактористу.
От комсомольцев колхоза «России».*

(Надпись на обелиске)

Мы не имеем права забывать, с чего начинали. Если бы не было таких, как он, комсомолец Василий Уфимцев, не было бы того, что мы имеем сейчас, чем гордимся, чему радуемся, чем стали в жизни сами.

1922 год. Еще рыскали по Притоболью головорезы из банды Землина. Еще не снимали с плеч винтовки притобольские коммунары. На усадьбе коммуны «Заря жизни», что обосновалась на берегу реки Басманки, урчал трактор - первый стальной конь.

Трактор - диковинка на всю округу! Бесконечно паломничество из соседних сел и деревень посмотреть на нее.

Председательскому сыну Васе Уфимцеву в ту пору минуло восемнадцать. Невысок ростом, русоволос, девический румянец во всю щеку. Он - член комсомольской ячейки коммуны, ее секретарь.

Вася оседлал трактор. Управлять трактором научил его коммунары Иван Михайлович Бабков. Скоро учитель и ученик в познаниях на счет трактора сравнялись друг с другом.

От девчат Васе нет отбоя: «Прокати, Василько, на тракторе», - пристают.

- Ждите праздника - прокачу. В будни какое гуляние!.. Работы невпроворо...

Праздники были нечасто. Но тогда прицепляли к трактору фургон, полнехонек девчат и парней, и нет конца песням, шуткам, прибауткам! Заливается тальянка:

- Трактор нашет, трактор нашет.

Тракторист рукой мне машет.

Я не знаю, что к чему?

Мне подруженька сказала:

- Ты пойдя, сходи к нему...

Темны осенние ночи, холодный ветер, пронизывает насквозь.

Темнее осенней ночи совесть кулацкая. Их злоба на все новое льется через край. Грозит кулачье расправой. Не плошай. коммунары, комсомолец, активист!

Редкую ночь комсомольский секретарь Василий Уфимцев не на посту. В одну из таких ночей Вася промерз до костей. Свалила простуда, и он не встал.

Схоронили комсомольца-тракториста Василия Уфимцева на бугорке, с которого открывался простор во стороны.

Там, где была когда-то первая в Притоболье коммуна «Заря жизни», пролегла сейчас асфальтовая дорога. Все переменялось вокруг. Там, где были

избы коммунаров, где был навес, под который Вася загонял свой трактор, растут молодые сосны.

У самой асфальтовой дороги, которая называется Звериноголовским трктом, на сороковом километре от Кургана стоит теперь обелиск в память о первом трактористе Василии Уфимцеве, в память о о далеком, трудном, но героическом времени.

Если тебе, молодой друг, будет путь по этому тракту, остановись у обелиска. Сними, товарищ, шапку!

// Советское Зауралье. – 1968. – 14 ноя. – №265. – С.4.

И к ним прилетят соловьи...

Зима. Морозы небывалые, а думается о весне, о лете, о красоте наших сел и деревень. Новые дома, улицы из новых домов. Новые школы, клубы, дворцы культуры. Хорошеют деревни! Но во сто раз они красивее, когда озеленены улицы, на площадях разбиты скверы.

Весна - время посадок деревьев, цветов. Не упустить бы драгоценного времени! Посадочный материал под рукой - за околицей, за рекой.

Вот что есть уже в нашем селе и что надо умножить.

Черемуха

Прежде всех деревьев распускается она и цветет. У нас в селе два черемуховых сада. Один возле дома Ивана Кулагина, другой на южной окраине села - Завьяловский сад.

Черемуха - веселое дерево. Когда покроется оно пахучими белыми цветами, невозможно скрыть, глядя на него, радостного чувства, удержать улыбки...

Зацвела черемуха - значит, весна вошла в силу. Поселилась в черемухе маленькая серенькая птичка - наш сибирский соловей, и всю ночь дарит людям свои трели.

Осыпались цветы черемухи — появились ягоды. А когда они созрели, ими лакомятся ребяташки, женщины делают из них сладкую начинку для пирогов.

Лилии и ландыши

Настасья Дмитриевна Родионова принесла из леса лилии и ландыши, посадила их возле своих окон. Сначала зацвели ландыши. Открыла Настасья Дмитриевна окно - не налюбуется ими! Лилии - у нас их называют саранками - цветут чуть позднее. Лилия — растение высокое, цветы бледно-розовые или фиолетовые.

Настасья Дмитриевна говорит, что и подснежники будут прекрасно расти в палисаднике, и незабудки. Надо только не лениться сходить за ними до ближнего леса!

Калина

Весь палисадник у дома Василия Нетунаева занят калиной. Как это раньше мы не замечали, что калина такой красивый кустарник! Цветет калина в начале лета. Цветы как изящное кружево, а куст как девушка в белом кружевном платье.

Кто идет по деревне, всяк остановится около палисадника с калиной.

Сколько песен сложено про калинушку... Пожалуй, надо и себе в палисадник принести из леса кустик калины.

Ирисы

Желтых и сиреневых ирисов на лугу целые заросли. Как-то в середине лета Марина Степановна Луканина, возвращаясь с покоса, принесла домой

кустик желтого ириса. Посадила кустик в палисадник, хорошо полила, и кустик взялся.

Сейчас ирисы разрослись. Листья мощные, у цветов высокие цветоножки. Ничуть не хуже полевые ирисы садового низкорослого ириса-касатика!

Березонька белая

«Радуйся, березка, мы к тебе идем, про тебя поем!», - говорится в старинной девичьей песне. Сейчас эта песня забылась, но праздник березки молодежь справляет каждую весну.

Только по какому-то нелепому предрассудку избегали деревенские люди садить березы возле своих домов. Школьники под руководством своего учителя С. С. Иванова два года назад проложили аллею берез на школьном дворе. Растут юные кудрявые березки, и видятся они мне красавицами белоствольными березами.

// Советское Зауралье. – 1969. – 4 марта. – № . – С.4.

Виток родной земли

Письма от Анисьи Петровны С. к Константину Дмитриевичу М.

Письмо первое

20 июня 1968 года,
село Утятское.

Друг мой, Костя!

Охотно отвечу на все твои вопросы. Только в одном письме это сделать невозможно.

Сначала о березовой роще. Я часто в ней бываю. Там хорошо думается. Из глубины памяти всплывают картины прожитого, и будущее видится будто яснее...

Мы стариками стали, друг мой. Хотя стариком тебя не могу представить - ты все видишься мне юным, безусым, таким, каким ты оставил родное село.

Тех берез, под которыми мы, молодежь, давали клятву верности идеям Ленина, уже нет. Помншь... Впрочем, невозможно забыть! Мы возвращаемся с партийного собрания. Идем молча. Каждый имеет дело с собственной совестью.

- Товарищи, - вдруг остановил нас- Иван Вавилов, когда проходили мимо рощи. Пусть эти березы, это небо, что над нами, будут вечными свидетелями нашей клятвы: никогда не отступим от дела, на которое зовут нас Ленин и партия!

Мы крепко взяли за руки. В годы Отечественной войны роща была вырублена женщинами-солдатками. Сегодня она вся из молодняка, поднялась заново. Деревья взошли тесно, и от этого много тени. А трава, как и прежде, пестреет колокольчиками, лесной гвоздикой, незабудками.

Бегут от рощи дороги во все стороны света белого. По этим дорогам куда только не ушли, не уехали наши односельчане! Ты живешь в Архангельске. Этот древний город стал для тебя второй родиной. Но от него тянется невидимая ниточка к месту, где ты родился, где встретил юность. Так же, думаю, чувствуют это и те, что обосновались на жительство еще где-то. И так же чувствуем мы за тех сто сорок человек, которые в годы великой войны навсегда остались у «незнакомого поселка».

Мы, привязчие к родному витку земли, видим Родину всю от края до края в ее необъятных просторах. И нет для нас милее и дороже ничего на свете!

Впрочем, прощай. До слеующего письма.

Письмо второе

25 июля 1968 года.
село Утятское.

Ты, вероятно, не знаешь, что шесть деревень, расположенных по обоим берегам Тобола, объединил наш колхоз «Россия». Таким именем называется вся наша Родина. Такое имя дали мы и своему колхозу, вкладывая в это глубокий смысл.

Деревня Нагорская оказалась в середине и стала центральной усадьбой. Разрастается Нагорская и вширь, и вдаль, а такая деревня, как Вавилкова, доживает последние дни – в ней осталось уже несколько дворов. переселились люди ближе к центру.

Около Нагорской сосредоточено стальное хозяйство колхоза: тракторы, автомобили, комбайны и прочие машины. Какая могучая силища! Весенний сев нынче был закончен букаально в несколько дней!

На линейке готовности выстроены комбайны. Придирчиво осматривает их еще и еще раз и инженер, Тебайкин, постукивает молоточком по механизмам. Богатый, зреющий урожай собираются убрать за десять-двадцать дней. Приходится что-то чуть больше трехсот гектаров на машину.

- Еще бы добавить нам комбайна три-четыре. — говорит.

А помнишь, прежняя деревенская страда? Запомнилась она навек в такой картине:

Тетка Степанида не успела до рассвета испечь хлебы. То ли дрова в печи долго горели, то ли квашня долго кисла, а может, ребяенок, плохо ночь спавший, угомонился только перед рассветом, и тетка Степанида вздремнула тут лишнее.

Муж Степаниды Миней - чистый кипяток: запряг лошадь и уехал на пашню один. Не терпелось! Пшеница наспела, успевай, хватай-имай!

Захватил Миней на поле двойную постать, за себя и за жену. Жнет, не разгибая спины, успевает, пока не сильно жарко.

А вот и Степанидушка идет. К загорбку детская люлька привязана, на руках ребенка тащит. Сама небольшая, худенькая, а шагает проворно. Место неблизкое — от дому до пашни верст пять-шесть!

Повесила люльку на березовый сук, уклала ребенка, сама на постать в ряд с мужем. Дрожат у Степаниды ноги от усталости, заливает пот глаза, в ушах сплошной трезвон.

- Бери постать неширокую, - распоряжается Миней. - В снопы горсти сам свяжу...

Хоть и крутой характером Миней, а жалостлив. Спасибо и за это ему.

В люльке заплакал ребенок: может, овод укусил или что попритчилось. Не слышит Степанида. а Миней учуял:

- Иди к дитю... Сделай какой-нибудь положок на люльку, чтоб мошкара туда не залетала...

Бегом бежит к ребенку Степанида, на бегу развязывает холщовую юбку: на положок подойдет как раз...

Что осталось от той ограды деревенской? Одно название да серп Степаниды, который хранится в нашем колхозном музее.

Письмо третье

15 сентября 1965 года,
село Утятское.

Дорогой друг, ты просишь описать подробнее наше Утятское и свою личную. то есть мою, судьбу. Моя судьба такая же, как и у всех моих сверст-

ниц! Вышла на пенсию, нянчу внуков, нахожу время и для общественной работы. Записалась опять в политшколу - с октября начнутся занятия. Будем изучать труды Ленина.

Мой муж, Иван Гаврилович, не вернулся с войны. Одна растила ребятишек, теперь уже взрослые. Всякую работу испытала: пахала и боронила, косила косой и жала серпом, доила и пасла коров, училась, заочно окончила техникум, заведовала сельским клубом. Всего не перечислишь!

Утятское наше стало чем-то вроде детского села: все детские учреждения сосредоточены в нем - здесь детский санаторий, восьмилетняя школа, детский интернат, детский садик, ясли. Хороший у нас клуб, есть библиотека и краеведческий музей. Озеленяем свое село, а главные застрельщики в этом деле у нас Степан Иванов и Александр Сартаков.

Ну, а какая хорошая природа у нас, ты помнишь. Особенно красиво весной, когда черемуха в цвету, а в кустах высвистывают разные пичужки.

Поправляй здоровье и приезжай. Сам посмотри на все. До свидания.

Письмо четвертое

10 января 1969 года,
село Утятское.

Вот гляжу я, Костя, на свою деревенскую молодежь и люблюсь ею: рослые, статные, что парни, что девушки! А как одеваются - добротно, красиво!

Председателем колхоза у нас Анатолий Иванович Церенщников. Тоже из мотодых, наш, доморощенный. Высшее образование имеет. Как-то считала и насчитала, что с высшим образованием у нас в колхозе специалистов человек двадцать.

Дело прошлое... Сомневались мы, когда ставили Анатолия Церенщикова на председательский пост — уж очень добросердечен, не повредило бы это делу. Зря сомневались. Доброта и сердечность дорого людьми ценятся, они на все отвечают тем же.

Ценит Анатолий Иванович нашу сестру - доверяет женщинам ответственные работы. Не побоялся председатель на пост главного бухгалтера поставить Вассу Ивановну Девятову, на рукоаседство животноводством Валентину Ивановну Решетникову. Да мало ли женщин у нас в колхозе на ответственных работах!

Вся страна готовится встретить столетие со дня рождения Ленина. В нашем колхозе нет человека, который бы не взял на себя в честь этого юбилея определенное обязательство.

...Вечерней порой иду широкой улицей села. Догоняет стайка молодежи. Окружили, смеются, рассказывают про «чужачество» тетушки Анны Баклановой.

Заявила тетушка Анна, что будто в вашу деревню когда-то Ленин приезжал. И что по его совету стали в колхозы организовываться. А когда кто-то из парней попытается спорить с Анной, ногой топнула, - был у нас Ленин - и все тут! «Как живого вижу его я сейчас», - прослезилась.

- Что с ней, с теткой Анной? - спрашивают меня.

Понимать, видимо, правильно надо тетушку Анну: Ленин и сейчас с нами!

// Советское Зауралье. – 1969. – 12 марта. – С.4.

Подвиг Андрея Майкова

Андрей Александрович Майков в 1916 году вернулся с войны в свое родное село Утятское инвалидом. За ратные подвиги он был награжден несколькими георгиевскими крестами. Когда начались революционные события, богачи рассчитывали иметь в лице Майкова свою опору. Но ошиблись.

Бедняк крестьянин, инвалид войны, георгиевский кавалер, Майков был всей душой за Советскую власть. Он уничтожил списки большевиков, которые богатеи поручали ему доставить в штаб белогвардейской разведки.

Когда фронт приблизился к селу, Андрей Александрович ушел к красным, указал место на реке, где, всего удобнее строить мосты для переправы, и сам лично вместе с красными саперами под артиллерийским обстрелом возводил мост. По его совету была взорвана плотина около деревни Бараба, и это облегчило переправу через Тобол.

В 1920 году Андрей Майков вступил в партию коммунистов и до конца дней своих (умер он в 1944 году) был верным сыном нашей социалистической Родины.

Смерть Григория Воденникова

Чтобы не попадаться белогвардейцам на глаза, крестьянин Воденников не выезжал с пашни. Однажды к нему подъехали три всадника, с красными бантами на гимнастерках.

- Мы - разведчики красных, - сказали они. - Где найти брод через реку?

Григорий поверил и очень обрадовался, заспешил показать брод. Переодевшиеся колчаковцы схватили Воденникова и подвергли жесточайшим истязаниям - вырвали ему бороду, отрубили ухо, оторвали нос и таким веди по селу

Утятскому. За Тоболом, около элеватора они продолжали издеваться над крестьянином.

На том месте, где до смерти был замучен Григорий Алексеевич Воденников, сейчас стоит памятник.

// Притоболье. – 1968. – 19 июля. - №86. – С. 2.



(Фото 24): Введенников и Утятское XVIII (снимок алтара)

Могила Г. Введенникова, с. Утятское



Формирование пути от системы "Медиа", обнаружены в скрестных в Мухоме, местностях в Тельмана. (снимки из личной коллекции Усачева Е. и Васильева В.)

(Фото 25): братская могила красноармейцев у д.Нагорское.

Братская могила красноармейцев у деревни Нагорское

Мельник и учительница

Новелла-быль

Ирина хорошо помнила, что где-то здесь, в полкилометре от села, стояла ветряная мельница. Ее видно было издалека. Она маячила единственным уцелевшим крылом, как подбитая большая птица.

Последний раз Ирина была возле мельницы год назад. Дул сильный южный ветер, и серая, нахохлившаяся, бревенчатая мельница скрипела, вздрагивала, как бы жалуясь на судьбу. Ирина приезжала тогда по поручению общества охраны памятников истории и культуры, чтоб взять мельницу-ветряк под опеку, как единственную во всем Притоболье. Она не застала тогда председателя сельского Совета, не оформила дела, а теперь вот мельницы и след простыл...

Ирина не знала, как ей поступить: заходить ли в село, разыскать председателя, высказать ему свое 'неудовольствие, или пойти на дорогу и уехать обратно. И все же пошла по направлению к селу.

Шаловливый ветер толкал ее в спину, ерошил короткие волосы, пел в уши: «Сколько вас, историков, расплодилось... Витаете в облаках, а родной край плохо знаете, не храните его историю...».

На краю деревни в просторном амбаре тарахтел мотор. Двое мужчин, молодой и старик, грузили мешки с мукой на подводу. Ирина подошла к ним.

- А где же мельница с одним крылом, что стояла на пригорке? - обратилась она к молодому.

Тот взобрался на воз, подобрал вожжи и нехотя ответил:

- Та мельница на дрова пошла, а мельник вот он, перед вами, Николай Иванович...

Он кивнул на старика, тронул лошадь, и та натужно потянула воз.

Старик-мельник смотрел на Ирину щелочками пронзительных глаз.

- Мельницей интересуетесь? Вот этот амбар и есть наша мельница. Той, крылатой, уже нет... И ветру мы бессрочный отдых дали. Бездельничает теперь и гляди, как озорует...

Ветер словно подслушал хулу о себе, собрал с дороги пыль и бросил ее в лица мельника и девушки.

- Идите сюда, в затишок, - позвал старик. - Расскажу вам о мельницах. Я рожден, видно, мельником, всю жизнь с ними провел, а теперь как-никак мне уж за семьдесят перевалило.

Удобно усевшись за амбаром на бревно, старик неторопливо начал:

- Наша деревня Крутиха недаром так названа. Когда-то вокруг ее целая рать мельниц крутила крыльями. Работали мельницы не только на свое село, ко обслуживали и соседей. На моей памяти смертельный удар нашим мельницам нанесла женщина, по прозвищу Тушиха: Перегородила Тушиха плотиной Тобол, чуть ниже деревни Барабы. Построила водяную мельницу, установила на ней вальцы и пошла зерно перемалывать в сеянку, на простой размол - кому, как взлюбится...

Как сейчас вижу эту Тушиху. Орел баба, невысокая, плотная, из себя красавица.

Был при Тушихе муж, держала его она в закутке, у пошла из спиртного. Так он и залился. Делом управляла сама с помощью засыпки Гришки. Из плутов плут был этот Гришка, кого угодно вокруг пальца обведет...

Как-то наш поп, отец Василий, решил в плутовстве Гришку уличить. Привез на мельницу сам воз зерна. Дело было теплой августовской ночью. Стаскали мешки на мельницу. Поп и решил доглядеть, не подсунул ли ему Гришка худое зерно заместо доброго. Пробирается в темноте по жердяному мостику на мельницу. Только дошел до середины, как нечистая сила его за рясу уцепила и поволокла прямо в воду. Поп молитвы читает, упирается, что есть силы, а нечистый волокет. «Сгинь, сгинь, сатана...» - хрипит поп и только когда по-петушиному закукарекал, отпустил его... Гришка.

Большие доходы от мельницы получала Тушиха. В весеннее половодье, когда зачнет буйствовать Тобол, сзывала из окрестных деревень мужиков спасать мельницу и плотину. За работу бочку сивухи - и в расчете.

Мельник помолчал и начал снова:

- А на нашего председателя Ивана Степановича не серчайте. Мельница, которую ищите, изжила свое. И вообще старинные ветряки да и водяные по картинкам будете ребятишкам показывать... Вы учительница? — Ирина кивнула головой. — Служила долго нам эта последняя мельница. Особенно пригодилась в Отечественную войну. Наши люди тогда ручными жерновами не пользовались, как в других прочих деревнях...

Хороший жернов был у мельницы, я сберег его, работает и сейчас вот здесь, в амбаре. Размалывает зерно и отходы для животных... Как звать-то вас, девушка?

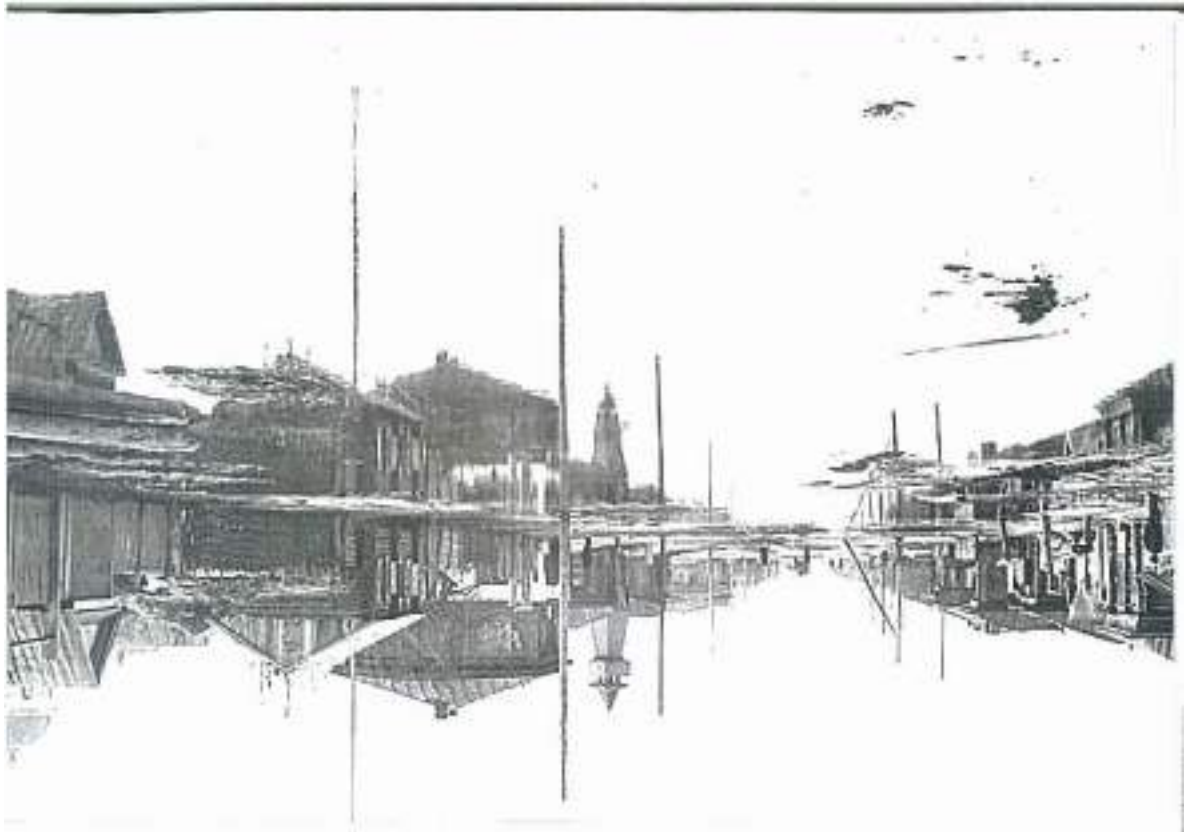
- Ирина.

- По-нашему Орина, значит. Хорошее имя. Так вот, Оринушка, полюбопытствуйте. В любом, колхозе или совхозе сейчас действуют зернодробилки. Для скота зерно дробят. Портят добро только. Посыплют дробленкой грубый корм, провалится он на дно кормушки, растеряется. Коровушка ловит его на дне кормушки, а сено и солому не ест. Другое дело, когда грубый корм мучицей сдобришь - подчистую, съест. Полюбопытствуйте, отчего на нашей ферме самые высокие надои, а скот на мясо идет первым сортом?.. Наш бригадир это понимает: «Спасибо, говорит, тебе, Николай Иванович, за мельницу. Опять мы по надою молока на первом месте в районе». А я радуюсь - не без пользы живет моя мельница!

Ирина поднялась с места.

- И от меня спасибо вам, Николай Иванович, за ваш труд и за рассказ. Будьте здоровы!

Ирина пожалала мельнику его заскорузлую руку и пошла к дороге. Старик смотрел ей вслед. Мотор в амбаре стучал; жернов - живое сердце старой ветряной мельницы - работал исправно.



с. Утятское, 1950-е гг.

Крамольная панихида

Анатолий Алексеевич Умов - ветеринарный врач, всю жизнь проработал в Зауралье. Большой знаток истории родного края, он часто оказывал нам, сельским учителям, неоценимую помощь в работе со школьниками по вопросам, краеведения.

Сейчас Анатолий Алексеевич на пенсии.

Как-то зашла навестить его. Вот какой он рассказал, на мой взгляд, интересный случай.

- В молодости я был учителем в казачьей станице - ныне село Звериноголовское. Мы, молодые, учителя, зачитывались произведениями Льва Толстого, возмущались гонениями, обрушившимися на него со стороны церковников. Даже местный молодой священник Василий Бирюков полностью разделял наши взгляды.

Как известно, в 1910 году Толстой умер и его похоронили без отпевания в церкви. И вот наш поп Бирюков решил поехать в Ясную, Поляку и отслужить на могиле писателя панихиду и тем самым, как говорил, он, поставить «дулю» святейшему синоду, предавшему гордость - русской земли — Льва Толстого «анафеме».

Так и сделал.

Попа ловили жандармы, но он благополучно ушел от них.

В московской газете рассказывалось об этом «возмутительном» случае, а мы от души радовались поступку Бирюкова.

Заветный поясок

Престарелая женщина подарила нашему сельскому музею гарусный домотканый пояс.

- Он у меня заветный был. Вот, вам теперь дарю...

Сказала, поклонилась и ушла.

- Как хороша эта восьмидесятилетняя женщина! - подумалось. - Какая осанка, правильные тонкие черты лица... Какой же красавицей она должна была быть в молодости!

На столе лежал поясок. Мы стали рассматривать его узор. Исполнен в трех красках - синей, красной и зеленой. По нашим предположениям, он выткан был этой женщиной (тогда девушкой) шестьдесят с лишним лет назад. И удивительно, - краски не потухли! Читаем слова, вытканые посередине пояса: «Достойного люблю, ему дарю».

Много было женихов у нашей посетительницы в молодости, но достойного она не нашла: прожила всю жизнь одна. А теперь этот поясок достался нашему музею.

Мика

Деревенский этюд

Резвая, неопределенной масти лошадка шла играючи, то мелкой рысью, то шажком. Она чувствовала настроение хозяина Ивана Корнеевича, колхозного бригадира. А он, опустив вожжи, наслаждался покоем и тишиной, царившими в этот час в природе.

Стояли погожие дни «бабьего лета». Сегодня за обедом на полевом стане, смеясь и шутя, было высказано единое мнение, что женщины перехитрили мужчин, присвоив свое имя самой лучшей поре года.

Извиваясь, дорожка бежала мимо иссиня-темного бора, окаймленного золотом березового подлеска. Впереди - необъятный простор речной поймы. В воздухе ни пылинки, ни паутинки, лишь у края на чистом огромном небе висел раскаленный диск заходящего солнца.

Подъезжая к деревне, Иван Корнеевич еще издали заметил ребятишек вокруг вросшей в землю избы, одиноко стоявшей у берега речки.

«И что им далась эта изба? Больше места не находят для игр, - подумал бригадир. - Сломать надо - ни к чему она тут!».

- Иван Корнеич, - закричали ребятишки, едва он поравнялся с избой. - Мика опять сбежал... Печку в избе разворачивает...

Бригадир остановил лошадь, и ребятишки облепили дрожки.

- Мика на нас махался, - сообщил самый маленький парнишка.

- Да ведь вы, как осенние мухи, небось замахнешься...

Мика...

Так зовут в деревне восьмидесятилетнего глухо и немного колхозника Михаила Предеина. Когда-то он обладал огромной силой. Был высок, широкоплеч, хорошо сложен, рус волосом и даже лицом красив, если бы несчастье не наложило особый на него отпечаток, какой накладывает оно на всех глухонемых. Он не знал усталости, работал много, легко и красиво. Любо было, глядеть, когда он шел впереди бригады косарей, либо лес с корня валил, или пашню пахал. Никто не мог сравниться с ним.

Михаило не был женат, жил бобылем в избе, доставшейся ему от отца. В ранней молодости он самозабвенно любил подружку детских лет Мотьку, но девушка досталась другому. Михайло с утратой внешне смирился. Больше он никогда не проявлял желаний обзавестись семьей, и когда ему намекали об этом, решительно отказывался. Но семье Матрены был предан до конца, а когда ее не стало на свете, с такой же преданностью относился к ее дочери, вдове Марье Мельниковой, оказывая ей бескорыстную помощь по хозяйству.

Неизбежная старость пришла и к Михайлу.

Трудно человеку, если он один. Колхоз назначил Михайлу Предеину пенсию, да не в пенсии все дело! Это видели и понимали все. Решили определить его в дом престарелых, благо это заведение находится всего в пятнадцати километрах от деревни.

Сговорился Мика переселиться на новое местожительство, а через две недели ушел отсюда в свою избу.

Жестами, знаками объяснял Мика, что тоскливо там, дела никакого нет, а самое плохое - бороду предложили остричь. Вместо обычных шаровар и рубахи с пояском дали какое-то одеяние, как мешок.

Запряг лошадь Иван Корнеевич, посадил с собой Мику, и поехали с ним в Ипатовку - так называется место, где расположен дом для престарелых.

- Курорт, настоящий курорт, - рассказывал Иван Корнеевич, побывав в Ипатовке. - Я бы не прочь пожить там, отдохнуть! Спальни светлые, постели чистые. Греются старички на солнышке, кто книжку читает, кто просто отдыхает. Я и пообедал в столовой вместе с Михаилом Елизаровичем. Хороший, добрый обед. Договорился с администратором, чтоб разрешили нашему деду вместо пижамы шаровары и рубаху носить и чтоб до его бороды никакого касательства. Будет наш Мика подметать и расчищать дорожки на усадьбе. Словом, устроил старика; как нельзя лучше...

...Вот тебе и устроил! Он опять явился. Не хочет, видно, спать лежа, желает спать стоя.

А Мика крушил свое старое гнездо. Выворачивал опечки, лавки. Из-под пола выкатил старую кадку. Все это он вытащил на улицу. Долго стоял, покачиваясь от усталости из стороны в сторону, потом взвалил крашеную полатницу, себе на плечи и понес вдоль деревни.

Солнце совсем спустилось за горизонт. Ожила дремавшая день деревня. Затарахтели мотоциклы - вторая смена механизаторов направлялась в поле для ночной работы. Иван Корнеевич пришел на бригадный двор, чтоб встретиться с плотниками, пастухами, конюхом, которые в эти вечерние часы заходили на полевой стан, а чуть позднее и самому отправиться на пашню, где идет круглосуточная работа.

Во двор заехал на мотоцикле комбайнер Андрей Прохоров.

- Что это, Иван Корнеевич, Мика все свое приданое перетаскал во двор Марье Мельниковой. Уж не на жительство ли туда переходит? Устроить бы его дома, в своей деревне. Жалко старика. И как-то без него не то, - чего-то не хватает...

Вбежали во двор вездесущие мальчишки...

- Дедушка Мика пошел в свою Ипатовку. Честное слово! Бот он, за огорода уже вышел, - взобравшись на прясло, орали ребяташки.

А Мика поднялся уже на пригорок. Снял с ног ботинки, связал шнурками, перебросил через плечо, еще раз оглянулся на деревню и, сгорбившись, зашагал вдаль.

- Матвей! - позвал конюха бригадир. - Запряги мою лошадь, догони Мику и доставь его до места: уважить надо старика. На пашню я с тобой, Андрюха, уеду. А в Ипатовке мы побываем еще не раз, не оставим старика без внимания.

У Ивана Корнеевича почему-то вдруг задрожал - подбородок, и он отвернулся, будто бы на него напал, кашель.

После свадьбы

Анфиса Мурашова сына женит. Недавно вернулся парень из армии, дождалась!

Четыре конные пары изукрашены лентами, расшитыми полотенцами. Два верховых дружка гарцуют вокруг свадебного поезда, шутками-прибаутками со встречными-поперечными перекидываются.

Нынешняя зима шибко на свадьбы урожайна. Ивану Корнеевичу, колхозному бригадиру, беда: надо подобрать для свадебного поезда лошадей, да все одной масти. Сбруя тоже нужна соответствующая: дуги с колокольцами, шлеи с шоркунцами. Хоть разорвись!

- Берите хоть автобус, хоть легковую машину! - предлагает бригадир. - Чем хуже?

- Нет уж, Корнеич, уважь! Желательнее конный поезд!

Ушел поезд за невестой. У женихова двора толпа. Ворота - настезь, улица веревкой перетянута, на ней розовый букетик трепещется: сумей-ка, жених, когда поезд помчится под веревкой; сорвать этот букетик, покажи перед всем честным народом свою удаль!

Мчится свадебный поезд. У пристяжных головы до земли, снег из под копыт во все стороны! Грянули встречающие песню:

- Ах, кони бегут,

Все счерна, сворона...

Все кони рядом,

Сашин конь передом...

Вышла Анфиса на крыльцо. На блюде в руках пышный каравай, хлеба. Целуют молодые, хлеб, троекратно целует их мать. Не может сдержать слез радости, брызнули они на хлеб, сыну и снохе на свадебные наряды... Давно за сорок Анфисе Сергеевне, а выглядит, еще молодо, самое хоть замуж отдай: стройная, проворная, вся какая-то легкая.

Богатую свадьбу справила Анфиса Мурашова единственному сыну. Пока служил в армии, берегла копеечку. Купила сыну пальто хорошее, костюм и все прочее, что требуется молодому парню-жениху. Обстановку новую в доме завела, повыбрасывала лишние полки-лавки. Надо бы домишко перестроить, да маленько сил не хватило. На руках у Анфисы еще двое: старая мать и золовка, покойного мужа сестра. Обе они не работницы, не помощницы. А сын в письмах писал: «За перестройку дома не берись, береги себя. Приду из армии, тогда этим делом займемся».

Свадебный пир в разгаре. Гремит радиола, ее сменяет магнитофон. Танцуют, веселятся гости, кричат «горько». Сколько красивых девчат, парней! Но красивее всех ее Саша и невеста его Ирочка, фельдшерица из больницы. Поблескивают на их пальцах обручальные кольца.

Перевела Анфиса взгляд на свой старый перстенок, вспомнилась своя свадьба в этой же горнице. Ох, не зря сказано: «Заветный перстенок и поношенным хорош, взглянешь на него - встрепенется сердце...».

С вечера гоняет ветер снег перекатами. Не спится Анфисе, прислушивается к завываниям ветра. Вспоминается все до мелочей: и то, как сына ждала, как встречала, как свадьбу справляла...

На третий день после того подошел сын и как-то виновато начал:

- Не обижайся, мама. Ира не хочет жить в нашем доме. Тесно у нас, душно, две больные старухи... А у нее хорошая квартира, она хочет туда. Не могу же я... Ну, пойми, мама...

И Александр с женой ушли.

Конечно, Ира права - тесно в доме, воздуха мало. Но ведь она знала, видела! Как же так? Ведь только бы до весны дожить, перестроили бы дом... Анфиса то оправдывает сына и сноху, то обвиняет. Все одна, все одна со всеми заботами!..

Мимо окон прошел с песней пьяный сосед. «То не ветер ветку клонит.., - тянет, - то мое сердечко ноет...».

Анфиса дает волю слезам, потом забывается во сне.

В полночь разразилась бешеная буря. Старый дом вздрагивал, оборвавшийся ставень бил в раму.

- Анфисушка, - взмолилась с печки мать, - сходи на улицу, закрепи ставень, вылетит рама... Ох, господи, матушка-заступница!..

Анфисе бы поглубже зарыться в постель, но кто кроме нее пойдет в такую непогоду на улицу? Встала, накинула шаль, полушубок. Сняла двери с крючка, - ветер вырвал из рук. Увязая до пояса в снегу, закрепила ставень, вернулась в дом. Стоит ли ложиться, скоро уже и на работу!

- Холодно, Анфисушка, выдуло избу, - ежится на кровати золовка.

- Сейчас затоплю печь. Завтрак вам сготовлю, - набрасывает; на золовку свое одеяло Анфиса.

Пробиралась к ферме в снежной кутерьме. Деревня еще спала, избы, прижавшись к земле, будто ждали конца вьюги. Лишь в некоторых домах тускло горел огонь, и ярче всех светилось окно, сына и снохи.

«Уж встали. Сашеньке-то рано надо на работу... Дети мои милые! И что я убивалась сегодня ночь? Зря же. Вот ведь где живут, почти рядом! Не буду больше так... Пусть живут, как лучше им!».

Свернула в проулок - навстречу какой-то человек. Узнала: Иван Корнеевич, бригадир. Уже на ферме побывал, проверил, все ли в порядке.

- Доброго здоровья, Анфиса Сергеевна.

- Доброго здоровья, Иван Корнеевич. Там уж, наверное, все собрались, а я только плетусь... Буря-то, буря была какая! Утихает, будто...

- Первая идешь, Анфиса. Сергеевна. Зато раньше всех; справишься. А буря стихает. Снегу сколько добавилось! Снег - добро. Много снегу - много добра. В жизни все так: нет худа без добра.

// Советское Зауралье. – 1970. – 30 янв. – №24. – С.4.

Долг памяти

о сельских учителях в годы Великий Овечеплекнай войны мне хочется вспомнить в этих коротких записках.

Музейная реликвия

Варфоломей Иванович, почтальон, обычно заглядывал в учительскую в начале дня. Ждали его всегда с нетерпением. На этот раз он пришел в необычное время, к концу уроков, когда младшие школьники уже были ратушены.

- Приветствую вас дорогие, и поздравляю! - торжественно произнес он и даже руку к сердцу приложил. - Получите правительственную телеграмму! - Учителя, кто сидел – повскакивали, все окружили старика. Вскрыли телеграмму, прочитали:

«Верховное командование передает от имени Красной Армии учителям и учащимся Утятской школы, собравшим средства на строительство танков, благодарность, пожелание здоровья, успехов учении и общественной работы.

Весть о телеграмме облетела село мгновенно. Вот уж истинно добрые вести не лежат на месте! В школу потянулись люди, чтоб взглянуть на нее, поддержать, может быть, в руках. Ведь она касается всех: в этих собранных двадцати тысячах рублей - доля многих!

Для общего обозрения телеграмму поместили на самое видное место, рядом с фотографией солдат-односельчан, сражавшихся на фронтах. Тут же письма солдат школьникам. А вот и траурные рамки, в них - фотографии учителей школы Федора Степановича Потанина и Анатолия Петровича Макарова, сложивших головы на поле брани.

Стенд, рассказывающий о фронтовиках, - святая святых школьников. Здесь дети и взрослые говорят полушепотом. Здесь мгновенно обрывается смех. Здесь школьники в торжественной тишине выстраиваются в линейку, чтоб послушать последние известия с фронтов, принимают решения о патриотических делах в помощь фронту.

Пожелтела от времени правительственная телеграмма - гордость Утятской школы, драгоценной реликвией хранится она сейчас в сельском краеведческом музее.

Пополнение

Уж много дней живет в городе, в привокзальной школе, вместе с эвакуированными из Ленинграда ребятами учительница Анна Григорьевна Девятова. Ей поручено доставить детей в нашу деревню.

Морозы стоят - дух захватывает! Поземка перемела все дороги. А ждать больше нет сил. Заполучила учительница большой автобус, усадила ребят, прикрыла их одеялами...

- Ну, трогайте! - дает распоряжение шоферу. Ребятишки, как кутята, съезились, прижавшись друг к другу. А Анна Григорьевна и не присела - стоит на приступке, чтоб ей лучше видно было всех. Переложил шофер лопату поближе, уверен в том, что придется в пути машину откапывать от снега.

Долго в автобусе стояла тишина. Наконец, мальчик не больше, как пятиклассник, с глазами черными, как угли нарушил ее:

- Тетя, а куда вы нас везете?
- К себе, в колхоз...
- Вы председательница колхоза?

Анна Григорьевна не ответила, не расслышала вопроса.

- А что мы будем делать у вас в колхозе?
- Учиться будете.
- Нет, тетя наша школа осталась в Ленинграде. Мы просто проживем у вас пока. У вас ссгь манная каша? Я так люблю манную кашу!
- Перетань, Ким! - возмутился другой мальчик. – И так есть без ума хочется.

Благополучно привезла Анна Григорьевна восемьдесят ребят в нашу школу. Вот это пополнение! Добрую память о себе оставили ленинградские дети: все учились хорошо, дружили с местными ребятами.

Песнь величальная

Конец войны уже виден. 1944 год. Страна напрягала все силы, чтобы приблизить его. и вот в эти напряженные дни группа учителей Курганской области за заслуги в воспитании подрастающего поколения были награждены правительственными наградами.

После торжественной части в областном театре (теперь областная филармония) награжденные собрались в облоно: там для нас был приготовлен ужин. Мне довелось сидеть рядом со старым учителем, который назвал себя Федором Кузьмичем. На лацкане пиджака его поблескивал орден трудового Красного Знамени.

- Знаете, - говорил он мне, - я привез с собой скрипку. Мне хотелось там, в театре сыграть «Мелодию» Чайковского... Именно эта музыка последние дни все время звучит во мне. Но как-то не решился...

Провозглашались тосты за победу, за здоровье воинов, за дело просвещения. Поднялся и Федор Кузьмич:

- Разрешите и мне произнести тост. Я лучше спою. - И он запел:
Спасибо партии, великой партии
За то, что так светла у нас судьба.

Голос у его был юношески свеж и гибок. Все слушали с большим волнением, наградили горячими рукоплесканиями.

Заслуженного учителя республики Федора Кузьмича Железова уже нет в живых. По желанию граждан села, в котором он проработал всю свою жизнь, схоронили его возле школы, в саду, который им выращен. Завидная благодарность!

Пышно разросся сад в Чумляке. Склонили деревья свои ветки над могилой учителя. И чудится мне в их шепоте любимая им «Мелодия», которую он так тогда нам и не исполнил на своей скрипке.

В то светлое утро

Перед рассветом прошел дождь - по-весеннему резвый, торопливый. Умылись, деревья, дома, земля. Взошло солнце, и все кругом радостно заблестело.

Моя сослуживица по школе подруга Анна Тимофеевна чуть свет в чрезвычайном возбуждении прибежала ко мне:

- Скорее, скорее! Пойдемте на площадь. Там уже народ. Победа! Конец войне!

Я и тогда восхищалась энергией и мужеством этой на вид хрупкой женщины. Как глубоко в себе она прятала от всех свои личные боли! А боли те были невыносимы. Два извещения о гибели на войне самых близких, самых ей дорогих - брата и мужа - получила она...

Великолепная учительница, она за годы войны отлично научилась справляться с крестьянской работой, напрягать и управлять лошадьми, валить с корня лес, помогать колхозницам заготавливать сено, убирать хлеб. Казалось, нет такой крестьянской работы, за которую она не взялась бы смело и охотно.

...Со всех сторон к центру села, к площади бежали женщины, ребятишки. Вдоль улицы шла группа женщин из соседней деревни с красным флагом. Их вела тетушка Кристина - депутат Совета. Женщины пели: «Смело, товарищи, в ногу...» Скоро площадь вся заполнилась людьми.

Все ждали, что митинг откроет Анна Тимофеевна: в те дни она выполняла обязанности председателя Совета (в порядке общественной нагрузки). Но Анна Тимофеевна будто приросла к земле, не в силах сдвинуться с места.

А с трибуны уже несло: «С победой, товарищи! Слава нашей армии! Слава и вечная память тем, кто сложил головы за нашу Родину!»...

- А мой-то Гришенька не придет!..- раздался вопль из толпы - не увижу я своего соколика-а...

Анна Тимофеевна пошатнулась и повалилась на чьи-то подхватившие ее руки.

Весеннее солнце щедро дарило свою благодарность всему живому, Только не в силах было оно, красное, осушить ни слёз невозвратных утратах, ни слез радостных надежд на будущее, без которых немислима жизнь.

// Советское Зауралье. – 1970. – 24 фев. – №45. – С.4.



Памятник павшим в Великой Отечественной войне, с. Утятское

Камышинские мужики

В полкилометре от села, за долгим осинником, начинается поле. Тут его ближний край, а дальний теряется где-то у горизонта, за колками-перелесками. Поле и село - одна у них история, едина судьба.

Полтора ста лет назад переселенцы основали село Камышное. Пришли издалека, от самого Чудского озера. Вел переселенцев тароватый мужичок, по имени Филипп Сидоров.

Остановились на взгорье бивуаком. Умаялись. Справа лес и степь, слева поблескивает Тобол. Пойменные озера. Простор!..

- Отсель никуда не пойдем, - сказали мужики. - Подсчитывай, Хвилипп, души, добивайся земельного надела.

Девяностолетний Илья Лукич любил рассказывать, молодым:

- Ен, бес, землемер, тяне мерную чепь вдаль, в дикую степу, а мужикам надо землю ближе получить. Отбрасывает Хвилипп чепь, ступав на ее ногой. И день и другой иде на поле борьба со змием, а на третий Хвилипп, тихонько плечом стал подталкивать землемера в нужную сторону. Угодил Хвилипп в острог! Пострадала за народ праведная душа.

Рассекли межи поле вдоль и поперек. У каждой семьи - свой клочок. На ошупь будто добрая земля, а неродимая. В лучшие годы с десятины двадцать-тридцать пудов. С межей, со степи лезут на посева сорняки, саранча-кобылка жрёт всходы, нет спасу! У старожил, у, нагорских и раскатихинских мужиков, урожаи выше, земля разработана.

Подсмеивались старожилы над нуждой камышинцев!

Илья Лукич продолжал рассказ.

- Стыд сказать, грех утаить, до женихов ходил я в холщевой рубахе, как в платье! Свататься поехал, дак сшили мне шаровары. Все лето босой, а чтоб не кололо ноги, смажешь ступни смолой, да дегтем...

- Что его, старое, вспоминать! - перебивал рассказчика кто-нибудь. - Думать надо, как добиться, чтоб урожаи получать хорошие, чтоб лучше, жить...

Обиделся Илья Лукич. Забыть прошлое человек не в силах. От самого себя нельзя отказаться.

- Весной восемнадцатого года готовились камышинны провести передел земли по справедливости, по закону, подписанному Лениным. Отныне за женщинами признано равноправие, земельный надел положен и им. Но белогвардейско-эсеровская заваруха помешала делу. И только когда все Притоболье было очищено от колчаковских банд, когда в Камышном образовалась партийная ячейка, а именно в 1920 году, было осуществлено это.

Невелика была первая партийная организация в Камышном, многих ее членов тех лет уж нет в живых. Но люди помнят и ценят их самоотверженную работу по переустройству всего уклада жизни.

К 1930 году земельный массив, принадлежащий селу Камышному, был поделен между двумя колхозами, образовавшимися в селе. Затарахтели на поле тракторы, но было их до обидного мало. Хуже, того, люди не умели ими

пользоваться, и тракторы больше стояли на приколе, чем работали. По-прежнему всё полевые работы выполнялись на лошадях, на быках, на коровах.

Сегодня село Камышное - четвертая бригада колхоза «Россия». Расширилось поле за счет распаханной целины, его площадь сейчас свыше трех тысяч гектаров.

Над полем, над селом, над Тоболом в эти дни голубое, высокое, весеннее небо. Плавают в небе легкие, как дымка, облака и тают. Еще не окончательно проснулось поле, но дух от земли волнует кровь, и ты полон ожидания радостных свершений.

Потомки пришельцев с Чудского озера - с того самого, в котором русские мужики когда-то топили немецких рыцарей-захватчиков, Отстояли, русскую, наций, ее складывающуюся государственность, - живут и здравствуют в Камышном. Живут Павловы да Ульяновы, Мартыновы, Тараковы, Трифионовы, Кирилловы да Петровы — люди могучие, с русским обликом, с русским характером. Лишь среди стариков сохранилась еще протяжная псковская речь с характерными словами: «ен, пришедши, ушедши, тягае, хвороба»... От молодых этих слов уже не услышишь.

Почти половина взрослого мужского населения Камышного — члены Коммунистической партии, точнее - 31 человек. Себя камышинские хлеборобы называют мужиками, и я, по их примеру здесь называю их так же. Только о тепершнем мужике не скажешь, что он «тележного скрипа боится», Мужик сегодняшний - человек бывалый, грамотный, думающий, много знающий.

Камышинской полеводческой бригаде присвоено звание «Бригада высокой культуры земледелия». В прошлом году она получила наивысший урожай в колхозе. Собрано было столько хлеба, сколько прежде собирали все четыре бригады колхоза вместе взятые. И это не с неба свалилось. Хлеборобы вместе и в одиночку глубоко постигают основы земледелия, изучают сложную сельскохозяйственную технику.

Старейший тракторист бригады Николай Иванович Павлов заведует машинно-тракторной мастерской колхоза. Под его руководством производится весь ремонт техники. Иван Степанович Павлов, занимаясь экономической наукой, стал главным экономистом колхоза, с его помощью бригада перешла на полный хозяйственный расчет.

Слава мастеров земледелия у трактористов Кириллова Андрея, Лукина Алексея, Ульянова Николая, Прокопьева Ивана и многих других. Как не сказать доброе слово и о бригадире Камышинской бригады Петре Ивановиче Тарасове, бывшем матросе, побывавшем в заграничных плаваниях? Но где бы он ни был, и что бы ни видел, любовь к родному селу, к земле, вскормившей его, неистребима.

С секретарем партийной организации Иваном Ивановичем Карповым мы прошли село из конца в конец, побывали, во многих домах. Много и охотно рассказывает Иван Иванович о делах совета бригады, о деятельности партийной организации, о том, как село отметило юбилей великого Ленина, круто повернувшего мужицкую жизнь.

Много новых светлых, просторных домов в Камышном. Крашенные палисадники, резные наличники, кружева, резьбы на воротах - все радует, веселит душу. Но среди красавцев новых домов нет-нет да и встретишь старую подслеповатую избенку, напоминающую о недавней бедности камышицев. И словно прочитав мою еще не высказанную мысль, Иван Карпов рассказал эпизод из своей жизни.

- Я танкист, воевать пришлось на земле праотцов на Смоленщине, Псковщине. В экипаже из пяти человек нас, камышинцев, было трое. Я был радистом-пулеметчиком, Виталий Никитин - наводчиком, Иван Тупикия - заряжающим. В одной жестокой схватке с врагом подорвался: танк, погибли товарищи, а я - надо ж было так случиться! Отделался легкими царапинами. И вот я дома. Сажу за столом в кругу родных и близких, сам себе не верю, что дома. Вдруг распахнулась дверь, избы, вошла мать Вани Тупикина. Я не успел подхватить, ее, она так и грохнулась на пол. Потом тихо вошла мать Виталия Никитина, и тихо так: «Ванюш, расскажи мне о Виталеньке... о его смертоньке...». С тех пор не покидает меня чувство будто бы вины перед матерями, перед памятью друзей, погибших на войне... Их нет, а я живу... Как жить-то надо, сколько сделать надо, чтобы оправдать свою жизнь!

Поле, безмежное поле, ухоженное с лета. Вот и опять настал час, идут к тебе хозяева, чтобы засеять отборным зерном. И ты взвеселишься богатым юбилейным урожаем, поле наше - судьба наша.

// Советское Зауралье. – 1970. – 2 мая. – №103. – С.4.

Три маленькие истории

Из записной книжки времен Великой Отечественной войны

Гривастый

Это солончаковое урочище – отличное пастбище для овец. Тетушка Феоктиста выводила на него отару рано утром, и овцы долго не хотели покидать его. Потом отара шла к водопою, к зарослям кустарника.

Феоктиста таскала с собой березовую палку с утолщенным концом для самообороны. Страсть сколько развелось волков в тот год!

Особенным нахальством отличался Гривастый - так назвала Феоктиста одного, «знакомого»: от головы по хребту темная шерсть у него стояла дыбом, похожая на гриву.

Шарахнуть бы по Гривастому из ружья, да нет ружья во всей деревне! Правда, у дедушки Захара есть старая-престарая берданка. Обещается наладить ее, да все не соберется.

Едва отара начала спускаться к водопою, как из кустов показалась волчья морда. Овцы кинулись в сторону, сгрудились. В два прыжка Гривастый подлетел к отаре и ухватил молодого барашка.

- Ату!.. Треклятый! - бросилась на волка Феоктиста и что было силы ударила его палкой по носу. Волк выпустил жертву, замотал башкой, ошетинился на Феоктисту. Но та, не давая ему опомниться, гвоздила и гвоздила его по морде, по башке.

Гривастый, щелкнув зубами, пустился наутек.

- Погоди, попадешься мне, фашист недобитый! - погрозила вслед Гривастому Феоктиста и пошла догонять отару.

«Жница жнет – не жнет...»

Никак не предполагали, что, хлеба поспеют вот так - все разом! Сеяли целый месяц, но поздние посеы догнали ранние, и вот теперь - хватай, лови!

Марья Ивановна - бригадир в отчаянии: постоянные поломки комбайнов, тракторов. Хоть бы заглянул на поле механик МТС, помог бы! Да кто его знает, где он запропал?

Из леса вышла женщина с корзинкой, - ягоды собирала, да что-то мало их нынче. Подбрела к Марье Ивановне:

- Чо, девонька, дело худо? Не гудят твои машины?

- Не досаждай, тетка Крестина, без тебя тошненько! - сердито бросила бригадир.

- У леса больно хороша пшеничка! А что, если ее серпом? - не унимается непрошенная собеседница.

- Серпом? Серп теперь днем с огнем не сыщешь! Выдумала тоже - серпом...

На другой день привела Крестина на поле толпу жниц.

- Ну, бабоньки, тряхнем стариной! - задорно крикнула Крестина. - Машенька, а серпы-то нашлись! Один у тебя под крышей из-под матицы взяли. Вызываем тебя на соревнование!

И пошла работа.

Направили к тому времени и машины. Загудело поле.

Отсталая, изжившая себя штука - серп. Но и сейчас он в любом крестьянском дворе отыщется при нужде.

Солдат вернулся

Он шел вдоль деревни, тяжело опираясь на костыли. Протез отсутствующей левой ноги нес с собой. Кто же это? Что-то близкое, знакомое видится в этом человеке, и в то же время чужое, неестественное...

- Да это ж Василий Демин! Васыса - тракторист и гармонщик.

- Здорово, Вася! Доброго здоровья, Василий, родненький!.. - К дому подходил в тесном окружении сельчан.

Из ограды выбежала мать, всплеснула руками.

- Мама... не надо... Только не плачьте. Видите, голова на плечах, руки целы, протез в запасе. Все будет в порядке!

- Не плачу я, не буду плакать! - обнимает сына мать. А губы дрожат и вся как подстреленная.

И вот он в родной горнице за столом. Народу набежало – не пробиться! Спрашивают, что да как, да скоро ли ворогу конец? Василий шутит, смеется, честным словом солдата заверяет, что победа близка.

Не видит только Василий среди собравшихся невесты своей - Настеньки. А, может, она уже и разневестилась? Ну, что ж: «Не тужи – потерял...»

Но вот она! – запыхавшаяся, разругавшаяся, вбежала остановилась на пороге. Расступились люди, дали дорогу.

- Здравствуй, Вася!.. - обняла и, не стыдясь, при всем честном народе поцеловала в губы.

// Советское Зауралье. – 1970. – 24 мая. – №120. – С.4.

На бревнышках

Деревенский Этюд

Солнце, путаясь в мохнатых верхушках соснового бора, постепенно спустилось за село, с реки потянуло прохладой.

У тесовой ограды на бревнышках, сидят старые женщины - матери и бабушки тех, кто несет на себе сейчас все крестьянские заботы и работы. Ведут меж собой неторопливую беседу.

- В наше-то время, бывало, выстроится хоровод через всю улицу... Песен-то песен сколько! — мечтательно тянет маленькая кругленькая старушка. — А теперь девки и парни, как настанет вечера все в клуб бегут...

- В наше время клубов не было, - возражает соседка. - Были бы клубы, может, и мы гуда же побежали б.

Помолчали. Каждая, наверное, вспомнила себя молодой...

- Такого песенника, как мой чернобровый, поищи бывало! Ловко зачинал, легко было к нему подставать. Он и в солдатах запевалом был.

Это сказала высокая худая женщина. Ее в деревне тоже зовут чернобровой - по мужу досталось прозвище, да и самой брови как углем нарисованы. А волосы белые, как снег.

Сказала, помолчала, откинула чуть голову и тихонько завела круговую-игральную:

- Ой, да что по травке, по муравке,

По лазоревым цветочкам.

По зеленым лепесточкам

Красна девушка гуляла...

Подхватили робко вполголоса, будто отвыкнув. Песня просилась взлететь, а ее сдерживали и было обидно за нее.

Она гуляла, приустала,

Приуставши, спать ложилась,

Спать ложилась, не стыдилась.

Ко молодцу на колени...

Песня оживила лица, разгладила морщины, заставила блеснуть глаза. Только сидевшая на краю дородная женщина казалась безучастной и когда кончилась песня, поднялась:

- Что уж, ково уж. Скрипите как немазаная телега! Пойти лучше спать... И поплыла к своему дому.

- Куприяновна она и есть Куприяновна-нелюдейка. - заворчала ей вслед чернобровая. - Бывало, в войну робишь, робишь - искры из глаз! Душа изнылась, исстрадалась. Вырвется из души песня, а она: «Распелись!.. Како веселье-то? Мужья да сыновья там, может смерть сейчас принимают. Стыда у вас нет!» Как кипятком обварит!

- Да что о ней говорить!.. Она вон сыну своему жизнь испортила. Уродится же эко место!

И пошли честить Куприяновну за то, что сыну-де ее уж пятый десяток пошел, а все «в парнях ходит»: та для Куприяновны не невеста, другая не годится — все не по нраву!

- Гликерья, слышь-ка! - решив сменить тему, обратилась чернобровая к женщине к синей вязаной кофточке. - В председательскую твою бытность как-то убрали мы сено возле Кундрашного. И вот приезжие из города девчата пели песню про медсестру Анюту - шибко хорошая! Не помнишь? С тех пор никогда больше не слыхивала...

- Помню, - сказала Гликерья. - Давай споем, попробуем? - И запели вдвоем:

*Я был ранен, и капля за каплей
Кровь горячая стыла в снегу,
Наши близко, но силы иссякли
И не страшен я больше врагу...*

Спели куплет, вытерли концами головных платков набежавшие слезы. Вздохнули. Допели до конца. Много на свете песен, от которых не удержать слез!..

Гасла вечерняя заря, спускалась на землю ночь. Опустели бревна возле тесовой ограды. А за рекой, в березовой роще, открыл концерт соловей. Притихли, не шелохнутся ни травинка-былинка, ни лист на березе — все слушает певца...

Но вот из клуба выпорхнула стайка девчат и парней. Впереди гитарист бренчит, поет:

*Хмуриться не надо. Лада!
Хмуриться не надо. Лада!
Для меня твой смех отрада,
Лада!*

Идет за гитаристом молодежь: уплясалась, утанцевалась!.. Расходятся поодиночке и парами.

Где-то совсем близко прогорланил петух, ему ответил второй, третий, — началась петушинная симфония, возвещающая наступление глубокой ночи. Опустела улица, погрузилась в сон деревня.

// Советское Зауралье. – 1970. – 21 июня. – №145. – С.4.



Жители с. Утятского

Отецкая дочь

Рассказ

Проселочной дорогой между зреющими хлебами, мчится мотоцикл. За рулем - девушка, в коляске - мужчина. Уж несколько раз, он пытается что-то сказать, но девушка не слышит, вся устремившись вперед. И когда на ухабе машину опять сильно тряхнуло, пассажир с досадой кричит:

- Следи лучше за дорогой! Ровнее переключай скорости!..

Свернули к лесу. Остановили мотоцикл. И сразу путников охватил зной, стоявший в этот час в природе. Золото хлебных полей слилось с отвесными лучами солнца и маревом качалось в воздухе - больно глазам!

- Скоро приедем, уже недалеко, - сказал мужчина, вылезая из коляски. - Переменимся местами. - за руль сяду я.

- Нет уж, папочка! Ты - пассажир до конца...

- «Как у нашей у Дуняшки никакой нет красоты!» - пробасил дразнилку отец.

- Уж не заплачу, не убегу, - выросла! - звонко расхохоталась девушка.

Дуняша - Дуся Шелепова, только что окончив библиотечное отделение культурно-просветительного училища, ехала к месту работы. Все ее однокурсницы получили назначения в районные библиотеки, остались в городе, а ей выпало - ехать в село, где библиотеку надо еще создать. Но когда, кто-нибудь из подруг высказывал ей участливое сожаление, отвечала:

- Подумаешь, страсти-мордасти!.. Я назначением довольна, по крайней мере начну все с первого камешка.

- Пока отец прогуливался, «разминал косточки», Дуся опять уселась за руль, включила зажигание, дала газ и подкатила к нему.

- Садитесь, Петр Ананьевич, - шутливо пригласила.

Скоро мотоцикл вылетел на асфальт. Теперь Петру Ананьевичу не надо было делать замечаний, и он сладко подремывал. А Дусины мысли были далеко... Отец, сколько она его помнит, всегда был с ней рядом. Опытнейший механизатор, обучивший своему делу не один десяток деревенских парней, он и своей единственной дочери привил любовь к нему. Дуся знает мотоцикл, автомобиль, вместе с отцом немало наездила на тракторе и комбайне.

- Отецная дочь, называют в родной деревне Дусю. А мать, глядя на нее, лишь покачивает головой: «Парнем надо было тебе родиться, девка!».

Чуть в стороне от большой дороги раскинулось село. Это и есть Малые Борки, куда ехали, путники. Подкатили к дому на краю, въехали во двор, развернулись возле крыльца. На него вышла с выбившимися из-под платка седыми прядями пожилая женщина.

- Квартирантку тебе привез, Марья Ивановна, - сказал отец, здороваясь.

- Вижу, вижу, кто кого привез, не слепая!

Заглушив мотор, Дуся легко спрыгнула с сиденья.

- Свет истинный!.. - всплеснула руками старушка. - Авдотья Павловна. Откуда ты взялась?

- И не Павловна, а Петровна я, - улыбаясь, поправила Дуся.

- Как же ты сумела, девонька, так уродиться в бабушку свою, в Авдотью Павловну? Знаменитая была трактористка!

- Ах!.. Ах! - причитала старушка. - И рост, и лицо, и хватка те же! Дай я тебя обниму, Дунюшка!

В доме у Марьи Ивановны уютно, чисто, прохладно. Пока хозяйка хлопотала, разливая окрошку по тарелкам, Дуся внесла вещи, внимательно оглядела новое свое жилье. А Марья Ивановна без умолку говорила, сообщая, что под библиотеку отведено хорошее помещение, что уже завезено много книг, что библиотекаря давно ждут.

Отдохнув и пообедав, отец засобирился обратно.

- Ну, отецкая дочь, оставайся. Слушайся Марью Ивановну, будь смелее. Словом, действуй...

- Есть действовать! Только на, не забудь обещанный мотороллер! Хочу быть независимой...

Уехал отец. Ушла по своим делам Марья Ивановна. Дуся разобрала вещи, разложила любимые книжки, к стене перед столом прикрепила фотографию, села к столу, задумалась. Со стенки на нее смотрела женщина с прямым пробором гладко зачесанных волос. В ушах серьги колесиками, на белой блузке медаль за труд в Отечественную войну.

«Вот мы с тобой и приехали работать, бабушка...

- Что ж, в добрый час, внученька!,».

В раскрытую створку веяло прохладой, день клонился к вечеру. Дуся так задумалась, что и не услышала, как вошла Марья Ивановна.

- Скучаешь? Ах! - обрадовалась она, увидев фотографию Авдотьи Павловны,

- Все будто было вчера!.. Все помнится, во сне даже снится. - Марья Ивановна, подседа к столу, рядом с Дусей.

Началась война. Мужиков - трактористов и комбайнеров - почти всех забрали. Некому работать на машинах, и все. Какой выход? Девоч да молодых солдаток надо садить за руль! Собрали нас на курсы при МТС. Тут, на этих курсах, мы и повстречались с твоей бабушкой. Не многому научились за один месяц да при нашей-то тогдашней грамоте. А машины «универсалы» да «СТЗ» громоздкие, рукам непослушные! Хватало и слез, и смеху! Нужда заставила, — работать: стали. Твоя-то бабушка, Дуня, всех толковее была. Машины ее слушались!

Марья Ивановна глубоко вздохнула.

Ласковый ветерок вдруг рассердился, стукнул в окно, вспугнул раздумья и умчался. Дуся поднялась: «Пойду пройдуся»... Глянула на себя в зеркало, пригладила непослушные волосы. Взглянула на руки: за последние дни, возясь с мотоциклом, изрядно испортила их. Городской лак почти сошел с ногтей. Ладони потемнели, огрубели. Скоро ли отмоет их набело? И нужно ли?..

Мимо калитки промчалась машина, в кузове — девчата и женщины. Откуда то, с другого конца деревни, слышалась девичья песня, Дуся пошла ей навстречу.

// Советское Зауралье. – 23.07.1970. - №171. – С. 4.

Два этюда

На склоне дня

Как неприкаянная, ходит Таисья Егоровна по двору, заглядывает во все углы, будто потеряла что-то. Несколько раз заходила в огород, останавливалась возле грядок, на которых, радуясь жизни, бурно росла огородная снесь.

Из-под шершавого листка высунул белый носик огурец. «Поленькина грядка», - подумала Таисья, и, чудится ей, как Поленька хлопает в ладошки, смеется и топает ножками. Чудится, будто прошел босоногий Игорь в коротких штанах и майке. Очнулась - нет Поленьки, нет Игоря. Забрал, сын Павел свою семью, переехал на центральную усадьбу в новую квартиру на третьем этаже большого кирпичного дома. Просил, уговаривал ее бросить все, переезжать вместе со всеми.

- Квартира большая, в три комнаты, прямо городского типа, - говорит он.
- Есть балкон, можно выращивать цветы.

- А огород где будет? - спросила мать.

- Огороды отводят за озером. Видишь ли, мама, дом так построен, что возле него нет места для огорода.

- Корову где будем держать? - опять сыну вопрос.

- Живут же люди без коров, обойдемся и мы. - Помрачнел, и брови сошлись у переносицы. - Игорь осенью пойдет в пятый класс, - не шибко сладко бегать в школу за четыре километра. Там Поленька подрастает...

Что верно, то верно. Из-за этого неудобства со школой старшая Таисьяна дочь Лидия окончила только семь классов, да и Павел столько же. Живет сейчас Лидия с мужем на центральной. Муж шофер, она повар в столовой. Детей нет, хозяйства никакого, кругом - бегом.

Вышла за ворота ограды на улицу. Остановилась возле дома. Врос домишко в землю. Построен как-то непутево. Глухой стеной на улицу, а окошками в ограду. Будто увидела это только что. Да и деревня вся сходит на нет: осталось десятка два домов, не больше. Но почему так жалко всего?

Деревня Гусиное, последнее время чаще всего ее называют третьей бригадой, стояла среди степи, возле балки, пробуравившей степь. За балкой бескрайнее пшеничное поле. Павел круглый год работал на этом поле: весной сеял, летом убирал урожай, зимой возил на поля удобрения, задерживал снег. Все возле дома, на виду. Да и самой Таисье знакомо поле до последнего взлобка, до впадинки. Исходила его вдоль и поперек и с сохой, и с бороной, и с литовкой.

Всплыла в памяти старинная, давно забытая всеми песня. Наедине с собой хорошо поговорить через песню, вылить душу. Сердцем петь.

*Скука молодой на чужой стороне,
Плакать не смею, тужить не велят,
Только велят потихоньку вздыхать.
Выйду на улицу широкую
Гляну на пути — мои слезки текут.
В избу зайду, слез унять не могу,*

*Гляну в окошко — гуляет народ,
Все люди гуляют, а милого нет...*

Песня увела в далекое прошлое.

Большое село, мать, отец, братья и она - русая коса, девичья краса.

Зимним белым днем скрипнули ворота ограды, въехали сваты из какого-то далекого Гусино. Смешное название, да есть же деревни рядом Коровье, Барашково и другие. Жених робеет, краснеет, а сваха тараторит, как горохом сыплет, расхваливает жениха, его родню, деревню Гусино.

Оставили жениха с невестой в горнице с глазу на глаз. Молчит Алексей, молчит Тая. Боятся взглянуть друг на друга. Преодолел Алеша робость и первым заговорил:

- Выходи, за меня, Тая. Обижать не буду, любить буду, жалеть.

Отказать жениху не отказали, но и согласия не дали: подумать надо, побывайте через недельку.

Через недельку опять те же разговоры: понаведайтесь еще дней через пять, коли невеста глянется. И только в третий приезд просватали Таю.

Сдержал слово Алексей: любил жену, берег. Любила ли Тая? Наверное, любила, может, и не так, как в песнях про любовь поется, может, просто исполняла свой долг.

Первенцем была дочь. А сын родился незадолго до войны. С войны Алексей не вернулся - скоро тридцать лет, как вдовствует Таисья Егоровна. Впрочем, таких, как она, - через дом да в каждом. Нерастраченную любовь отдавала детям, а теперь внукам.

- Поленька, Игорек. Внучата ненаглядные, скука без вас, не житье...

Неоконченная картина

Эта картина хранится в памяти неотвязно. Когда-то давно я видела ее в натуре. Нет, я видела ее на подрамнике в доме у Пелагеи Прокопьевны. Писал картину ее сын Иван. Он дал ей название «Солдатки».

Серое хмурое небо, Бея в рытвинах, разбитая осенней непогодью дорога уходит вдаль. Злой ветер рвет тонкие оголенные березки, гнет их к земле. По дороге движутся быки, коровы, впряженные к телеге с кладью. На передней телеге обрывок холста с надписью «Фронту». Обоз ведут женщины в стеганках, в вязаных платках, в сапогах. На переднем плане - молодая женщина с изможденным лицом, глазами, полными тоски и отрешенности. Она вместе с коровой тянет воз, вцепившись в оглоблю.

- Это Оксинья? - спросила я Ивана. Он не ответил. - Оксинья Грехова, я узнаю ее, - утверждала я.

дышала спокойствием и лаской угасающего дня. Вдали показался табунок скота. Он медленно подвигался к жилью людей. Таисья пошла ему навстречу. Поднялась на взлобок, с которого в вечернем освещении солнца белели высокие дома центральной усадьбы. Приставив ладони к глазам, Таисья долго смотрела в ее сторону.

Оксинья тогда мучилась неизвестностью о судьбе мужа. При виде почтальона с сумкой дрожала, как лист на осине. Не покладая рук работала

круглые сутки. Трехлетнюю больную Танюшку оставляла на попечение старшего восьмилетнего мальчика,

Как поживает сейчас Оксинья? - спросила я Пелагею Прокопьевну.

- Живет. На пенсии. Живет с сыном, нянчит внучат. Делов с ними хватает! Григорий с войны не вернулся, а девочка умерла тогда же, у нее туберкулез был.

Мы обе с Пелагеей Прокопьевной разом вздохнули. Иван, до этого молчавший, чтоб прервать наши горестные воспоминания, заговорил:

- Картина еще не совсем закончена. Еще надо над ней поработать. Я недоволен ею...

С тех пор, как увидела я впервые эту картину, прошло немало времени. Дописал ли Иван ее сейчас?

И вот, оторвавшись от свои дел, хлопот-забот, я еду к Пелагее Прокопьевне и ее сыну. Хочу увидеть ту картину, та взволновавшую меня тогда. Еду той же дорогой, которая изображена на картине. Той и совсем не той. Асфальт блестит, как зеркало. Справа и слева море золотой пшеницы. Веселые перелески. Автобус проскочил через бетонный мост. Здесь когда-то тоже был мостик, его называли «чертов мост», и солдаты перетаскивали мешки на себе, а животных переводили в поводу.

Ивана не застала дома, уехал на несколько дней в командировку. Зашла с Пелагеей Прокопьевной в комнату, которая служит Ивану спальней и мастерской. Полюбовалась новыми натюрмортами эскизами, портретом матери Картина «Солдатки» все еще на подрамнике, повернута лицевой стороной к стене.

- Урывками пишет картины Ваня, - объясняла Пелагея Прокопьевна. - Некогда. Бесконечные поездки... Шофер есть шофер.

Поговорили с Пелагеей Прокопьевной о жизни, о себе. Сильно состарилась Пелагея Прокопьевна, показалось мне.

Вечером того же дня я была дома. И когда утихомирились мои буйные внуки, села за письмо к Ване. «Дорогой, Ваня, была у вас. Приезжала ради картины «Солдатки», в которой святая правда, и ничего в ней убавлять или добавлять не надо. Наш сельский краеведческий музей был бы рад приобрести ее. Как вы на это смотрите?».

// Советская Зауралье. – 1970. – 17.09. - №218. – С. 4.

Время рассказывает

Быль

Середина февраля, а на улице с крыш капель. Да не верят люди февралю, обманщик он. Люди знают, март говаривал: «Кабы я был февралем, я бы у быка-третьяка рога сломал». А тут что получается?

У самого волкома партии - лужица. Сушат ее люди валенками, а она не убывает.

В прихожей волкома шумок. Ребята готовятся постовых сменять. Филя Бакланов в валенках стельки перетряхивает. Стеша бумагой ноги обвертывает - бумага от сырости ноги защитит.

В соседнюю комнату дверь чуть приоткрыта. Там секретарь волкома партии Жунин с уполномоченным из города разговор ведет. На вид уполномоченный совсем еще мальчишка, от силы ему лет двадцать.

- Кирильчик, Владимир, - отрекомендовался уполномоченный.

- Кирильчик - понятно, Владимир - зачем? - шепчет Стеша на ухо Филе и смеется в кулачок.

- Чудачка... Фамилия - Кирильчик, а имя - Владимир.

- Имею полномочия от укома партии сказать вам, - говорит Кирильчик, - что все излишки хлеба нужно немедленно отправить на станцию, что рабочий класс Москвы, Петрограда и других городов голодает, и от товарища Ленина на этот счет есть прямое указание. Если Сибирь не поддержит Центральную Россию хлебом, Советской власти не устоять. Вы с телеграммой Ленина знакомы?

- Знаком, - отвечает Жунин. - Сегодня направили в город обоз в десять подвод. Промашку давали товарищ уполномоченный. Все уговаривали богачей... Не помогло это... Вчера вскрыли у одного кулака амбар - до крыши хлебом засыпан. Нагрузили десять подвод, да еще раз десять по столько будет.

Форточка в окне настезь открыта, а в комнате жарко. Кирильчик снял кожаную куртку, одернул зеленую гимнастерку, поправил тяжелый наган на ремне и сел к столу - Из какой деревни родом будешь? - спрашивает Жунин.

- Родом из Челябинска, а к вам сейчас прямо из Москвы.

- Из Москвы?! - удивился Жунин и, помолчав минуту, опять спросил:

- Ленина не приходилось видеть?

- Посчастливилось... Видел и слышал... Делегатом был на съезде молодежи, там и видел Ленина.

Полуоткрытая дверь скрипнула. Филя и Стеша подошли к двери, чтобы послушать интересный разговор.

- Каков он из себя? - с волнением спрашивает Жунин.

- Ростом Ленин невысок, не выше тебя, только в плечах будто шире. А так самый обыкновенный человек: и прост, и до всех доступен. Говорят: «Человек не солнышко, всех не обогреет», а от слов Ленина, от встречи с ним тепло на душе становится у каждого и силы прибавляется.

Филя и Стеша, сами того не замечая, уже стояли в комнате секретаря и во все глаза смотрели на Кирильчика. В эту минуту Кирильчик уже не казался

Стеше мальчишкой. «Ему, пожалуй, лет двадцать семь, а то и больше будет, - думает Стеша. - Морщинки у глаз, у переносицы».

- Слушая Ленина, - продолжал Кирильчик, - всяк себе определял место, искал самое трудное, самое нужное... Сейчас самое нужное, - после небольшой паузы сказал Кирильчик, - это дать хлеб стране, вы понимаете, товарищи?

- Понятно, - кивнул головой Филя.

- Хлеб есть, и хлеб дадим! - убежденно ответил Жунин. - Я думаю, товарищ продуполномоченный, не худо бы тебе сегодня вечером выступить перед народом в клубе и рассказать об обстановке...

- Про Ленина расскажите людям, - вставила Стеша и залилась румянцем.

...Стеша несет пост за селом, на дороге ведущей в город. На девушке короткая стеганая кофта, домотканый платок и берданка через плечо. Справа от дороги стеной - сосновый бор, слева - степь сверкает белизной снега до самого горизонта. Дорога утрямбована, отполирована, как каток. Стеша пробует скользить по ней, но сырые валенки не скользят, прилипают к дороге.

Тревожное время переживает край: бродят шайки бандитов по его просторам. Зорко охраняют комсомольцы свое село со всех сторон, но кто знает, не прячет ли угрюмый лес в себе бандитов, этих двуногих зверей...

Вдали, где дорога близко подходит к лесу, Стеша замечаетдвигающиеся навстречу ей точки. Стеша пристально вглядывается и различает: это возвращается из города обоз, который утром увозил хлеб... Но почему мешки с хлебом они везут назад?

- Стой! - кричит Стеша и вскидывает берданку. - Почему хлеб везете обратно?

- Нет пропуска в город, - отвечает старший обоза. - В деревне Лаптевой нас задержали, расстрелять хотели... Везите, говорят, хлеб назад и отдайте тому, у кого взяли.

- А я вас домой не пропущу, езжайте в город и сдайте хлеб, как велено вам! - решительно заявила девушка.

- Теперь хоть на небо полезай, - развел руками мужик. - В город не пропускают, домой нет ходу. Лошадей пожалей, животные тут причем, им отдых нужен...

- Тогда марш прямо к волкому, а там вам укажут место! - скомандовала Стеша.

Опять ружье на плечо, опять отсчитывает шаги на дороге. Хотелось бы знать Стеше, как встретили в волкоме возвратившийся обоз с хлебом, но село безмолвно. Только трубы домов тоненькими столбиками дыма обнаруживают скрытую в них жизнь. Вечереет, крепчает мороз, мерзнут ноги в сырых валенках.

Из деревни вырывается пара коней, запряженных в легкую кошевку. В кошевке сидят начальник милиции Макаров и продуполномоченный Кирильчик.

- В разведку поехали, - решает Стеша.

- До скорой встречи! - кричит ей Кирильчик и машет рукой.

...Зрительный зал клуба наполнен людьми до отказа. Люди стоят в дверях, в коридоре. Народ собрался послушать приезжего человека, который лично видел и слышал Ленина. Потом будет концерт, тоже любопытно. Но почему нет Кирильчика? (Все уже знали фамилию приезжего.)

- Дашь начало! - шумит молодежь и гремит хлопками ладоней.

- Уж не случилось ли беды какой? - хмурит брови Жунин.

Наружная дверь клуба с шумом распахнулась.

- Коммунисты и комсомольцы, немедленно в волком! - заглушил шум чей-то встревоженный голос. Клуб мгновенно опустел...

В волкоме бледный, как полотно, ящик Степан рассказывал о гибели от рук бандитов Кирильчика и Макарова, а во дворе уже строился отряд для погони за бандитами.

На площади, в центре села Утятского, стоит памятник. Под ним покоится прах дорогих нам людей Филиппа Макарова и юного Владимира Кирильчика, который не успел тогда, в суровый февральский вечер 1921 года, поведать нам, жителям села, слышанное из уст Ленина. Но время рассказало нам об этом, время воплотило ленинские идеи.

В небольшом двухэтажном доме размещается наш сельский музей. В нем рассказывается об истории села, о героях сегодняшнего дня, строящих коммунизм. На переднем плане музея в позолоченной раме портрет дорогого Владимира Ильича, указавшего нам путь к свету, к счастью.

В торжественные дни жители села подолгу бывают в музее, потом идут на площадь, несут к подножию памятника цветы, венки. Вместе со всеми бываю и я. Мне, живой свидетельнице всех великих преобразований и свершений, которые происходили в родном краю, в родной деревне, видится отчетливо пережитое. Образ великого Ленина в каждом из нас. Пусть будет вечной народная память о тех, кто отдал свою жизнь за наше сегодня.

Ленин и Южное Зауралье. 1870-1970 [Текст] : телеграммы и документы В.И.Ленина, письма трудящихся, резолюции, воспоминания. - Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 1970. – С.



Памятник Ф. Макарову и В. Кирильчику, с. Утятское

У околицы

Вряд ли найдется сейчас человек, который дальше околицы своей деревни нигде не бывал и ничего не видал. Но кто знает, почему все эти лужайки, рощицы, ложбинки и взлобки, казалось, давно, с детства примелькавшиеся, милы остаются нам до бесконечности. Каждый раз будто видишь их впервые! На каждом шагу, если внимательно глядеть тебя подстерегает удивление...

...Что-то хвоя на соснах какая-то темно-синяя, а стволы словно из красной меди... Красиво! Откуда из этой взлобке появилась таволга? - прежде ее будто тут не было!.. Пытаешься сломить, ветку, не поддается... Надо же! Недаром наши деды пользовались стеблями таволги как иглосшивателями.

Деревня наша занимает благодатное место в излучине реки, прижавшись к берегу. Если перейти на противоположный берег, подняться на крутон яр, то вся деревня, до последней избы, на виду.

Неширокой лентой вьется Тобол. Там, вдали, он делает крутой поворот. Заспешила, заторопилась вода, и эта часть реки, называется Выструшкой. Выструшка - любимое место обитания крупных, окуней, щук. По наледи на Выструшке в январе знатоки определяют весенний паводок.

Спокойно течение реки мимо деревни, и там, где кончается людское жилье, река отбросила в сторону рукав, как бы обняв деревню. Рукав назван Прорвой: через Прорву река выливает весной свои воды, затопляя луга.

Между основным руслом реки и Прорвой, на возвышенности, - столетние замшелые осины. Хорошо летом в шумливом осиннике! Таинственно волшебю зимой, когда на раскинутых ветвях алмазами сверкает куржак.

А может, таинственность осиннику придает предание, слышанное еще в детстве? Будто тут, в осиннике, стояла изба сподвижника Емельяна Пугачева. Сквозь туман времени вглядываешься в пугачевского атамана полуторатысячной армии восставших крестьян Семена Новгородова... Видятся его ближайшие помощники: отставной солдат Федор Завьялов, церковный служка - пономарь Михаила Колмогораев, вербовщик в армию Новгородом крестьянин Федор Бакланов...

Не сохранилось вещественных памятников о том далеком героическом времени, кроме изустных преданий, легенд, да разве вот этих осин, что у Прорвы стоят. Да еще Завьялов сад, что на отшибе от деревни возле Серебрянки...

История нашей деревни - это история всего Притоболья.

У соснового лесочка, около Басмановского оврага стоит обелиск в честь основателей первой коммуны. В березовом перелеске - обелиск в память погибшего за Советскую власть Григория Воденникова.

К деревне подкатил очередной рейсовый автобус. Идут вдоль улицы приезжие, замедляют шаг у обелиска героям Отечественной войны, у обелиска героям гражданское войны...

Деревня не потеряла родства с былым, но стала другой, помолодев. Ушла в прошлое вековая крестьянская привычка огораживать свое жилье плотным

забором, чаще плетнем, чтоб не видно было неопрятного двора. Теперь люди стараются возле своего дома создать красоту - уютный палисадничек, огороженный штакетником.

Залюбуешься усадьбой молодых супругов Ивановых - Николая и Валентины. Любимый Валин цветок «Девушка в зелени», им и украшает она свои цветочные клумбы, А другой двор - с ажурной изгородью, в бутонах гордых пионов, со скульптурой двух косуль у пышного куста черемухи! Без красоты никак, нельзя, красота делает жизнь, радостней!

В 1980 году наша деревня будет отмечать свое трехсотлетие. Хочется заглянуть в недалекое будущее, помечтать сегодня о нем. И не одной мечтать, а вместе с молодыми хозяевами деревни, с теми, кому дорого здесь все, кто своим трудом, своим поведением являет собой нового крестьянина, нового человека. Это Брылев Виктор, Ловыгин Николай, братья Ивановы Виктор и Александр, Бакланов Виктор и многие, многие другие.

И мы должны не только мечтать о том, как в наступившей девятой пятилетке мы полностью озеленим свою деревню, сделаем асфальтированные подъезды к животноводческому городку, а может быть, асфальтируем и главную улицу деревни.

Бегут во все стороны от околицы дороги. Дороги разные: длинные и короткие, ровные и тряские. И куда бы ни уводили они, а вернувшись домой, как не скажешь:

- То ли дело, друзья, дома...

// Советское Зауралье. - 1971. - 13 июня. - №138. - С.4.

Природа и люди

Чья голубая полянка?

Эту голубую от незабудок полянку за сосновой рощей, недалеко от озера, я помню с тех пор, как помню себя.

Хорош веночек из незабудок на девушке, - она сама становится, как незабудка. Символически букетик из них, подаренный парнем подруге. Комната становится светлее и праздничнее, когда в вазе стоит несколько их стебельков. Но самую большую радость испытываешь прямо на этой полянке, когда склонись к ним, вдыхаешь их аромат...

Опять пришла весна, захотелось побыть на знакомой голубой полянке. Увы, она уже не голубая! Я нашла на ней только несколько низкорослых, сиротливых цветков. Куда же девались незабудки, почему их не стало?

Дело в том, что красивое озеро и сосновая роща возле него последние годы стали местом отдыха горожан. По выходным дням сюда приезжает множество народу, и это хорошо, но... Кроме того, что поляна вытаптывается, каждый увозит с собой домой охапки этих цветов. Конечно, цветы — «ничейные», но полянки-то не стало!

Пройду в конец сосновой рощи. Здесь теперь усадьба детского санатория. Цветет много клумб с садовыми цветами, дети поливают их, ухаживают. Можно любоваться красивейшими цветами. Но, честно, садовые цветы не заменят полевых незабудок!

Не хватает березки!

Благословенный уголок природы, трудом человека ставший еще очаровательнее. Старые ели и лиственницы, молодые сосенки, рябинки и цветники, цветники... Здесь расположен колхозный детский сад-ясли. В нем работает заведующей Анна Ивановна Долгушева и живут более ста ее питомцев.

Опрятные, светлые спальни, веселые игровые комнаты с множеством игрушек, столовая, врачебная комната. Здешнему порядку, чистоте и уюту могут позавидовать многие городские детские учреждения.

Большую часть времени дети проводят на воздухе, среди природы, под этими старыми елями и лиственницами, Юными сосенками и рябинками. А Анне Ивановне все мало!

- Думаем. - говорит, заложить березовый парк, это будет очень красиво. Березы будут расти тут великолепно!

Березовый парк. А у его подножия - соответствующее обрамление: полевые колокольчики и лесные гвоздички и, конечно же, саранки - полевые лилии. А это значит, что самобытный уголок природы станет еще краше.

Дух хлебного поля

Городской шум не утихает и ночью. До рассвета огни по стенам моей комнаты ползают бликами. Занавешиваю плотнее окно, но сон не приходит...

В такие бессонные ночи вижу свою тихую деревенскую улицу. Из края в край! Ко мне приходят ее обитатели; и я веду с ними беседу до рассвета.

В последнее время чаще всех является Опросинья Силова - Опрося Сила, по-уличному. Вижу ее молодой, высокой, сухощавой, с угловатыми, резкими движениями...

Весна сорок третьего военного года. Лист на березах, уже с заячье ухо и, по извечному крестьянскому понятию, сеять пшеницу бесполезно. Остался между колками незасеянным еще клин пахоты. Бригадир велел бросить его - пусть пустует! Опрося с этим не согласна. Она - севач на всех таких земельных лоскутах, где трактору не под силу ворочаться.

Широким мужским шагом, с лукошком через плечо, ходит Опрося по пахоте и горстью разбрасывает семена. Залюбуешься точностью, ее движений. - идет, как по канату балансирует! Шаг - и горсть зерна разбрызгивается по пахоте. Еще шаг - и опять золотые брызги. И так без конца.

Следом за Опросей три женщины в поводьях водят впряженных в боровы быков, заделывают семена. Ох, и упрямая скотинка, эти быки! Передний, пестрый, по кличке Фомка вдруг остановился. Женщина тянет его за повод, а он ни в какую! Как вкопанный.

- Ну, Фомка, шагай! - уговаривают его, а Фомка, мотнув головой, грузно опускается на землю. Теперь хоть режь его - не встанет! Ну, язви ее, эту скотинку! - бранится женщина.

Из осинника выскочил серый зайчишка, поднялся на задние лапки, помахал передними возле ушей - намек дает. Подергал раздвоенной губой, посмеялся и ускакал назад, в осинник.

- Распрягайте, бабы, а то и ваши быки лягут, глядя на этого лентяя!

Отпрягли быков, согнали их в лес кормиться. Тут и Хитрый Фомка поднялся - подался туда же.

Женщины уселись под ближней березой, развернули узелки с завтраком.

- Иди, Опроси, попаужинаем всем миром, - зовут женщины. А у Опроси, в лукошке еще зерно есть, разбросать уж его надо полностью.

По дороге семенит девчущка, совсем крохотулечка, несет матери фляжку молока.

- Ай да Нюрочка, ай да доченька! Как раз ко времени поспела, - обрадовалась мать. - Садись сюда, - указала на место рядом с собой, прижала к груди белокурую головенку. - Ну что, как у нас дома?

Тетка Анна получила похоронку на Толика, - сообщает девочка. - Не плачет, не кричит. Что ей говорят - ничего не понимает.

Третья похоронная в доме Анны Бабаевой! Как это вынести? Сникли. Пойдет ли на ум еда?

Заголосила, запричитала самая старшая из трех. Подошла Опросинья. Остановилась.

- Перестань, Марья, - только и сказала, но как! Словно приказ отдала. Подняла глаза Марья, смахнула со щек слезы.

- Человек ты, или камень, Опросинья? Ведь у тебя там сын и муж! Неуж у тебя не болит душа о них?

- Болит, болит... - приложила руку к сердцу Опроси. - Только нам, бабы, усиливаться надо. Ото всей моченьки усиливаться!..

- Пойди ты к черту!.. Силачка нашлась!.. Повыть, душу отвести не дает...
- рассердилась не на шутку Марья.

С тех нор и прильнула кличка к Опросинье: Опрося Сила, да Опрося Сила.

А может, и не с того, раза, а с сельского схода, где обсуждался вопрос о помощи фронту. Опросинья тогда выступила с речью:

- Люди добрые, усиливайтесь! Как можно усиливайтесь, и наша сила поможет там им, на фронте!

* * *

Люди говорят: год на год не приходится. Правду говорят. Такого лета, как нынешнее, я что-то не припомню. Всем летам - лето: в меру теплых к горячих дней, в меру дождичек. Густолиственны городские клены и тополя, а что там в поле делается, поглядеть бы!.. Постоять бы у колосистой пшенички и, как в той песне, сказать бы: здравствуй, русское поле!

И вот она родная деревенская улица, не в грезах - наяву. Вот и дом Опросиньи Силы. Дверь в сенцы чуть приоткрыта, изба пуста - не встречает меня хозяйка. Открываю двери в горницу. На кровати, похудевшая, постаревшая лежит Опрося.

- Приехала, Марфушенька! Знала, что приедешь... Сердце-вещун подсказывало... Худо мне. Видно, время приходит...

Испугалась я. Может, говорю, послать за доктором, сыну телеграмму дать?

- Не надо доктора, не надо телеграмму... Ты приехала, дак может и оклемаюсь... Гриша-то, сынок, гневается на меня: увозил к себе в Челябину, а я не схотела там жить...

- Постой, Опрося, я чай сейчас сготовлю. Я тебе полную сумку городских гостинцев привезла, - Пока готовлю чай, ты набирайся сил... усиливайся... - Я погладила ее худую руку. Губы у Опроси чуть дрогнули.

Пили, чай с бубликами, с конфетами.

- Как же ты, дорогая, одна тут, обходишься? - спрашиваю.

- Пошто одна? Соседские девочки не оставляют меня, увидишь - вот-вот прискачут. Большие уж девочки, в восьмой класс перешли, умные такие...

Действительно, скоро пришли три девочки, принесли большое блюдо спелой клубники. Та, которую зовут Алевтинкой, с порога начала:

- Баба Опрося, хлеба-то нынче на пашне какие! Чистые да ровные. Мне уж до плечей. А дух какой от них!..

- А я што всем толковала? Всяких одеколонов лучше тот дух, и целебный он... - Опрося вся как-то ровно и оживилась, слушая Алевтинку. - Мне бы глотнуть тот дух! Лучше он всякого лекарства. Тут какой-то приезжий «умник»

колоколил девчонкам, будто хлеб выращивать на подо стало не женским делом, а только мужским... Не слушайте таких балаболов, девоньки. Учитесь, сил набирайтесь и за святое дело на земле-матушке беритесь...

- А мы и не слушаем! Я обязательно стану агрономом, - зардевшись, заявила Алевтина, - А Галька хочет, чтоб самой и пахать, сеять, и ухаживать за посевами...

На другой день утром моя Опроя сама поднялась, даже прошлась по горнице. Веди, говорит, меня, Марфуша, на пашню, на хлебное поле. Чувствую - дух поля вернет мне здоровье.

- Нет, Опроя, слаба ты. Не дойдешь. Пойду я к председателю, к Григорию Ксенофонтову, попрошу у него машину, пусть свозит нас на поле.

Вечером, когда схлынул жар, мы покатали в председательской машине на пашню. Шофер привез нас к огромному хлебному массиву. Она, матушка-пшеничка, вся в цвету была; колыхала колосьями, нежилась... Зашли мы с Опроей прямо в хлеб - как в целебный источник спустились! Опроя шохает колосья, смеется и плачет... Нарвала целый пук колосков, чтоб дух поля и в горнице стоял!

Быстро пошла на поправку Опроя после той поездки. Я уезжала в город, когда она совсем встала. Вот ведь какая история. Вот что может сделать с человеком дух хлебного поля.

// Советское Зауралье. - 19. - . - № . - С.4.

Грановитое кольцо

Весенние ночи воробьиного носа короче. Не поймет Анисья - спала она или только в забытьи была. В окно брезжит свет. Пора вставать. Вот так и жизнь. Жила и будто не жила, а пятьдесят лет пролетело - не заметила. Что-то сердце волнуется, с чего бы? Вспомнила, и усмехнулась. Сегодня ж праздник борозды. По привычке...

И кто придумал этот весенний праздник? Поди отыщи теперь виноватого. Лет сорок назад, как люди стали справлять его. Сама жизнь его выдумала.

Подошла к окну, распахнула его. Орут петухи, как на пожар. Туман убегает из деревни, тулится к роще облаком. Там, в роще, каждый год и проходят праздничные торжества и все веселье. Природа загодя способствовала этому. Белоствольные, кудрявые березы тесным кругом обступили поляну, приготовились смотреть на людское веселье.

Пора братья за праздничнуюстряпню. Выкатала на стол сдобное тесто. Распределила его для сладких пирогов. Затопила печь. Теперь успевай, поворачивайся! Для рыбных пирогов особое тесто. Рыба с вечера приготовлена, распластана по хребту, подсолена, лежит на блюде, отливает розоватой желтизной.

А все-таки самый веселый праздник борозды был в тот год, когда они поженились с Гришей. Гриша тогда за ударный труд, на себе первую премию взял. На гулянке от Анисы не отходил, все за руку ее держал. А как переживала Анюта Сидорова, Гришина, ухажорка! Все это видели, на виду все было. Поет под гармонь частушки, голос звонкий, на всю рощу:

*- Что, кудрявая береза,
Ветру нет, а ты шумишь?
Что, ретивое сердечко,
Горя нет,, а ты болишь?..*

Выйдет на круг, плясать и тут не прячет свои страдания:

*- Колечко мое, золото-витое,
Сердечко мое, кровью залитое.*

Ушли Аниса с Гришей в глубь рощи, чтоб не терзать зря сердце Анюты. В этом деле никто не виноват. Посидели под кустом калины, помиловались. Снял с руки Анисы Григорий медное колечко и забросил его далеко в чащу.

- Я тебе, Аниса, куплю настоящее кольцо, это медное тебя недостойно.

Так тогда с гулянья и увел Гриша Анису к себе домой.

Поманило счастье, да скоро и спряталось. Навалилась беда. Не успел купить Гриша обещанное кольцо, ушел на войну, да и не пришел. Хорошо, что сына оставил, портрет свой, свое повторение.

Родила парнишку, и не знала - радоваться или плакать? Похоронная на отца в шкатулке лежала, увеличилось в деревне на одного «безотцовщину».

Прибежала Анюта Сидорова, бывшая, соперница, замужем уж была Анна. Целует роженицу, смеется.

- Гришенька родился, Гришенька.

Так и дали отцовское имя парнишке, а Анна с мужем кумовьями стали

Анисья, нареченными родителями маленькому Гришке.

Григорий теперь сам отцом стал, а большое уважение имеет к нареченным родителям. Во всех делах своих советуется с лелей Аннон Степановной да с лельком Василием Семеновичем.

Из горницы вышла сноха Анисьи Валентина.

- Где же Гриша запропастился?

- А вон он, легок, на помине, - взглянув в окно, увидела Анисья. Григорий шел улицей с чемоданом в руках.

- Что так долго? – встретила его жена в дверях.

- Из-за гостей задержался. Гости из города полный автобус привез. Музыкантов привез, артистов.

На цыпочках, чтоб не разбудить ребятишек, прошли в горницу. Не терпелось Вале, открыла чемодан и ахнула. Сверху лежали красивые, модные черные сапожки.

- Кому это, Гриша?

- Меряй, годны будут - тебе пойдут...

- Мамонька, - забылась от радости Валентина и громче позвала: - Идите обновы смотреть...

Проснулся семилетний Олежка, скатился с кровати:

- А мне что, папка, купил?

- А мне что купил? - притопала маленькая Ниночка.

Шуруют ребятишки в чемодане, все вверх дном. Валентина пробует надеть сапоги.

Ну что, годны?

- Туго, Гриша. С застежками надо было...

- Ну вот тебе и на... не лезут, значит...

- Мама! - позвал Григорий. - Идите скорей сюда.

Пришла Анисья.

- Вам для сегодняшнего праздника вот этот платок с разводами.

- Спасибо. Добрый платок...

- И еще, - Григорий достал из кармана пиджака небольшую коробочку и открыл ее. На голубой атласной подкладке коробки блеснуло граненое кольцо.

- Что ты, Гриша, мне не надо... Не в коня овес травить. Вале подай.

- До Вали очередь не дошла... Дайте руку!

Анисья спрятала, руку под фартук.

- На левую, на левую руку, на безымянный палец надевай, Гриша. Вдовы носят кольца на левой руке - подсказывала Валентина.

- Как раз подошло. Носите, мама, и не снимайте. Это отцовское обещание, за него я выполняю.

Анисья поднесла руку с кольцом к глазам, и вдруг из глаз ее неудержимо хлынули слезы... Пошатываясь, она вышла из горницы, а слезы лились не хватая лица.

День разгулялся, на славу. Это был чудесный день, какие бывают в Нашем краю, когда весна встречается с летом. Роща гудела. Гремела музыка. Анисья с Валентиной и ребятишками устроилась на удобное место около

самой, наскоро сколоченной, сцены, с которой правление колхоза объявит имена лучших работников, раздаст им премии.

Анисья справилась с пережитым волнением, была счастлива, как никогда.

«Чего, стыдиться-то в самом деле. Ну кольцо, золотое граненое на руке колхозницы-телятницы? Так оно же мужем завещано, сыном на руку надето. Взошла бы сейчас на подмости и на весь мир бы заявить могла: «Я счастливая мать, а это счастье самое большое на свете. Матери, я всем вам желаю, такого сына, как мой Гришенька!»

- Мамонька, - прервала мысли Анисьи Валентина. - Грани-то на колечке как переливаются. .

- Так оно же грановитое! – уточнила Анисья и поправила кольцо на пальце.

// Советская Зауралье. – 1970. – 25.09. - №226. – С. 4.

Легкой старости, вам, друзья!

В истории советской школы годы Великой Отечественной войны займут особое место, страницы об этом люди будут читать с большим интересом. Оговорюсь, я имею в виду сельскую школу, хорошо мне известную.

Уже в первые военные годы обстоятельства сложились так, что вся забота о детях, учебная и хозяйственная, легла на плечи учительниц.

Вместе с учениками они сами ремонтировали помещения, заготавливали и доставляли к школе топливо. Школы имели подсобные хозяйства, за счет которых оказывалась помощь нуждающимся в одежде и обуви, организовывались горячие завтраки. Кроме того, ученические бригады и звенья, возглавляемые учителями, помогали колхозам.

Очень важно было тогда сделать школу для всех детей родным домом, чтоб в ней было уютно, тепло, чтоб дети получали ласку, в которой они так нуждались.

Утятская школа, например, была очень хорошо озеленена. Цветы, везде цветы, не только в классах, но и в коридорах. В этом большая заслуга принадлежала биологу школы Валентине Демьяновне Квитко.

Восстанавливаю в памяти теперь уже далекое время листаю рукописные журналы учителей, учеников и думаю: «Откуда бралась сила? Как сумели учительницы так быстро освоить крестьянский труд?». Помню, запрягая лошадь, я неправильно надела хомут. Подошедший старик заметил мне:

- Хомут-то неладно надеваешь, деревя-то где?

Я покраснела от своей ошибки до слез...

В годы войны партийные организации в деревнях стали малочисленными. И вся организаторская, пропагандистская работа тоже легла на учителей. Многие учительницы были секретарями колхозных партийных организаций. За дела в колхозах с них спрашивалось по большому счету. Так, в деревне Патраки парторганизацию возглавила Лидия Дмитриевна Стариковская, в Ялыме - Ашолинария Пименовна Черемушкина. Плодотворно и много; трудились в местных Советах учительницы Сырейщикова, Анна Михайловна Косарева и многие другие. В деревне Коневой колхозницы стали просить свою учительницу Глафиру Ивановну Предеину взять на себя полностью руководство их колхозом, что она и сделала. В должности председателя колхоза она работала успешно.

Те, кому выпала доля учить детей в годы войны, сейчас в большинстве своем пенсионеры.

В традиционный праздник - День учителя - позвольте пожелать вам легкой старости, дорогие друзья!

// Советское Зауралье. – 1971. – 3 окт. - №233. – С. 2.



Учителя сельской школы

Моя знакомая, Алевтинка

Рассказ

Алевтинке Гороховой пятнадцать лет. Среди своих сверстниц она ничем не выделяется. У нее стройные ноги, тонкой становится талия, светлые волосы, забраны в пышный хвост. Как того требует мода.

Бабушка Настасья недавно оказала внучке:

- Я до семнадцати лет сухарь-сухарем была, а ты в пятнадцать - верба-вербой.

Будто девочка в том виновата...

Алевтина учится в девятом классе, живет в школьном интернате, в восьми километрах от родного дома.

Нелегко первый, раз в жизни жить врозь с семьей. Все как-то тоскливо, беспокойно.

Человеку в пятнадцать лет только под родительским кровом спится спокойно и видятся золотые оны.

Застоялось нынче зазимье.

Давно прошли «кузьминки», а зима где-то заблудилась. Низкое небо затянуто серым пологом. Притих раздетый лес, нахмурился бор, потемнела река. Все в ожидании. Вот-вот прорвется серый небесный полог, посыплется пушистый легкий снег и, к общей радости, засверкает, заискрится все кругом.

Домой на выходной день Алевтинка добралась с проезжим незнакомым мотоциклистом. Долго ждали ребята на дороге автобус, а его все не было. Алевтинка «проголосовала» перед мчавшимся мотоциклом, и вот она дома. Промерзла.

Еле отпоила ее бабушка горячим молоком, угостила капустником, а сама всё говорила о своих делах.

- Ну и капуста нынче выросла! Вилочкой одной рукой не поднимешь. Не один раз вспомнила тебя, как вырубали капусту. А как семенники-садовки в подвал укладывала, было у меня досада, что опять не видела ты, как это надо делать...

Бабушка у Алевтинки ещё молодая, она знаменита я ого-родница на всю округу. Алевтинка каждое лето работает на огороде вместе с ней. Кто знает, что таит в своей душе бабушка, но старается она изо всех сил передать внучке все тонкости своего мастерства.

Ввалился в дом братишка-третьеклассник Петька. Растрепался, распухался. Шапка на глазах, куртка без единой пуговицы.

- Баба, где моя клюшка? Будем в хоккей играть, клюшку надо. – Увидел сестру, разулыбался.

Алевтинка схватила его в охапку, закружила вокруг себя.

- Ищи свою клюшку в кладовой, за ларем, - ответила бабушка. Петька вырвался из рук сестры, и нет его.

- На будущий год и Петька будет жить не дома, - сказала бабушка и вздохнула. – Восемилетку в нашей деревне прикрывать хотят, оставят только три класса. Жалко парнишку от себя отпускать.

Алевтинка вошла в горницу. До чего же все здесь мило, все родное! Вот полка с книжками. Постояла возле нее, поперебирала книжки. Там, в интернате она почти ничего не читает. Уроки готовят в школе, а вечером в интернате шум, беготня, смех - не до чтения. Дома и телевизор есть. В прошлый выходной день она смотрела «Алые паруса». Может, и к ней счастье придет, как к Ассоль. Только надо терпеливо ждать его. А все-таки мальчишкам лучше, чем девочкам... Алевтинка засобиралась уходить.

- Бабушка, я схожу на ферму к маме. С Граней Поповой там повидаюсь.

Шла мимо машинного двора. Автобус, толстобокий лентяй, уже загнан под крышу. В понедельник утром он отвезет ребят в школу и будет стоять целую неделю опять под крышей.

Почему автобусу не работать в полную силу? Почему бы не отвозить ребят каждый как день в школу и не привозить из школы домой? Расход большой. А если подсчитать!

Колхоз немало тратит на бесплатное питание ребят в интернате, на содержание их там. Не дешевле ли станет, если ребята будут жить дома?

- Возьмусь и подсчитаю, - громко сказала Алевтинка. - С этими расчетами выступлю на комсомольском собрании и докажу, что выгоднее, а ребята обязательно поддержат.

Алевтинке вдруг стало так радостно, так весело, будто все так и вышло, как подумала она сейчас. Бегом Алевтинка помчалась к ферме. Работницы фермы, готовились к вечернему доению:

- Здравствуйте! - весело приветствовала их, Алевтинка. - Чем помочь вам?

- Ничего не надо, — ответили женщины, — все уже приготовлено.

- Мама, может, правда, помочь тебе поскорее управиться?

- Не надо, дочка, тебе же сказали.

Приятельницу свою, Граню, Алевтинка отыскала на дворе фермы. Та встретила ее шуточной частушкой:

Я коровушку доила

Кольцо опало в молоко.

С кем я мило говорила,

Тот уехал далеко...

На Варгаши на станцию

На легкую ваканцию.

Эту частушку Граня сочинила про своего друга Юрия Изотова. Он поссорился с бригадиром и уехал из деревни.

- Он хоть пишет тебе письма, Граня? – спросила Алевтинка.

- Пишет, что скучает о своей деревне.

- Может, и ты к нему поедешь?

С фермы возвращалась обходной дорожкой мимо березового леса на берегу поймы. Среди обнаженных берез все еще трепетала красными листочками тонкая осинка. Если сломить веточку с такими листочками и

каждый листик прогладить горячим утюгом, какое это милое украшение будет в горнице всю зиму. Алевтинка поднялась на пригорок, подошла к осинке.

Весной с этого пригорка любо смотреть на безбрежную пойму. Она, как море, тогда. Ветер колышет высокие травы, и она, как волны, хотя Алевтинка никогда не видела моря. Сейчас, осенью, пойма серая, угрюмая, а может, осеннее море такое тоже.

Поймой-морем плыл трактор «Кировец», он тянул за собой огромный стог сена, мигал огнями фар, точь-в-точь как тот волшебный корабль в красивой сказке «Алые паруса».

// Советское Зауралье. – 1971. - 26 дек. – №303. – С.3.

Притобольные новеллы

Ветла-вещунья

Ах, эти памятные в жизни даты! От них не уйти, не спрятаться...

Отстояли жгучие январские морозы, точь-в-точь такие, как в роковом 1942 году. Красноватое солнце, в мохнатых рукавицах, спускается к закату. Я бреду сугробами за околицу, к нашей роще.

*...Сугробы белые,
А небо синее,
Да не замерзну я,
Платком укутана...*

Тогда, в 42-м году, я стояла на опушке этой рощи и плакала. Звенели пилы, стучали топоры, березы падали со стоном...

- О чем ты плачешь? - спросила меня лесничиха Фекла.

- Мне рощи жаль...

- Глупая!.. - Людей надо жалеть. Пойдем, напилишь дров для Антонида: пластом лежит баба, мерзнут ребятишки в нетопленной избе...

...Вот она - роща, возродившаяся вновь. Какая тишина, какая красота кругом! Тихая красота. Молодые, рослые березы увешаны белым кружевом. На кружеве переливаются и сверкают золотые искры.

От той, старой, рощи сохранилась лишь вековая ветла. К ней никто не посмел подступить, не нашлось силы, способной одолеть ее: может, она еще из сказочного царства берендеев? Широко разбросила руки, растопырила крючковатые пальцы, по званивает невидимыми колокольцами... Приникнув к ее стволу, слышу их чудный звон.

Ах, как многое видела и знает старая эта ветла!

Прялка-прялица

Прялка-прялица - неперемное орудие женского крестьянского труда, забытого в наши дни, о чем жалеть, слава богу, не приходится.

В наш уголок-музей при клубе доставил прялицу почтенный, уважаемый человек в колхозе Дмитрий Григорьевич. Мы едва успели сказать ему спасибо и положили прялицу в сторону.

У людей в наши дни появилась потребность остановиться, оглянуться назад и вокруг, узнать про свою родину как можно больше - о ее истоках, о начале, и нам в музей несли много интересного.

И вот наступило время разобраться в собранных вещах. Нашлись, не без труда,,консультанты.

- Это лоскут канифаса, это пестрядь, сермяжное, зипунное, опоясное, холст изгребный, просто холст...

Дошел черед и до прялицы, и тут мы ахнули. Это было истинно художественное произведение, выточенное из цельного куска дерева. На тыльной стороне прялицы было выжжено:

...Эта прялка имеина,
На всех вечорочках одна,
Примечай-ка, милый мой,
По прялочке по именной...

Кто же была владелицей этой чудной прялицы?

Мы нашли ее в избе у Дмитрия Григорьевича. Это была стопятилетняя Маланья Павловна - маленькая, сухонькая старушка в синем в крапинку ситцевом платье и таком же платочке. Она сидела на верхнем голбце у печки, левой приподнятой рукой беспрерывно что-то невидимое ритмично дергала, а правой, опущенной вниз, будто сучила нитку.

- Ей все чудится, что она прядет, - пояснили нам.

Шубка на лисьем меху

Настасья Ивановна недавно получила из Ленинграда посылку, а в посылке чудо-шубка. Легкая, мягкая, в горсть забори!

Висит шуба на вешалке мехом вверх. Нет-нет да и подойдет к ней Настасья Ивановна, погладит пушистый мех, улыбнется про себя. Тепло в горнице, тепло на душе старой женщины: от шубки тепло идет, от ее рыжего, как летнее солнышко, меха.

Прибежала с улицы внучка Алька. Замерзла, заиндевелила.

- Дай, бабушка, шубку твою надеть, погреться!

Крутится Алька в бабушкиной шубе перед зеркалом, а бабушка в который раз рассказывает:

- В войну спасались в нашей деревне ленинградские ребятишки. Две девочки-заморенки, Люда и Зиночка, примкнули ко мне. И я к ним прикипела. Летом всякой овощи навывращиваю, картошки вдоволь, молочко да сметанка не куплены - ешьте, милые... Видать, им со мной хорошо было, а мне с ними - лучше того... Много время прошло с тех пор, а вот не забыли они меня, вспомнили... Написала я им благодарение, жду теперь от них ответа, жду карточку с них. Охота посмотреть, какие стали!

К вечеру мороз соевем взбесился: так и жмет, гнет к земле все живое! Зажглись огни в домах, печи топятся, дым из труб прямыми столбами к месяцу, к звездам тянется. Спешит, торопится улицей Настасья Ивановна, а на-встречу ей парень.

- Далеко ли, Настасья Ивановна, на ночь глядя да по такому морозу?

- Вишь, парень, какое дело: самовар поставила, хватилась, а чаю нет. В магазин бегу, за чаем.

- Так ведь замерзнете?

- Не замерзну. На мне шуба на лисьем меху, - и Настасья Ивановна откинула полу шубы.

- А-а, - протянул парень. - Это, как в той старой песенке: продам лисий воротник - куплю чаю золотник?

- Да, ну тебя, Витька! Пересмешник какой стал: знал бы ты, что за шуба!

Настасья Ивановна отмахнулась от парня и засемила того быстрее.

// Советское Зауралье. – 1972. – 5 февр. – №30. – С.4.

Радуга-дуга

Лирический этюд

Отпуск Софья Николаевна решила привести дома. Довольно - попутешествовала каждое лето! А может, возраст сказывается? Ее сверстники уже на пенсии, а она... Пусть ей не намекают о пенсии! Вот установит для себя строгий: режим, займется физическим трудом. Яркое солнце, да чистый воздух - и силы обретутся.

Приземистый, в две комнатки, домик, Софьи Николаевны стоит на самом берегу. В нем она поселилась лет тридцать с лишним, назад, когда приехала в эту деревню учительствовать. Хозяйка дома, одинокая Настасья Петровна, приняла тогда на жительство к себе девушку как родную.

Жили вдвоем, а когда Настасья Петровна ушла из жизни, Софья Николаевна осталась одна. Да так и живет.

Двумя окнами смотрит дом за реку, на безбрежный луг, а двумя приветливо улыбается каждому, кто проходит мимо.

- Двери вашего дома, Софья Николаевна, - всегда для всех открыты. Каждый найдет здесь и добрый совет, и ласку.

Так сказал ей недавно секретарь райкома партии, ее бывший ученик, уже немолодой человек, посетивший ее. Для Софьи Николаевны это - высшая похвала.

Хорош вокруг дома маленький дворик, с ухоженными кленами по обрыву берега, с дорожками, посыпанными толченым кирпичом, с клумбами. Красный кирпич она толчет в чугунной ступе и постоянно обновляет им дорожки. Дворик обнесен ажурной изгородью. «Пусть все видят красоту, - рассуждает хозяйка. - Не для себя одной стараюсь!».

Софья Николаевна ходила в дальний лес за корнями сараны. Увлечшись поиском, из сразу заметила тучу, поднимавшуюся с юго-запада. Темная, с лиловым оттенком, она медленно выползала из-за горизонта, в ней ворчал глухой гром. Софья Николаевна заспешила домой. Шла быстро, легко, казалось, несла свое тело, но правая нога... она подтаскивала ее. «Это у меня от недостаточной деятельности сердца», - успокаивала догадкой, оглядываясь на надвигающуюся тучу.

И вспомнилось ей заветное. Это заветное постоянно с ней. Как молода она была тогда! Вела четвертый класс, была пионерской вожатой и с гордостью носила пионерский галстук.

Соседский паренек, Петр Роскляков, ходил к ней заниматься арифметикой и русским языком; Был он по-деревенски неловок, застенчив, но постоянное общение с учительницей у нее дома сдружило их. Он ей даже нравился своим упорством, желанием узнать что-то новое, поскорее прочитать рекомендованную книжку, потом вместе обсудить прочитанное...

Однажды Петр вызвался проводить учительницу за дальний лес, на полянку, где, по его словам, клубники - видимо-невидимо, как насыпало!

Здесь, на светлой полянке, он сказал, что давно любит свою учительницу, что не мыслят жизни без нее.

- Глупости говорите, Петр! - сурово оборвала она. - На желаю и слушать!

Идеал Сони тогда был не таков. Должна же она встретить его! Тогда и придет любовь...

В те дни на западе страны уже полыхала война, Великая, Отечественная. Парень, простившись со своей безвзаимной любовью, ушел на фронт, и тогда к Соне пришла большая любовь к Петру Росклякову. Она писала ему письма, обещая ждать, любить всю жизнь. Только письма ее оставались без ответа: Петр канул в безыизвестность.

...По земле, по траве, во деревьях пробежал ветер, ударил гром, пошел, крупный дождь. Софья Николаевна пошла медленно, не пытаясь где-нибудь укрыться.

«Пришла бы сейчас домой, а он сидит возле дома и ждет меня... "Разве на может, быть такого чуда?» - улыбается своей до смешного несбыточной мечте, не замечая! дождя, не пугаясь ни молний, ни грома.

К дому подходила до ниточки мокрая. Дождь перестал, укатилась туча, задел лишь одним - своим крылом. На небе вспыхнула, яркая, сочная радуга. Босоногие ребятишки плескались в луже крича:

- Радуга-дуга воду пьет... |

Напейся, не облейся,

Нам-воды оставь...

Груша-телятница вывела свое, несмышленное стадо из укрытия на лужайку: «Идите, милые, погуляйте, - экая благодать!». Доярки у фермы брякали флягами, собираясь на вечернюю дойку. За рекой в тальничке пересвистывались птички... Все живое радовалось!

Радуга-дуга. Чудо природы, радость жизни. В каплях дождя, на листьях деревьев, на траве, сняли маленькие радуги - отражение небесной. И сколько бы раз ни видел подобное, не удивиться нельзя!

«Пусть всем будет счастье, а я как-нибудь», - подумалось Софье Николаевне, когда входила в двери своего дома.

// Советское Зауралье. – 1972. – 1 мая. - №103. – С. 4.

Есть фотография в музее

Очерк

Шурка торопился до восхода солнца разыскать старую Гнедуху: дальше Глубокой ямки она не уходит обычно. С обрудью в руках бежал трусцой по росистому выгону, и не дорогой, а целиком, чтоб сократить путь. Босые ноги обжигала роса, но скоро Шурка притерпелся.

Сейчас он впряжет Гнедуху в конные грабли, которые без дела стоят возле кузницы. Сделает это он на свой страх и риск: он ведь пытался по-хорошему договориться с бригадиром теткой Марьей, а она как пошла отчитывать!..

- Горе-помощнички. Даны вам в руки деревянные грабли, ими и орудуйте! Не выдумывайте, что не скисло! Свалишься под грабли, кому отвечать?

Подумаешь, сложное дело - управлять конными граблями, подымать да опускать рычаг! Ребята его возраста фронтовой полосы не на такие дела идут! Он бы тоже там кое-что смог, да фронт далеко...

Сено ребята убирают для фронтовых лошадей - об этом им сказала сама тетка Марья по секрету. Потом сено спрессуют в тюки и отправят. Там, на фронте, есть и их, колхозные, лошади - он помнит, как их отправляли.

Привели в правленческую ограду восемь самых лучших лошадей. Незнакомый человек в военной форме зашел в дом, и пока он там был, собрались провожающие. Кони будто чуяли дальний путь — вели себя смирно. Только вороной Кулажонок не стоял спокойно: прижимал уши, косил глазами, пританцовывал и норовил затеять драку с буланым Залетной.

- Не балуй, не балуй, - ласково уговаривал его конюх дедушка Семен. - В кавалерию служить пойдешь...

- А куда пойдет Залетка? - выкрикнул Шурка.

- Залетка? Знамо дело - тоже в кавалерию.

Тут в разговор вступили и остальные провожающие. Ветерка тоже в кавалерию определили, гнедую кобылицу - кухню возить назначили. Паре серых - боеприпасы доставлять, а где и пушку подтянуть... Только бабушка Степанида не включалась в разговор. Опираясь на клюку, она покачивала - седой головой и все твердила:

- Ах, кони-комани, лошадушки наши...

Теперь коней в колхозе - раз-два и обчелся. Бычки да коровы заменили их. Смех и слезы! Попробуй, запряги такую животину в сенокосилку или в те же железные грабли, Да в такую жару, какая стоит днями!

То ли Шурка замечтался, то ли туман, качающийся перед глазами, сбил его с направления.

- Вправо забрал от ямки, - решил Шурка и остановился. Луч солнца в эту минуту ударил по туману, рассек его. Стреноженная Гнедуха стояла почти рядом, опустив голову, она спала.

... Кузнец Иван Захарович ничуть не удивился. когда Шурка привел лошадь к кузнице и стал запрягать в грабли.

- Чо, парень, попробовать хочешь?

- Надо успевать, дядя Иван, пока стоит ведро, - по-взрослому ответил Шурка.

- Понятно. Дай-ка помогу тебе. И хомут, и седелко, и вожжи - все раздобыл... И уж позавтракал?

- Позавтракаю там, - махнул Шурка в сторону луга. - Там ягод полно...

- Ягоды, брат, сладки, да не больно сытны, - кишка за кишку будет задевать. Да ты и босиком, чо так?

- Тятины сапоги хотел надеть, да пожалел - истреплю, а он с войны придет, и обувь нечего будет.

- Понятно, - опять утвердил Иван Захарович. - Я, парень, пожалуй, поеду с тобой. Загона два вместе уберем, а как свыкнешься с делом — один будешь робить... Пстой, у меня с собой еда есть, заправься немножко.

Иван Захарович вынес из кузницы бутылку молока, лепешку картофельную напополам с травой-колосянкой. Шурка присел на порог кузницы, захрустел темной поджаренной корочкой, запивая парным молоком. И казалось Шурке, что нет на свете еды вкуснее этой!

Ехали луговой дорожкой: Шурка верхом на Гнедухе, Иван Захарович на сдвиге граблей. Солнце медленно всходило, посылая на землю яркие, горячие лучи. Туман пустился в бегство, роса на кустах, на траве засверкала жемчугом, птицы запели на разные голоса, луговые цветы поворачивали свои головки навстречу...

Третий год идет война. Летят в деревню похоронки, льют бабы слезы. Уж не их ли слезами полнит Тобол свои воды? Каждую десну буйствует. Посшибал все строения с берега — ни одной бани не оставил. Хотел похозяйничать в сосновой роще, да не мог забраться на песчаную гряду. В гневе позвал на помощь ураган, и он рвал могучие сосны с корнем, бросал их верхушками в одну сторону рядами и друг на друга.

Натешился Тобол и успокоился. Сменил гнев на милость. Озера, углубления полны водой, рыбы в них — лови руками. В Тобол пришли невесть откуда судаки да лещ, не худо живут в полноводной реке шуки, налимы и прочая рыба. Обильно умываются росой вечерние и утренние зори — от тех рос наливается хлебный колос, все зеленеет, зреет и спеет. В другую пору радоваться бы да радоваться, но веселиться люди будут, когда прогремит час победы.

Иван Захарович собрал сено на одном загоне, больше Шурка ему не дал.

- Дайте, дядя Иван, сам буду. - Сел на сиденье граблей, уперся босыми ногами в упоры и пошел, да как пошел! - будто сроду этим делом только и занимался.

До прихода ребят на работу Шурка немало успел. Повеселели ребята:

- Чур, - объявила Настюшка, - сегодня не уйдем до вечерней зори, пока не сгребем все сено на участке.

Бригадир тетка Марья явилась и только руки развела:

- Ну и жук ты, Шурпа ну и жук!..

- Не жук, а молодец! - обиделась Настюшка за товарища.

- И то правда, молодец! - согласилась Марья, - Осторожней только, Шурка, не упади...

- Не бойсь, не упаду... - улыбался довольный Шурка.

- Шурк, Шурка!.. Устанешь, так дай я поработаю на граблях. Ладно, Шурк? - уговаривал друга Петька Луканин.

Послесловие

Есть в нашем колхозном музее стенд «Колхоз в годы войны». На том стенде есп фотография Шурки Менщикова на конных граблях. Впряжена в грабли толстобокая Гнедуха. Есть фотография и бригадира Марьи Михеевны, кузнеца Ивана Захаровича и кузницы. Спасибо учителю Геннадию Ивановичу Яковлеву: он тогда только что вернулся с фронта по ранению и сделал эти фотографии.

В моем рассказе, может, найдутся неточности, но от правды жизни отступления нет. Знаю, что во многих пионерских отрядах проводятся опросы на тему: «Что ты сделал в свои четырнадцать лет?». Свидетельствую: сельские ребята военного времени многое сделали для победы над врагам нашей Родины. Честь и хвала им!

// Советское Зауралье. - 1972. - №141. - 17 июня. - С.2.

Рассказы для детей

Трофимка

Соседка тетя Тамара, подарила Лариске серого кролика. Был он так мал, что помещался в небольшой коробочке. Когда кролика пустили на пол, кот Фома подумал, что это мышь, и стал подкрадываться.

- Не смей, Фомка, - это тебе не мышь!.. Это... это... - Лариска посадила кролика назад в коробку. «Как назвать бы кролика?» - задумалась Лариска. А кролик не хотел больше сидеть в коробке, скреб лапками, возился. Затрещала, коробка: тр... тр... Тут и имя кролику подсказалось: Трофим. Трофимка!

Стала Лариска для Трофимки и мамой, и няней. Даст ему морковку - с аппетитом хрумкает, даст листок капусты - пожалуйста, травки принесет с улицы - с удовольствием. Зато и рос Трофимка не по дням, а по часам.

Трудно было подружить Трофимку с Фомой, но и этого добились Лариска: спать друзья стали вместе, молоко пить из одного блюдца, гуляют по всем комнатам вместе.

Только бабушка Варвара не совсем довольна Трофимкой, даже прозвище ему дала - «Покати горошек», потому что, где ни посидит Трофимка, там и оставит после себя черный горошек.

Время мчится, летит, и не заметили, как Трофимка стал большим кролом, а Лариске скоро в школу, она уже записана в первый класс. Ей уж портфель купили, и форменное платье с фартуком висит в шифоньере.

Поехала Лариска к деду в деревню, взяла с собой Трофимку: « Попрошу дедушку, пусть у него поживет Трофимка, пока я кончаю первый класс».

Каштанкина жизнь

Каштанка - куцая, коротколапая собачонка. Уши чуть не до земли - начнет ими хлопать, как из пугача стреляет: разлетайтесь, мухи, комары, не приставайте! Какой породы Каштанка, трудно определить: дворняжка - не дворняжка, спаниель - не спаниель.

Живет Каштанка у дяди Степана давно, - подобрал он ее где-то слепым маленьким щенком. Свои собачьи обязанности Каштанка выполняет исправно, есть у нее свой радости и горести.

Иногда Каштанка заходит в дом, на кухню, чтоб поесть. В горницу никогда не заходит - дескать, нечего мне делать в ваших горницах, не собачье дело в горницах прохлаждаться!

Сидит дядя Степан в горнице, газету читает.

- Иди сюда, Каштанка, - позовет. Каштанка подойдет к порогу и стыдливо так потупится, хлопнет ушами, а порог ни за что не переступит. Поест на кухне каши или похлебки - что дадут, и на улицу: надо проверить, не зашла ли какая курица в огород, нет ли где на грядках мыши-вредителя. Обошла все грядки, все проверила и улеглась возле крыльца, чтоб голос подать, если незнакомый кто из людей в ограду зайдет.

Соберется дядя Степан съездить на дальнее озеро, карасей раздобыть на уху, выведет из-под крыши мотороллер. Забеспокоится Каштанка: возьмет или не возьмет хозяин с собой?

- Собаку с собой не беру, - скажет дядя Степан. Закручинится Каштанка, обидится, - отойдет в сторону, ляжет в чуть не плачет...

Ну, уж если скажет хозяин; «Едем вместе!» - запрыгает Каштанка, засуетится. А потом усядется на мотороллер в ногах у хозяина, и помчится за деревню, за околицу с ветерком!

Вот и озеро. Спрыгнула Каштанка с мотороллера и бултых в воду, купается, плавает, а потом по кустам, по зарослям шныряет - где птичку вспугнет, где мышь поймает. Радуетя Каштанка и думает свою собачью думу: «Хорошо жить на белом свете!».

// Советское Зауралье. - 1972. - №243. - 15 окт. - С.3.

Марфины рассказы

Не обижайтесь, дети!

Утром воротилась я с ночного дежурства - печь затопила, завтрак готовлю. Поторапливаюсь: трех телочек ночью приняла, и все три, как одна, беленькие с темными пестринками... Позавтракаю, думаю и сбегаю еще на ферму, как там они?..

Заходит в избу соседка, Настасья Кузьмовна. Прошла в передний угол, села на лавку. Вижу, человек в каком-то раздумье.

- Ночь сегодня не спала: одна дума другую гонит, - неторопливо начала Настасья. — Всю свою жизнь перебрала не только по годам, — по дням, и вот какая притча выходит: ехали мы ехали с тяжелым возом в гору на базар, а теперь на всем прыску с базара гоним. Да когда же мы на базаре-то были?..

У нас с Настасьей доля одна: вместе молодость проводили, в один год замуж выходили, и похоронные на мужей в одно время получили... Вдовья жизнь не шибко сладка - у Настасьи на руках трое детей осталось, у меня - двое...

Как там ни было, а детей вырастили, в люди вывели. Да детки-то, разлетелись в разные стороны!.. Сидим теперь с Настасьей на пустых гнездах, как застаревшие курицы-паруны. На печи, конечно, не лежим пока, хотя пенсию получаем, а еще работаем подменными на ферме.

- На твою притчу не сразу ответишь, Кузьмовна. Ты говори-ка без загадок!

- От сына Василия письмо сурьезное получила, - продолжает Настасья. - Велит непременно избу продавать, живность, какая есть, уничтожить и к нему в город на жительство переезжать. Детишки у него малые - один в школу ходит, другой в садик. Бабушкин догляд не будет липшим.

- Дело хозяйское, - отвечаю, - поезжай, надо дак...

- А ты почему не едешь? Тебя тоже зовет Иван, и Анюта приглашает! - напустилась на меня Настасья.

- Не еду и не поеду. Интересу нет в городской квартире, в четырех стенах сидеть. Может, сейчас только жизнь во всей красе и открылась мне? Пусть не гневаются и не обижаются дети...

Замолчала Настасья. И я молчу, шурую ухватом в печке.

Ушла соседка, а притчу мне оставила. Теперь, когда чуть не поспится, перебираю и я жизнь свою, - ищу свой «базарный день». И все равно каждую утреннюю зорьку встречаю с радостью - жалею каждый уходящий день...

Про картошку

Не глянется мне картошка, какую в колхозе у нас выращиваем: урожайная она, но невкусная. «Красноглазкой» мы ее называем.

Набрала я полное ведро своей картошки, которую выращиваю много лет на личном огороде, и к главному агроному, Николаю Петровичу, явилась на квартиру.

- Я к вам насчет картошки дров поджарить, - смеюсь. - Определите, какого сорта эта картошка?

Взял он в руки одну картофелину, рассматривает: а она гладкая, продолговатая, чуть плоская, все глазки в одном месте собраны.

- По-моему, - говорит, - это «корневская».

- Нет, Николай Петрович, это «лорх». Чистейший «лорх»! Наградил меня этой картошкой старичок-профессор, который в войну эвакуирован был в нашу деревню. Около избенки, в которой жил, был у него огородик, и колдовал он там над каждым кустом картошки да все что-то записывал в книжку. Мне он принес пригоршни срезок: «Посади, говорит, Марфуша, для расплоду, — не покаешься!». Нынче у меня этого «лорха» полный голбеец!

Хвастаю перед агрономом картошкой, а сама жду: не скажет ли, чтоб передала её на семена в колхоз? А он молчит. Стесняется, что ли?

- Да, говорит Николай Петрович. - Что было бы в войну, если бы не картошка! Спасительницей она была нашей...

Разговорились. Много интересного он рассказал про картошку и, между прочим, как ее в старину насильно заставляли выращивать, а жители нашей деревни завезенную семенную картошку будто бы в Тобол свалили.

Тут и я вспомнила свою прабабушку Степаниду - старушка так и умерла, не отведав картошки! Проклинала ее, «чертовым яблочком» называла. Картинка в нашей семье долго на стене висела: на той картинке девица, с блюдом дымящейся картошки была нарисована и подпись: «Матрешка, вкусна жареная картошка?».

Оставила я ведро картошки у Николая Петровича: пусть покушает, может, понравится? Уж за скобу дверей взялась, уходить надо. И все же отважилась.

- Если не против вы «лорха», дак по весне заберите у меня картошку на семена. Гектара два ей засадится, а может, и больше.

На том и расстались.

Развилка в поле

Прежде на Новый год деревенские девушки любили про женихов погадать. Теперь такое за девчатами не водится, и правильно, может быть...

Вздумали мы с подружкой в новогоднюю ночь подальше от деревни убежать, чтоб никто не мешал гадать. Было нам уж лет по семнадцать. Взялись за руки и бежим: мороз - нипочем! Полушубки теплые, валенки на ногах тоже. Бор миновали, выбежали на равнину, и так нам весело да интересно! От главной дороги две дорожки в разные стороны - это и есть развилка. Запыхались, даже жарко стало...

Луна с неба - светит в полную силу. По заснеженной долине тени плывут. Кой-где снег искрами сверкает. Тишина, жутковато - не но себе что-то стало...

- Давай скорее кружиться! – говорит подружка. Зажмурились - кружимся и падаем на дорогу. До трех раз надо. В которую сторону головой будешь падать, в ту сторону и замуж пойдешь.

В третий раз как упали, слышим - топот по земле и вой как бы собачий. Вскочили на ноги, а напересек главной дорожки мчится стая волков. Заметил нас матерый вожак, присел на землю, поднял морду вверх и опять завыл, а остальные вокруг его подвывают.

Подружка бросилась бежать, я поймала ее: «Не надо, Настя! Только не бежать, а шагом... шагом пойдём, будто не боимся их». Ужас!.. Кровь в жилах застыла, а стая все на одном месте...

И вдруг... спасение! От бора мчатся верховые. Видно, услышали в деревне люди волчий вой и выехали, чтоб пугнуть стаю.

- Смотрите-ка, это же наши девки! Куда вас черт носил, такие-сякие? - хохочут мужики. А волчьей стаи как не бывало...

С тех пор мы с Настей не гадали про женихов. Да в тот год обе замуж вышли: наши-то суженые как раз и были в числе спасителей.

// Советское Зауралье. - 1973. - №35. - 10 февр. - С.4.

Чем богаты, тем и рады

Почти рассказ

Всему свое время, говорит народ: в зазимье Варвара мосты мостит, Савва гвозди вострит, а Микола приколачивает. А Спиридон-солнцеворот - солнышко на лето, зиму на мороз поворачивает. Тут как тут и Новый год - средизимью ворота открывает...

В зале Курганского культпросветучилища последняя репетиция. Сижу, слушаю - любо! Смотрю, как вьется хоровод, и вдруг слышу: старинная круговая-игральная:

*Ходит царь
Вкруг Нова Города,
Ищет царь Царевну свою,
Королевну свою.
Где вы видали,
Где вы слышали Царевну мою?..*

И музыка, и голоса слились в единое. Чудится поляна в лесу и хоровод берендеев вкруг пушистой сосны. Голос будто Артемки, сверстника своего, слышу:

*Э-вон она,
Саревна твоя...*

Так по-нашенски - «саревна». У нас так говорилось: «Сарь, сариса, рукависа»..

*Ты бери ее
За правую руку,
Ты веди ее
Во Новый Городок...*
Кончилась песня.

- Спасибо, - говорю, - Григорий Иванович, за песенку, уважили, утешили. Старую, забытую песню так оживили! Где Вы ее откопали?

Григорий Иванович Иванов-Балин, преподаватель училища, наш зауральский композитор, смотрит на меня, смеется:

- Запомнили, Варвара Степановна? От Вас же и записал я несколько песен - эта одна из них. Вам спасибо! Может, еще знаете какие песни интересные? Подарите...

- Может, и знаю, да сразу-то не вспомню. А если вспомню - берите, пожалуйста. Чем богаты - тем и рады.

// Советское Зауралье. - 1974. - 1 янв. - №1. - С. 4.

Ельнинская незабудка

*«Я, жизнь, тебя прошу:
Дай мне уменье
Счастливым быть от малости любой,
Родник увидеть — оценить течение,
Цветок найти — плениться красотой!».*

Кайсын Кулиев

Едва белый свет заглянул в окна, Гликерья Павловна, бывшая учительница, пенсионерка, волею судеб и своей собственной директор народного сельского краеведческого музея, была уже на ногах. Любила она эту пору. Отворила створку - утренняя свежесть обласкала лицо, шею, руки... Долго стояла у окна, прислушиваясь к звукам просыпающегося утра.

Звякнула щеколда соседней калитка. Парасковья Лебедева на работу пошла. Серединой улицы пастух Юрий Евгеньевич идет, сам с собой о чём то разговаривает, чему-то, удивляется, похмыкивает. Во дворе Мироновых затарахтел мотоцикл, где-то замычал телок... В комнате совсем развиднелось, и она взялась за работу.

Сегодня необходимо закончить перепечатывание солдатских писем с минувшей войны. Их сто семьдесят пять, сложенных либо как аптечные порошки, либо треугольником. Пожелтела, обветшала бумага, вот-вот расплзется и, может быть, не столько от времени, сколько от многократного прикосновения рук. Они же, эти письма, читаны-перечитаны, не раз слезами насквозь смочены...

И составит Гликерья Павловна из этих писем рукописную книгу. И будет в этой книге сто семьдесят пять страниц, на каждой - письмо не вернувшегося домой односельчанина, чье имя выведено на обелиске, установленном, в центре деревни. И никаких разъяснений к письмам, каждое само найдет дорогу к сердцу и все объяснит...

На очереди письма двух последних военных лет. Весточка Михаила Бородина датирована июлем 1944 года.

«... Получил ваше письмо, - пишет солдат родителям. - Как раз вышел из сильных боев со своим «максей». Стал читать письмо, и сердце не выдержало, заплакал. Винюсь. Поел и опять иду. Писать вам нет времени. Отец, ты знаешь все это сам. Пишите мне чаще, получишь от вас весточку, веселее становится. Тятя, ты спрашиваешь о друзьях, нас было девятнадцать, осталось двое...».

Печатает Гликерья Павловна медленно, не освоила еще по-настоящему пишущую машинку, приобретенную недавно. Закончив, передохнула, откинувшись на спинку стула. Следующее - от Ивана Никандровича Шагова, отца четверых детей. Пишет жене: «Ты спрашиваешь о моих делах. Какие у солдата дела? Бой да подготовка к бою. Среди своих товарищей я по возрасту старший, а по званию младший... Только бы не стать калекой... Пиши о себе, о

детях подробнее. Сходи в сельский совет, попроси, чтоб помогли тебе запасти сена для коровы и дров на зиму...»

Постучали в дверь. Соседка по квартире, Вера Спиридоновна, принесла, крынку молока и свежесдобитый калач.

- Костенька карасей наловил, - сообщила. - К обеду пожарим. Не опаздывайте к обеду!

- Обедайте без меня. Пойду в музей, посмотрю, как дела у моих дежурных, и зайду к Марье Ивановне, отнесу письмо - просияла. Оно у ней единственное...

- Письмо-то от кого? От Василия Мартынова?

- От него, - ответила Гликерья Павловна и отыскала треугольничек. Василий погиб на Смоленщине, под Ельней. В письме пишет своей Марьюшке, что шел лесом и видел много цветов. Сорвал незабудку и вложил ее в письмо. «Только наши сибирские незабудки, пишет, ярче и пахнут сильнее...»

- Сердце можно надорвать над этими письмами! Как Вы, Гликерья Павловна, только терпите? - Обе женщины, разом вздохнув, помолчали.

- А Марьюшка-то, - заговорила вдруг Вера Спиридоновна, - на старости лет сдурела: замуж выскочила. Встретила я ее недавно. «С законным браком» говорю. Смутилась до слез! «Не осуждай меня, Вера, - просит. - Переваляло уже за пятьдесят, а тоски не избыть. И горько, и обидно за жизнь свою, и шибко одиноко...»

Пришел к ней сосед, человек самостоятельный, Денис Софронович, и говорит: «Житье твое сиротское, Марья Ивановна, и я сирота, и мне живется худо. Переходи ко мне в дом на жительство, вдвоем будем, старость коротать». «Лучше ты ко мне приходи, Денис Софронович. А дом свой крестовой хоть продай, хоть так кому подари.

Вот так и сосватались. Для облегчения жизни и сошлись... Так рассказывала сама Марья.

- Пусть живут, осуждать не надо! Одной жить и плохо, и как-то страшно, — вздохнула Гликерья Павловна.

- Я не осуждаю, нет!.. Хоть до кого, доведись... «Из-за мужа жена хорошая. Как за мужа завалюсь, никого я не боюсь». Не нами еще сказано, справедливо сказано...

Солнце повернуло на закат, когда Гликерья Павловна возвращалась домой. Засиделась в гостях: пили чай со свежим клубничным вареньем, разговоры вели. Потом хозяйка попросила прочитать вслух письмо. А когда та закончила чтение, Марья Ивановна встала, открыла сундук и со дна его достала небольшую книжечку, перевязанную атласной голубой лентой. Раскрыла - на первой странице, прильнувши к ней, лежала засохшая незабудка.

Все трое - и Денис Софронович, и Марья Ивановна, и Гликерья Павловна как-то растерянно смотрели на цветок, будто неожиданно встретили человека, которого давно потеряли, но которого очень любили. Оцепенение длилось несколько минут... «Что, если попросить эту незабудку для музея? - мелькнула у Гликерьи Павловны мысль. - Какой бы это был замечательней экспонат!

Атласная подушечка под стеклом, а на ней - засохшая незабудка. Экспонат назвать «Ельнинская незабудка». Нет... нельзя... святотатство...».

С этим и домой пошла. Чтоб унять волнение, сделала порядочный круг и очутилась в березовой роще. Да и можно ли, скажите, отказать себе в удовольствии подышать свежим воздухом берез, увидеть синеву небес меж их ветвей, полюбоваться зеленью цветущих трав, услышать щебетанье птиц...

Нежнейший звук, как бы флейта заиграла, внезапно остановил ее. На ветке раскачивалась, птичка чуть больше обычной синицы. Зеленая грудка в золотистых крапинках. «Это иволга!» - узнала. Пташка выдала вдруг звучный аккорд и, тут же вспорхнув, улетела.

«Не любит показывать людям, - подумала Гликерья Павловна. - А встречу с ней народ считает счастьем, радостью. У меня и был сегодня счастливый день... Во вступлении к книге с солдатскими письмами я и напишу; об этом дне...».

// Советское Зауралье. - 1974. - 22 февр. - №45. - С. 4.

Мы ищем «натуру»

К 200-летию крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева

Туман времени скрывает от нас многие события. Мы благодарны тем, кто оставил письменные свидетельства о делах, давно минувших. Мы рады, что и народная память хранит многое. Собрать бы это многое, рассеянное по крупицам!

Настоящее неотделимо от прошлого, как и будущее не может быть без настоящего, - это все понимают, и поэтому так велик сейчас интерес к истории. В частности, к истории своего края: в школах и клубах, в колхозах и совхозах, на промышленных предприятиях создаются краеведческие уголки и даже музеи.

Двухсотлетней давности борьба крестьян за лучшую для себя жизнь привлекает к себе сейчас большое внимание. Нас, зауральцев, всегда восхищал образ вождя притобольских крестьян тех лет Семена Новгородова. Кто он, каков собой был, о чем думал, чего хотел?

Письменные источники сообщают, что Семен Андреевич Новгородов - крестьянин слободы Утятской, а народная память уточняет: крестьянин деревни Прединой, приписанной к слободе Утятской. И будто изба его стояла у самого осинника.

Известно, что задолго до выступления притобольских крестьян Семен Новгородов вел к тому подготовительную работу. Документы следствия по делу Семена Новгородова именуют его главным возмутителем». После того, как крестьяне потерпели поражение и когда началась расправа над ними, Новгородов укрылся в полевой избушке, где и был взят, закован в кандалы и отправлен на вечное поселение.

А в деревне Утятской издавна бытовала щемяще-тоскливая песня:

Прощай, сторонушка родная...

Прощайте, милые друзья...

Первые строки куплета выводил обычно высокий голос, более низкие голоса вступали со второго:

Благославляй-ка, мать родная,

Навек в Сибирь сошлют меня.

Пели эту песню всегда почему-то одни мужчины. Летописец сообщает, что правой рукой атамана Новгородова был отставной солдат Федор Завьялов: «Новгородов и Завьялов зазывали крестьян к себе в избу и склоняли их к мятежу». Южный край Утятского и сейчас называется - Завьялов край. Чуть на отшибе заметно место, где был двор Завьяловых. Отсюда открывается пологий берег речной поймы, где лагерем стоял пятитысячный отряд крестьян. Новгородов и Завьялов думали дать здесь бой противнику, но вся артиллерия была потеряна в сражениях возле деревень Пуховой и Иковской.

Молва передает: «Другое дело, не было у них знамя. Не успели изготовить его. Завьяловы-то бабы пряльи да ткальи, какой хочешь узор выведут. И кросна на ходу, да вокруг пальчика такое дело не обведешь. Опять же не знали, то ли спасителя надо на знамя выкладывать, то ли даря...

Так не чо и не получилось. Без знамя кака война!»

В то время в слободе Утятской было две церкви. Одна старая, деревянная, другая новая, каменная. Многие старожилы и сейчас помнят плиты в ограде старой церкви, на них было написано, кто из служителей церкви схоронен в ограде. Любопытно нам было узнать, не там ли похоронены дьячок Гаврила Соколов и пономарь Федор Рудаков, которые зачитывали грамоту-обращение Пугачева к народу?

«Созывал народ на площадь колокол, только что поднятый на колокольню. Звук его во все стороны верст на десять шел, а по реке катил аж до самой слободы Курганской. Колокол-то был не простой, а «Самсон» (почему «Самсон», объяснить затрудняемся. - В. И.)

Чтобы доходчивее рассказать народу, что было и как было в ту яркую дружную весну 1774 года, мы решили в своем музее иметь наглядность - картину.

Надо, однако, сказать, кто мы. Мы - это старшие школьники Утятской школы Притобольного района, их учителя и взрослое население села. Назвать всех поименно не представляется возможным.

В первую очередь нам потребовался художник. Наш местный художник Федор Иванович Вотин, не в упрек ему сказано, отказался писать такую картину. «Фантазеры! - сказал он. - Как я могу изобразить на полотне звук колокола? Увольте...».

Послали гонца в бывшую «слободу Курганскую», ныне областной центр город Курган, искать художника. Такой нашелся. Взялся за это дело сам патриарх областного отделения Союза художников Валериан Федорович Илюшин.

Провели мы Валериана Федоровича по всем памятным нашим местам, связанным с крестьянкой войной, и остановились на площади возле церкви. Смотрит художник на церковные кресты, на синее небо с белыми облачками, на сосновый бор за церковью, на стаю галок и голубей вьющихся над колокольней.

- Как вы думаете, - спрашивает нас, - таким ли было небо двести лет назад? Голубел ли бор тогда? Может, галок тогда не было?

Мы поняли шутку Валериана Федоровича.

- Не должно, - говорим, быть особых изменений в природе.

Приступил к работе Валериан Федорович. Пишет «натуру» (эскизы). Чуем, задачку мы задали художнику непростую: не дышим, мешать боимся.

Идет время. Обращается опять к нам художник.

- Нужен, говорит, «типаж», то есть типы людей. С кого, например, писать атамана Семена Новгородова? Каким он был?

- Красивым! - пискнул девчоночий голосок. Смелым! Мужественным! Справедливым! Он же за крестьян стоял - говорят вразнобой и хором ребята.

Начали примерять - похожи ли мы внешне на наших прапрадедов? Посчитали: как будто являемся мы пятым поколением, Не ахти как далеко ушли!

- Семена Новгородова надо писать с Алексея Михайловича Баженова, - предложил кто-то из взрослых. - Герой минувшей войны. И рост, и осанка - все подходит. Только бороды нет, а двести лет назад все мужики бороды носили...

- Бороду подрисуем, не беда, успокоил художник.

- Пономаря Рудакова, читающего пугачевскую грамоту народу, можно написать с дедушки Петра Николаевича Луконина. Хорош дед! – опять предложение.

- Не пойдет, нельзя! – не соглашаются другие. - Дедушка-то Петро - герой Цусимского сражения, бомбардиром на броненосце был, а мы его в пономаря заделаем. Что он нам за это скажет?

Решили пономаря писать с камышинского старика, который все с псалтырем ходит, да молится, а дедушка Петр Лунонин, бывший бомбардир, будет на картине хлеб-соль подносить атаману Новгородову и его войску.

Женщины тоже должны быть на картине. Не такой человек Семен Новгородов, чтобы запретить женщинам присутствовать, где будет торжественно зачитываться «царская» грамота! И поставил на картину художник тетку Орину Пухову да тетку Офонасью Бубнову да солдатскую вдову Оксинью Макарову. В костюмы, понятно, в соответствующие тому времени их нарядили. Две тетки, как тетки, уж немолодые, а Оксинья Макарова – раскрасавица. Были же в ту пору красавицы, надо ж правды держаться, оберегать ее!

Славная получилась картина. Висит она в Утятском сельском музее, и приходят к ней люди, вспоминают героическое прошлое своей деревни.

// Советское Зауралье. – 1974. – 10 апр. – № 84. – С. 4.



Картина В. Ф. Ильюшина "Пугачевцы в Утятском"

Ода сосновой роще

Рощи... Рощицы... Березовые, сосновые - спутницы селений, украшение, земли, любовь и радость людская.

«Вот она, милая роща» - поется в одной песне. В другой: «Возле рощицы дорожка торная». Или еще:, «Пойду я в рощу, разгуляюсь».... Впрочем, всех песен про рощи не перепеть и не переслушать.

Люди рощи растят, садят новые. Кто же сажал нашу сосновую рощу, что заслонила деревню от ветров, бурь, вьюг, и метелей? Уж не первые ли поселенцы Луканины да Потанины, Тюкачевы, Чукомины да Потоскуевы, облюбовавшие это местечко возле Тобола лет триста назад?

Ночью роща подходит к деревне совсем близко, к самым огородам. Выйдешь на крыльцо и слушаешь рощу, а она будто поднялась на, цыпочки - слушает звезды. Если ночь тихая, а хвоя на соснах шумит - жди непогодушку. Роща, она что твой барометр!

Невелика наша роща. Южный край ее густ и овеян таинственностью. Сюда иной раз и косуля забредет с детенышем, и зайчишка притулится. Бывало, и волк-похитник здесь в чаще прятался. Во мшистом ложе довольно маслят, рыжиков, сухих груздей. Старые да немощные люди сроду себя на зиму груздями обеспечивают из этого ложка: не тащиться же им в дальний лес!

Серединная часть рощи просторная, веселая. Едва сошел снег - бегут ребятишки за фиалками, незабудками. Зацвела сосна - угощаются ребятишки «крупянками» да «свечками» с сосен. Ешьте их на здоровье! Тут вскоре - и земляника покраснеет: ходи, каждый день с чашкой, бери ароматные ягоды к обеду. Хороши они с молоком!..

В серединной части рощи каждый год, после окончания сева праздник-гулянье справляется. Настоящего имени празднику еще не дано: кто называет его «бороздой»! а кто «веснянками». Весельем, песнями, играми напоминают «веснянки» старинный девичий весенний праздник «семик», только куда размашистее! Для «семика» прежде, как бы нарочком, росла в бору, группа березок, а сейчас их не стало. Идут, бырало, девчата и парни к березкам с гармошкой, с балалайкой, поют:

Семик наш честной,

Семик праведной...

Не печалуйтесь, сосенки:

Мы не к вам идем,

Мы не вас завьем

Радуйтесь, белые березки:

Мы к вам идем,

Мы венки завьем...

Северному краю рощи особую хвалу надо бы воздать. Когда-то в этой части леса была больница, славилась она широко. Густой сосновый лес, озон помогали здесь лечить больных. Сейчас на базе бывшей- больницы - детский санаторий. Один из первых врачей бывшей больницы Николай Константинович Сосунав (светлая о нем память хранится) насадил среди сосен

ели, пополнил рощу тополями и даже черемухой, и это дополнение хорошо ужилося с соснами. В наши дни сильно поредел северный край рощи.

Чуть ближе к середине рощи нельзя не заметить несколько гибнущих деревьев, и каждому ясно почему сохнут они: по чьему-то недоразумению загорожен среди сосен загон для животных (не нашлось другого места).

Вот и все, что хотелось сказать о нашей сосновой роще, добавив, что во все времена года роща хороша. Единой жизнью живет она не один век с людьми и служит им.

Передо мной письмо человека, который давно покинул наше село. «Поклонитесь за меня роще, будьте великодушны», — пишет он мне.

Впрочем, он ли один из тех, кто когда-то покинул родные места, но грустит, тоскует по перелескам, лесным и полевым тропинкам?

// Советское Зауралье. - 1974. - 1 мая. - №102. - С. 4.



Утятский бор

Прогулка вдвоем

«Что в людях бытует, то нас не минует».

Уехал сын - был и нет его, как во сне приснился. Встречать сына любо-весело, а провожать каково?! Который год парень мыкается: то нефть искали, то газ, а теперь открывается дело еще интереснее, и он туда. Ни семьи, ни пристанища, а парню двадцать седьмой год пошел.

- Еще, мама, маленько покружаю по белу свету и вернусь насовсем, - обещал матери, поглаживая ее по плечам. Руки у Алексея большие, жесткие, все умеют, за все берутся смело. Дома без дела ни минуты, и соседям найдет время удружить. Нынче В отпуск помог завалившийся колодец восстановить, палисадник отремонтировал...

И вот Анна Егоровна и Иван Терентьевич опять одни - две головки, которые вместе курятся, а порознь, кто знает, как было бы... Иван Терентьевич с утра пораньше укрылся в гараже, позвякивает какими-то железками. Анна Егоровна по хозяйству, да дело-то из рук валится, по поговорке - ни в сноп, ни в горсть. Иван всю ночь метался, наверное, опять мучил сон фронтовой... Поутру решили съездить на ту «высоту», которая на войне ему грезилась и сегодня опять снилась.

Подошла к гаражу, отворила дверь:

- Ваня, самовар на столе, иди пей чай...

Придерживаясь за косяки, появился в проеме муж. Ног нет выше колен и левой кисти руки тоже нет. А лицо красиво. Красиво не тем, что правильны черты его, а каким-то внутренним озарением, говорящим, что человек прошел через страдания, выдержал, их и не сдался.

- Чай пить, не дрова рубить, - отшутился Иван Терентьевич. - Пойдем вместе, выпьем по чашечке-другой.

- Пей, Ваня, один, мне не хочется.

- И мне не очень хочется... Будем собираться в путь. Там на вершине, на Бабьем бугре и вскипятим чай...

Кроме всяких обязанностей по хозяйству, Анна Егоровна у мужа своего еще и личный шофер.

Корит себя Анна Егоровна в одном: когда привезли из госпиталя Ивана ни живого, ни мертвого, не смогла заставить его научиться ходить на протезах. Что-то надо было у них подправить, переделать, да никто не сумел этого. Валяются в сусеке, прикрытые половичком. А свои резвые ноженьки и кисть руки оставил солдат Иван Званцов на берегу Днепра...

Опять же : суди так, суди и этак - Ивана надо было тогда вернуть к жизни, отогреть душу. На уме у него было одно: «Зачем я нужен людям, лучше помереть». Машина да матушка-природа помогли лечить недуг, а тут, к счастью, Алешка народился, и оттаял Иван Званцов.

До Бабьего бугра километров двадцать, едут берегом.. Управляет машиной Анна Егоровна - платок с головы упал на плечи, сама вся какая-то собранная, хоть и невелика росточком, а коренастая и будто даже

помолодевшая. Иван Терентьевич высунулся в окно, не налюбуется окрест лежащим - то заводью, то лукой, то озеринкой - и только постанывает от восхищения: «Ах, ты, господи... Благодать какая!.. Глядел бы вечно... Что-то не вижу я Бабьего бугра, а он должен уж видеться?..».

Бывальщина

- Марево закрывает даль... Скоро окажется, - успокаивает жена.

Бабий бугор (бугры местное название курганов) отметинка на земле любопытная. У подножия его два озера Бабье и Чистое.

Как богатырский шлем с вмятиной на верхушке-макушке, лежит на земле Бабий бугор, и про него, про озера Бабье и Чистое сказаны на возу не увезти.

Захоронена под бугром волшебница. Колдовством-волшебством держала она в своем подчинении много людей. В урочный час выходит баба из-под бугра и купается в своем Бабьем озере, а воды озера Чистого боится.

Досельна (по-нашему, первая поселенка на месте будущего-села) Олена Пентюрина видела бабу-волшебницу. Она навряде русалки. Олена страдала за бугром и пить захотела. Подошла к озеру. Идет, разывает руками камыш. Под ногами вода захлюпала, да мутная. Олена идет камышом, разывает его на ту и другую сторону и до середины стала доходить, а колдовка-то сидит на плоту, голову гребнем чешет. Сшибаркала Олена камышом, колдовка и оглянулась - глазищи, как два огня. Олена со страху поберестенела да бежать домой! Бежит - кричит, а что кричит, не понять. Помешалась со страху Олена, так дурочкой и доживала век. Давно это было, шибко давно, деды, не помнят. Только с тех пор, как какая девка закуролесит, матери перестанет слушаться, возьмет та ее за косу и начнет приговаривать: «Ах ты, полоумная. Олена Пентюрина досельная».

Видал бабу-волшебницу и Севастьян Калинович. Этот не Олене Пентюриной чета - врать не будет. По молодости дело было. Завел Савоська зазнобушку в соседней деревне. Семь верст - не околица; как сорвется, так и туда. Поперся раз к зазнобушке напрямиком, через луг, мимо Бабьего озера. «Дай, думает, - Нарву любушке кувшинок». Разделся и в озеро. Только потянулся за желтой кувшинкой, а за руку его баба хватить:

- Что, - говорит, - добрый молодец, воровать мои кувшинки вздумал?

- Зачем воровать, так взять хочу, - не растерялся Савоська.

- Молодец. - говорит опять, - люблю ухватку. Пойдем я дам тебе кувшинок из чистого золота.

Он и пошел. Ночь-ноченьну таскала-волочила по камышам его колдовка. Очнулся утром на берегу весь в илу, в глине. Подхватил свои рубахи бегом в озеро Чистое - все колдовские чары разом смыл.

Хотел скрыть свои похождения с колдовкой Савоська, в деревне разве скроешь что-либо про себя! Посмеиваться стали над Савоськой и прозвище ему придумали «Савоська - грязный нос». За глаза посмеивались.

Под старость стал Савоська Севастьяном Калиновичем, в старостах стал ходить. Хорошо управлял делом, не обижал людей, врать зря не будем. Какой-нибудь забулдышка по пьяной лавочке иной раз и спросит у старосты:

- А чо, Севастьян Калинович, поди, живой крови в зубах у тебя не оставалось, как колдовка-то по камышам тебя волочила?

Усмехнется Севастьян, только скажет:

- Пустяки все это.

...Бабий бугор обозначился, когда наши путники доехали до свертка и стали спускаться с берега, да и то Иван Терентьевич не признал его:

- На бугре ветле быть, а где она?

- Нет ветлы, - подтвердила Анна Егоровна, взяла разгон и прямо на бугор... Глянь, гарцевал кто-то здесь! Туристы какие-нибудь. Костёр жгли - за чашей сходить не охота, вот и свалили ветлу. Закручинились оба.

- Не надо, Нюра, шибко огорчаться, - утешает Анну Иван. - Ветла та, может, от старости посохла, ну и срубили ее. Погляди, вот полешки совсем посохшие. Разгадывает полешки Иван Терентьевич и поднимает земли авторучку: точь-в-точь как у сына Алешеньки! Поглядела на ручку Анна Егоровна и заплакала. Стоит плачет, слезы бросает в разные стороны только одно выговаривая: «Как он мог, как он мог...»

Сели на комель поверженного столетнего дерева, сидят, молчат. Чтобы развеять неприятность, Иван вполголоса попытался запеть. «По Дону гуляет казак молодой, а девица плачет над быстрой рекой...». Да только же наделал: Анна Егоровна опять в слезы.

- Дорогая, золотая Нюрушка, не будем горевать. Мы с тобой посадим здесь новую, молодую ветлу. Будем часто к ней приезжать, поливать ее и вырастет она краше прежней. Алешке письмо напишем: так и так, какой-то оболтус срубил ветлу на Бабьем бугре. Очень мы огорчены были и решили посадить на месте погибшего дерева новое дерево...

Анна Егоровна пошла к машине доставать завтрак. В камышах Бабьего озера тревожно кричала утка, сзывая разбежавшихся утят.

// Советское Зауралье. - 1974. - 5 сент. - №208. - С.4.

Одолень-трава

Рассказ-быль

Трудной была третья военная зима. Голодная, холодная. Ждали весну: чем-нибудь да должна она взвеселить! Сперва полевым луком - хорошо его жарить. Потом молодой крапивой и щавелем - со сметанкой совсем хорошо!..

Весна пришла с большой водой и ураганом. Водой унесло все прясла-загородки, ураганом посрывало со многих изб крыши. Посевная затянулась: трактора больше стояли, чем работали. Пахали землю на быках, боронили на коровах. У Марийки корова прямо на полосе опросталась мертвым телком, у Анны стала доить кровью...

Да что перечислять-вспоминать все беды, которые в этот год так и сыпались, так и сыпались на людей! Чтоб их сроду не знали-не ведали наши дети, внури, правнуки и праправнуки!

Как бы там ни было, а добрый урожай обещался быть. В огородах наливались репка, морковь, цвела картошка. Подходил сенокос. Доведись увидеть еще раз такой, как в то лето, цветущий травостой!

Перед выходом на сенокосение надо было сдать народившийся от коров молодняк. Закон времени! Надо, чтобы бычок или телочка весом были не менее ста килограммов. Опять же - закону военного времени.

Васена всей семьей, раньше всех утром повела сдавать лобастого бычка Шустрика. Васенины дочки - десятилетняя Шурка и семилетняя Нюрочка - ревут, обнимают его, так привыкли к нему. Старший, двенадцатилетний Егор, держится, только носом хлюпает. А сама Васена улыбается. Вчера от мужа получила письмо - радости не спрятать! Целый год от Петра не было никаких вестей, а тут вдруг прилетел бумажный голубок-треугольничек. Пишет, был в таком месте, откуда нельзя слать письма. «Останусь жив, расскажу вам про кромешный ад - сказку невыдуманную». Просит Васену держаться за корову, не попускаться ею: будете, дескать, с молоком.

У Васены корова в теле, молока дает вволю. Ребятишки нальют молоком пузоньки и на какое-то время сыты. Васена свою корову никому не доверяет - работает на ней сама: где трудно, в оглобли вместе с ней впрягается.

Взвесили Шустрика: «Сто тридцать килограммов», - объявляет приемщик, сам предсовета Герасим. На войну Герасима не берут - негодный, ногу подтаскивает.

- Имеешь право, - объявляет Герасим, - накосить сена тринадцать центнеров. Косить можно в Утичьих или на пашне, на пустошах.

К весам подвела телочку Настасья Блохина, за ней выстроились веревочкой другие женщины с Зорьками, Буянами, Жданками...

Васена отвела Шустрика в загон, забрала своих ребят - отправились домой. Дала ребятам задание: кому за травой сходить для коровы, кому морковь на огороде прополоть. Разделила краюшку хлеба на части - каждому по кусочку, а молока пейте, кто сколь хочет, - и отправилась в поле выкосить заранее примеченную пустошку.

Идет полевой дорожкой босая (башмаки есть, да поберечь надо). Хочется думать Васене про счастье, которое придет, когда кончится война, когда придет домой Петр, а мысли сбиваются все на Настасью Блохину.

Когда-то, девичьим делом, Васена и Настя дружили, да на дорожке встал Петр Михайлов. Настя собралась было за него замуж, а он взял Васенку. Неужели все еще есть в сердце Насти занозка с того времени? Нет, поди. Мужа себе Настя выхватила не хуже Петра: ее Иван Блохин был бригадиром тракторного звена, секретарем партийной организации, уважаемым человеком в деревне. Одно плохо - не было у Блохиных детей, а без детей и семья не семья. Ушел Иван Блохин на войну из деревни первым, и первая похоронная пришла в деревню на Ивана Блохина...

Живет сейчас Настасья в одиночестве. Поди, нет на свете человека, который похвалил бы одинокую жизнь, не дай и не приведись она никому!

...Вот и заветная пустошка: несведущий человек подумал бы, что выколосилась рожь и вся в цвету...

- Ну и аржаник! - дивится Васена. - Как, сказки, кто посеял -стеной стоит!..

Зашла по уклону, куда чуть склонился пырей, наточила литовку, сделала прочес через всю пустошку. Задрожали руки-ноги: тяжелы сочные стебли. Уложила второй рядок - в глазах золотые огоньки закружились: это пырей-аржаник мельтешит золотыми тычинками, дурманит, истекая соком. Остановилась передохнуть.

- Помогай бог, Васена!

Подняла голову.

- Это ты, Настюша? - Опустились обе на скошенный рядок.

- Иду тоже где-нибудь начать, - говорит Настасья. - Вот что развели мы на пашне без мужиков! Еще неделя, и аржаник поспеет, обсеменит всю нашу пашню. Это же беда будет! Убрать, скосить его надо немедля, пока в цвету, да распорядиться об этом, видно, некому... Хватит разговоров, встаем... - вскинула! косу. - Я помогу тебе! двое не один! Вставай за мной...

И в самом деле, работа пошла веселее. Солнышко стало еще только спускаться за ближний лес, играть своими лучами между деревьев, а женщины уже закончили работу.

- Васенка, смотри, что я нашла! Белую звездочку. Уж не цветок ли этот волшебный цвет одолень-травы? Помнишь сказку о ней? Пошли в письме цветок этот Петру! Только не забудь и волшебные слова вставить: «Одолень-трава, одолей врага!...».

Глафира Ивановна

*Красотой Зауралье
Славится:
Что ни женщина,
То красавица!*

Л. Татьяничева

Пожаловала ко мне любя-гостыюшка Глафира Ивановна. Долго смотрим друг на друга давно не виделись.

- Ты все еще хороша, говорю ей.

- Обе хороши, лучше некуда! отмахивается она. Сказал же какой-то чудака-поэт: «Молодые красивы, а старые красивее».

Мы обе смеемся над «чудаком».

И вот на столе чай, ваза с засахаренной земляникой из Утятского бора и разговоры, разговоры... Нам есть о чем поговорить, что вспомнить - мы друзья детства и комсомольской нашей юности.

В четырнадцать лет мы работали в хозяйствах своих родителей наравне со взрослыми. У Глаши все получалось удачно, хорошо. На косьбе трав она не уступала парням - своим братьям, а моя литовка все тыкалась носом в землю. Пшеничный сноп из рук Глаши выходил полновесным, тугим, у меня - косматым, рыхлым. Я сманила Глашу в город - учиться на учительницу, а ей бы лучше на агронома: тосковала она по крестьянскому делу.

В девятнадцать лет стала Глаша учительницей и заведующей Коево-Казанцевской школой, стала Глафирой Ивановной. Легко вошла в жизнь этой деревни, и не обойтись ей без нее! Через год вышла замуж за местного крестьянского паренька Василия Предеина.

Деревня Конево-Казанцева (попросту Конева) видится с большой дороги, пересекающей степь, лишь крышами изб и домов, а зимой, когда кругом белым-бело, ее можно и не заметить потерять.

- Как там милая твоя Конева? Жива ли бабушка Федора Спиридоновна? Снится ли еще тебе твое председательство в колхозе в войну? - сыплю вопросы.

Глафира Ивановна неторопливо сообщает:

- Половины не осталось от Коневой. Переселились люди - кто в город, кто в Шмакову, на центральную усадьбу «Гиганта»...

На сто одиннадцатом году жизни и Федора Спиридоновна стала горожанкой, - увез сын в город. У ней ведь шесть сынов ходили на войну, домой вернулись трое...

У Глафиры Ивановны тоже не пришли с войны четверо близких и дорогих ей людей, в том числе и муж. Мгновенно вспыхнули в памяти все четверо: и тихий, добрый ее муж Вася, и совсем мальчик младший брат Веня, и средний брат с копной кудрей Павел, вспомнилось последнее письмо Осия к жене, оно было в стихах.

Победа скоро, победа будет!

И боль разлуки, и все страданья я позабуду»

С тобой лишь встречей доволен буду.

О, счастье встречи.

Лети ветрами, лети навстречу...

Эти строчки так запомнились своей искренностью, что и теперь, через столько лет, зазвучали во мне. Я не посмела прочитать их вслух: чего доброго, еще дрогнет голос, и не могу я поручиться за непрошеную слезу...

К осени сорок третьего года в Коневои остались одни женщины да дети. Оглянулись: мужчин, даже стариков нет! Некому отбить-наточить литовку, изладить топорище, поставить заvertку к розвальням. А похоронки идут и идут в деревню. Их пришло уже более сорока....

Женщины-колхозницы стали просить свою учительницу Глафиру Ивановну, чтоб возглавила колхоз, стала его председателем. Собрались на собрание.

- Я не могла отказаться, - вспоминает Глафира Ивановна. - Для чего я много лет была членом комсомола, являюсь членом партии? Трудно будет? На фронте труднее. Да и силу в себе я чувствовала большую в ту пору и готова была с радостью отдать ее всю.

Осень сорок третьего была ядерной, ведреной - убирали хлеб и сразу из-под веялки отвозили зерно на станцию за сорок километров, сдавали на элеватор. Возили на лошадях и на быках. На лошадях работали мальчишки-подростки Толя Плотников, Боря Лаврентьев, Саша Тюленев. Лошадь - не упрямый бык, на лошади легче, с быками маялись женщины...

Обоз отправлялся в путь обычно под вечер, чтоб к утру быть на месте. Чего не передумаешь за длинную дорогу, а дома одни ребятишки, из ума они нейдут...

У Глафиры Ивановны тоже двое детей. Младшему четыре года, старшей - девять. Братец Иванушка и сестрица Аленушка - так в шутку называла их мать. Как бы Аленушка опять не проглядела братца! Было уж такое: ушел малыш в поле маму искать - самого еле отыскали, искусанного комарами, изъеденного оводом.

И как ни хороша была осень, а покоя нет в душе людей, нет ее и в природе. Стаями летят гуси, лебеди, казарки, утки, какие-то мелкие пташки. Летят-торопятся, словно мечутся, оглашают воздух тоскливыми резкими криками. И в окрестных водоемах, камышах, болотах обосновалось много, невесть откуда переселившейся птицы. Березовые перелески, колки-осинники полны тоже живности. Табунами по 6-7 голов бродят по лесам по пашне косули, и близость людей их ничуть не пугает.

Бесконечно длинны и, как сажа, черны ночи глубокой. осени. Не спится хозяйке - надо уберечь, сохранить в загнетке печи искру огня... Зимние ночи еще длиннее: хорошо, хоть ребятишки спят и есть не просят. Вкус настоящего хлеба забыт - хлеб заменила картошка. Картошку пекут, варят, жарят, из нее стряпают пироги с рыбой, с грибами и даже с ягодами. Спасибо картошке - памятника достойна она...

Провожая Глафиру Ивановну домой, здоровья и Душевного покоя желаю. Еще прошу передать поклон ее товаркам, с которыми не уронили колхозного хозяйства в годы войны - давали фронту и хлеб, и мясо, и другие продукты.

- Редуют и паши ряды, - вздыхает Глафира Ивановна. - А какие труженицы были! Ну хоть бы такие, как Марья Власова, Ксения Ударцева, Евдокия Лаврентьева!

Пошла на пенсию Глафира Ивановна, когда ей уже было за шестьдесят. «Кабы болезнь не сокрушила меня, я бы не сдалась, — на что она мне, эта пенсия!..»

Подкатил автобус. Какой- то парень в шапке, надвинутой чуть на лоб, с длинными локонами, лежащими на воротнике модного пальто, помог Глафире Ивановне подняться на ступеньки автобуса и заботливо усадил на место.

Не разделяю я мнение некоторых своих ровесников насчет длинных волос и шапок, надвинутых на лоб у парней: я - за них!

// Советское Зауралье. - 1975. - 6 марта. - №55. - С.3.

Пирог с картофелем

Сельский этюд

Весна нынче шествует, как по-писаному: в Евдокию Плющиху - воробей воды напился, в Герасима Грачевника - грачи у своих гнезд хозяйничали, в день весеннего равноденствия, «грузди с неба сыпались» - снег шел.

Антонида Петровна отвела внучат в детский садик и возвращалась домой в добром духе. Под ногами чуть похрустывал ледок, образовавшийся кое-где за ночь, в воздухе стоял легкий туман, садился мелкими каплями на лицо, на руки, и было приятно его прикосновение.

Маленько замечталась Петровна - не заметила, как ноги сами свернули в проулок к площади, к Обелиску в память о солдатах, погибших в Великую войну. На Обелиске - новая мраморная скрижаль. Имена героев записаны золотыми буквами. Задержалась Петровна у скрижали: сорок четвертым здесь записан Пародеев Данил - ее свекор-батюшка, ниже, сорок пятым - вечная ее, печаль и любовь, супруг Пародеев, Осип. Свекор погиб в Брянских, лесах, а муж - на юго-западном направлении (так сказано в похоронной). Пусть хоть здесь, в родной деревне, отец и сын значатся вместе!

Снег у Обелиска еще не весь сошел, а кто-то по вытаявшей земле уже разбросал зерна пшеницы для птиц.

Всех погибших на войне односельчан, чьи имена здесь записаны, помнит, Антонида Петровна, словно вчера только виделась с ними, разговаривала, и они удивлялись, что сильно постарела Антонида, что волосы ее белее снега, что ростом, она стала будто меньше... А они - все семьдесят человек молодец к молодцу! Осип всех чаще является к ней во сне, только близко они никак не могут встретиться, он все уходит... Петровна твердо убеждена, что сон этот - "отражение действительности в их жизни и любви.

... В тридцать девятом году Осип был призван на действительную военную службу. Срок службы, уже подходил к концу, и вдруг - навалилась война! Танковая часть, в которой служил Осип, направилась на фронт. Эшелон следовал через Курган, об этом Осип сообщил жене. Указал даже день, когда эшелон будет на станции.

Тоня собралась в дорогу. Путь неблизок, но если даже пешком идти, то за ночь можно добраться. В подарок мужу испекла пирог с картофелем - он очень любит такие пироги. И пирог получился на славу, золотистая корочка его была такой аппетитной! Вечером из деревни в город шел обоз с хлебом, Тоня наладилась с ним.

Ехали медленно. Тяжелая кладь на телегах, разбитая ухабами и рытвинами дорога измотали лошадей. Старшин обоза, уже почти старик, Селиверст, жалея лошадей, всю дорогу шел, рядом, его помощники - подростки и женщины тоже не присели ни разу. Предстоящая встреча радовала Тоню. «Не надо только плакать, - рассуждала она сама с собой. — Буду рассказывать Осе про Юрочку, каким смышленным и умным растет наш сынок. Как он любит и ждет, своего папку. И мамонька здорова, пусть Ося не беспокоится, Тоня

никогда не огрубит ее словом, не даст в обиду другим. И самой ей работается хорошо, все время в ударницах состоит...». Так, думает Тоня, будет она разговаривать с мужем, чтобы было у него хорошо на душе.

Восток осветила полоска рассвета. Что-то у передней, подводы случилось - остановился весь обоз.

- Дадим передышку лошадям, - решил Селиверст. - До бугров доехали - до города, осталось десять верст.

- Я побегу! - сказала Тоня, сняв с воза свой узелок, Ее не стали удерживать. Десять километров Тоня летела, как на крыльях, не чувствуя усталости, не испытывая - страха одна в глухой-степи. К вокзалу подходила, когда утро уже занялось. Отыскав на перроне свободную скамью, опустилась на нее. Подошла женщина в холщовом фартуке с метлой ж руках:

- Антонида Пародеева не ты будешь? - спросила. - Дежурный по станции просил тебя, зайти к нему.

Едва Тоня поднялась, дежурный шел сам к ней:

- Два часа назад прошел воинский эшелон, в котором едет на фронт твой муж Осип Пародеев, - сказал. - Просил передать, тебе об этом. - К вокзалу подходил новый состав поезда, и дежурный поспешил к нему.

Тоня стояла, не чувствуя себя, не в состоянии все понять до конца! Ее бил озноб...

Отдуваясь и пыхтя, паровоз тащил состав вагонов. Лязгнули сцепления, поезд остановился. Открывались двери вагонов, выскакивали солдаты, может быть, тоже надеясь кого-нибудь из родных встретить. Тоня подошла к ближнему вагону.

- Товарищи солдаты, - обратилась - к курившим в тамбуре. - Возьмите подарок! Готовила его для мужа, да опоздала, уже проехал... Пожалуйста, возьмите, ешьте на здоровье... - Солдат протянул руки, взял пирог: «Спасибочко, сестрица, благодарствуем...».

Раздался свисток, поезд тронулся. И тут Тоня пришла в себя. Она глядела вслед уходящему поезду, и горько плакала...

Дом Пародеевых всеми шестью окнами смотрит весело в улицу. В дом ведут два крыльца: одно, через веранду, в боковушку Антонида Петровны, другое - в большую половину дома, где живет сын Юрий с семьей. Живут мать с сыном и вместе, и не вместе, но под одной крышей. Так многие нынче семьи живут. Так лучше: надо же быть в какое-то время самим собой...

Молодые работают, знают, что дома все в порядке. Дети присмотрены, домашний живность ухожена. У Петровны каждому делу свое время, она не из тех, которые говорят: «Придешь домой, не знаешь, за что хватиться».

Ограда возле дома тесовая, но легкая и тоже веселая. У маленькой калитки краснеет флажок: это школьники расцветили всю деревню к празднику, к тридцатилетию Победы.

Кто нынче будет в день Победы у Обелиска называть имена героев, сложивших головы за Родину святую? Нет Корнеича - ушел из жизни... Бывало

наденет свое солдатское одеяние, прицепит к гимнастерке медали за подвиги в войну на поле брани.

- Андреев Алексей! - громко назовет погибшего солдата Корнеич и повернет голову в, ту сторону, где стоят старенькие отец и мать Алеши Андреева. И все присутствующие туда же смотрят.

- Сартаков Петр! - опять громко назовет Корнеич бывшего бригадира тракторного отряда, и люди ищут глазами вдову и дочь солдата Сартакова. И так всех семьдесят человек назрвет Корнеич.

«Нынче, испеку в праздник пирог с картофелем и, как приедет семья от обелиска домой, каждому положу этого пирога и скажу: ешьте на здоровье да помните всегда о свое отце, о дедушке и прадедушке, помните о всех, кто погиб за нас», - говорит сама себе Петровна.

Луч яркого солнца прорвался сквозь синеву неба и заиграл бликами по крышам домов по земле, пробежал по лицу Петровны, коснулся ее рук. Она вошла в свой двор: на ветке прибитой к скворещце заливался песней скворец.

«Доброго здоровьица, долгожданный гостенек!» - громко сказала Петровна. Скворец на секунду замолчал, скосив глаз-бусинку на хозяйку.

// Советское Зауралье. - 1975. - 7 мая. - №106. - С. 4.

Ох, уж эти старики...

Нашлась потеря!

Федосья Марковна, проснувшись, прислушалась, что делается на кухне. Пахнет жареным луком, посвистывает чайник. Нет, Федосья Марковна не встанет и не выйдет из своего закутка, пока сноха и сын не уйдут на работу. Вчера опять размолвились с Катей, и обида еще не улеглась. Вот ведь, не понравилось снохе, что Федосья Марковна не ушла из комнаты, где Катя принимала гостью.

- Сколько раз вам, мамаша, говорить когда ко мне приходят, сидите у себя! А то ведь придете, рассядетесь да еще в разговор встреваете...

«За человека меня не стала считать! - с обидой думает Федосья Марковна. - Из дому выживает, а куда мне деваться? К зятю? С зятем дерись да за скобу держись. Я с сыном живу, вот что! Не одна я так живу, - продолжает рассуждать про себя Федосья Марковна. - Чуть не в каждой квартире старуха есть. Старухами нынче хоть пруд пруди, а стариков - один-два и обчелся. Был бы жив мой старичок, и старость была бы в радость: жили бы дома, в своей родной деревне... Господи!».

Однако Федосья Марковна никак не может представить своего «старичка» - стариком. Видится он ей таким, каким обнял в последний раз на росстани, уходя на войну. Молодой, сильный, чуть под хмельком... Еще помнится его шутка-прибаутка: «Лучше Фени, краше Фени никого на свете нет!». Марковна вытерла тыльной стороной ладони повлажневшие, давно уже сухие глаза...

Резко подвинут стул на кухне: за завтрак садятся. Позавтракают и на работу побегут. Федосья Марковна поднимается с постели. Рядом с ней в кровати спит, разбросавшись, десятилетний внук Коля. Поправила на нем сползшую простынку. Дождалась, когда щелкнул замок и хлопнула дверь, и вышла на кухню.

Домашние обязанности сразу обступили ее: помыть оставленную невымытую посуду; вооружившись «лентяйкой», этим нехитрым «изобретением», вытереть пол. Потом сходить за молоком, хлебом, другими продуктами. А там пора готовить обед....

Справившись с частью дел, Федосья Марковна готова была позавтракать, но в стакане, в котором хранит зубные протезы, их не обнаружила. «Где же?» - И вдруг догадка, даже подозрение возникло: «Уж не Катерина ли выбросила? Не нечаянно - со зла! Неужели?».

- Коленька, - будит Марковна внука. - Вставай, завтракать пора...

Коля долго возится, умывается, одевается и является к завтраку таким зелененьким огурчиком, только-только с грядки! На столе завтрак. Садясь за стол, Коля спросил:

- Ты уже, бабушка, поела?

- Не до еды мне! Зубы куда-то девались...

Коля склонил голову и, заглядывая в лицо бабушке, опять спросил:

- А во рту что у тебя, новые выросли?

Тут Марковна спохватилась, заметалась по кухне:

- Надо же, надо же!.. Совсем стала старая да полоумная! Коленька, не сказывай никому, что я зубы теряла. Нашлись же...

"Хемингуэй" в Кургане

В июльский жаркий полдень в сквере имени Наташи Аргентовской встретила я человека, как две капли воды похожего на писателя Хемингуэя. Густая, но аккуратно подстриженная седая борода, закрывающая почти все лицо, небольшие, старинного образца очки, соломенная шляпа, брюки, заправленные в кирзовые сапоги... Что за маскарад? Хемингуэй стоял передо мной и улыбался.

- Не узнаете?

- Теперь узнала. Здравствуйте, Ефим Васильевич!

Ефим Васильевич (я изменила имя человека, о котором рассказываю - надеюсь, он простит мне это) когда-то был единственным на всю область ученым со степенью. В колхозах и совхозах области немало и сейчас трудится его воспитанников-учеников в учреждениях, партийно-советских работников. В тяжелые военные годы люди широко пользовались его рекомендациями по выращиванию картофеля, заменявшего в ту пору хлеб. Семенной картофель обязательно должно было подвергнуть яровизации, и это давало отменные урожаи. Даже картофельные срезки-глазки использовались тогда для посадки! Помнится, небольшое учебное поле, на котором колдовал Ефим Васильевич, рождало чуть сплюснутую, желтоватую, но вкусную картошку, выведенную им.

Старость никого не щадит - не пощадила она и Ефима Васильевича, хотя для своих лет выглядит неплохо. Усевшись в тени кленов на скамье, мы беседуем с давним знакомым. Расспрашиваю его о семье, о детях, внуках (их у него пятнадцать!). Собеседник как был, так достался интересным. Гуляющие в сквере оглядываются. «Посмотри, - шепчет девушка другой, - старичок похож на Хемингуэя». - «Пожалуй, больше на Короленко», - отвечает другая... Ефим Васильевич слышит это и, кажется, доволен очень. Он переходит к стихам:

...Идут года, текут века

Вон как река, как облака...

...И лишь на миг судьбою дан

И отчий дом, и милый друг,

И круг детей, и внуков круг...

- А старость - прекрасная пора в жизни! - продолжает философствовать Ефим Васильевич. - Жаль, что коротка. Пришвин как-то сказал: «Я не променяю старость на молодость» - вот как!..

Домой нам по пути. Едем автобусом. Когда входили, несколько человек разом встали, приглашая Ефима Васильевича занять их место.

Звезды над нами

Богиня Эос (Утренняя заря) пленилась красотой бога Ориона. Артемида (богиня Луны) из ревности убила Ориона, превратив его в созвездие... (Древний миф).

В Зауралье созвездие Ориона хорошо видится осенью и зимой. Местные жители называют это созвездие Кичигами.

Побасенка гласит: «Кичиги-кичиги не худу учили: лениться не давали, робить заставляли».

Время от времени Ольга Федоровна приходит ко мне, и мы отводим душу в воспоминаниях о родной деревне. Перебираем по порядку избы и всех живших в них, до седьмого колена вглубь. А как дойдем до избы тетки Соловухи, тут остановка: от избы тетки Соловухи сроду хоровод начинали. Ольга Федоровна тихонько зачнет хороводную, я подтяну:

Вдоль по улице по шведской,

По границе по турецкой

Генеральский сын гуляет

И во скрипочку играет...

Я пою «енеральской», как прежде говорилось. Ольга Федоровна сердится:

- Нечего насмешки строить! Кто теперь говорит «енеральской, еверал»?

Теперь все бабы Ольи и те стали Ольгами, Любавы - Любовями, Настасьи — Анастасиями, Надёжи - Надеждами. Одни только Варвары окостенели!

Последнее - в пику мне.

После этой размолвки Ольга Федоровна долго не бывала у меня и вот опять «явилась - не запылилась». Вижу, чем-то взволнована, да и время позднее - около десяти вечера.

- Не вижу звезд, давно не вижу! - с тревогой заговорила она. - Куда они девались, звезды?

Инстинктивно бросаюсь к окну. Город залит огнями, темно-лиловое небо непроницаемо - лишь где-то в восточной част» его еле теплятся несколько чахлах звездочек.

И опять вспомнилась деревня - наше деревенское небо. А январская ночь пятьдесят восьмого года никогда не может быть забыта! Мы наблюдали в ту, ночь движение по небосводу искусственного спутника Земли. Небольшая красивая звездочка двигалась с северо-запада на юго-восток.

Стоял изрядный морозец, но в избах никто не оставался: все вышли на улицу, все, запрокинув головы, смотрели в небо. Было таинственно-волшебнo, как в сказке. Только ребяташки, перебегая с места на место, спугивали эту таинственность: им надо было найти самую высокую крышу, чтоб взобраться на нее и быть ближе к спутнику.

А небо!! Звезды усыпали его. Сколько их есть в бесконечной Вселенной - все высыпали встречать человеческое чудо! Звезды шевелились, трепетали, подмигивали друг другу и тем, кто смотрел на них с Земли. И казалось, был слышен нх шорох... Так было. А сейчас?

- Что в окно можно увидеть? Одевайтесь, пойдём на улицу, - предложила Ольга Федоровна.

Мы долго бродили по городку, но так и не увидели звезд, а те редкие, что еле светились, были похожи на замарашек - хотелось почистить их суконкой...

* * *

С последним вечерним автобусом мы с Ольгой Федоровной выехали из города. Поехали искать звезды. Автобус шел ходко, чуть покачиваясь. Мы устроились у окна, но видели только сосны, обступившие дорогу с обеих сторон. Мне кажется, что я знаю, о чем думает сейчас Ольга Федоровна. Вообще, я знаю ее, как самое себя. А может, я и себя знаю плохо?...

Когда-то в молодости я завидовала Ольге - так называли мы ее в девичестве. Красавица, высокая, стройная, на работе удалая, в разговоре - за словом в карман не лазит. А песни играть, плясать - поискать такую еще надо! Развеселым был у нее и девичник: невеста веселилась не меньше подружек, и ни одной слезинки. Хоть бы маленько поплакала, - неприлично невесте не плакать... Мы-то знали, что замуж идет не за того, за кого хотела. И все же... Как запели подружки:

Приступи, родная матушка,

Расплети мне трубчату косу...

Ох, как руки твои поднимаются.

На мою на девичью красоту... - тут не удержишься: завытирали люди глаза, зашвыркали носами. И наша Ольюшка разлилась рекой...

Тяжел на руку был муж у Ольги. Жена - в дом, а муж из дому. Гонялся за большими заработками, уходил из дому надолго, а возвращался «яко наг, яко благ, яко нет ничего». Одна, без помощи мужниной, пятистенный дом построила-огоревала. Дома успевала всю работу проворотить, и в колхозе - среди ударников. Мужа лишилась рано, осталась с двумя ребятами. Вдовья жизнь - не красота, только сердцу сухота! Второй раз замуж выходить не пожелала.

- Детям, - говорит, - родного отца никто не заменит...

* * *

Автобус выбрался из соснового плена, и мы увидели яркую звезду, сияющую на юго-западе. Сама звезда красная, а лучики бросает голубоватые.

- Вечерняя заря, - промолвила Ольга Федоровна и еще уточнила: планета Венера.

Не доезжая до своей деревни километра три, сошли с автобуса, пошли пешком. То там, то в другом месте неба непрерывно вспыхивали звезды, и вскоре их были мириады. Обозначились созвездия. Отыскали Большую Медведицу и Малую. А Кичиги (пояс Ориона) отыскать, не можем. И напрасно ищем: Кичиги появиться должны, когда Вечерняя заря (Венера) закатится за горизонт, чтоб утром рано загореться Утренней зарей, самой красивой звездой, любимой всем живым на Земле.

Уж не так и давно в деревнях время определялось по движению небесных светил: днем - по солнцу, ночью - по луне, но больше всего по Кич-игам. Кичиги - откуда такое слово?..

Говорят, в старину палку с загнутым кольцом называли кичигой, а созвездие Ориона похоже на такую палку. Но «кичиги» - это и фантастические существа, скачущие по болотным кочкам - никакого зла они людям не чинили, но все же беспокоили.

... То ли от звезд, то ли от белого снега, недавно покрывшего землю, стало светлее, Впрочем, мы не заметили - уже взошла луна...

// Советское Зауралье. - 1975. - №293. - 16 дек. - С. 4.

«Обыкновенная»

Специалисты считают, что на земле около девяноста видов семейства сосновых, в Зауралье же растут сосны вида «обыкновенная», Ствол у обыкновенных сосен высоко очищен от сучьев, живут они по 300-400 лет.

В нашем Утятском борке есть несколько сосен долгожителей, об одной такой мой рассказ.

Входишь в бор, как в храм. Гулкая тишина и торжественность. Застонал лесной голубь, и гул пошел по лесу, отскакивая от одной сосны к другой. Застучал дятел справа - тебе кажется, стучит и слева. Вздогнула: кто-то запустил в спину шишкой. Вон сколько вверху, над головой...

Собственные шаги кажутся топотом, - стараюсь приглушить их, иду почти на цыпочках.

Лес кончился внезапно. Море света слепит. Тропа привела точно к заветной сосне. Она стоит впереди своих товарок, но чуть поодаль так повелела ей жизнь.

Могучий ствол не обхватишь; надо запрокинуть голову, чтоб видеть шарообразную крону. Недалеко от кроны кусок толстой коры отвалился, обнажилась рана, но она уже обильно смазана золотистой смолой. Крупная капля смолы упала на землю. Подымаю ее – как ароматна!

Стоя в одиночестве возле вековой сосны, почти физически ощущаешь прошлое, настоящее и будущее...

И думается: как сохранить эту сосну, как сделать ее неприкосновенной, чтоб прожила она весь отпущенный ей природой век?

Три речки-невелички

Край, где живут речки Алабуга, Ялым и Глядяна, Евгения Ивановна помнит и любит. Это ее молодость. В деревнях возле этих речек она учила грамоте крестьянских детей. С тех пор многое в памяти перепуталось, сместилось и даже забылось, но когда она думает о том далеком времени, ориентиром служат речки, на берегах которых частенько находила она «отрад душе» - как говорят в нашем краю.

Весной по берегам Алабуги цвели синие ирисы, их было так много, что синева отражалась в небе. Звучное имя речки оставили кочевые племена тюркского происхождения, а кочевали они в тех местах, может тысячу лет назад, а может, и более.

Пришельцам русским полюбилась речка Алабуга, и своим поселениям они дали ее имя: есть села Нижняя Алабуга, Верхняя Алабуга, а в советское время появился ныне процветающий и здравствующий совхоз «Алабутский».

Летом прошлого года Евгения Ивановна посетила те речки-невелички. Постарела Алабуга, светлые ее струи еле двигаются, и окуней в реке стало мало, а когда-то было невпроворот: ведь тюркское «алабуга» - русское «окунь»!

Не было «отрад душе» и когда стояла Евгения Ивановна на берегу Ялыма. Ялым (с тюркского - «обособленный») опоясал большое селение,

которое носит имя реки. Хорошие люди живут в Ялыме, а речку свою запустили – замусорилась речка, а ей бы помочь надо немножко...

Только река Глядяна молода и светла по-прежнему. Рыболов на берегу ее не зря сидит - водятся в Глядяне и ерши, и окуни, и чебаки. Предание гласит: когда русские облюбовали место на берегу безымянной речки, они назвали свое селение Глядяной и речке такое же имя дали. Шло время. И откуда-то свалился этот ненужный суффикс «к», и стало село Глядяна - Глядянкой и даже Глядянским.

Три речки-невелички - Алабуга, Ялым и Глядяна, дети одного отца – седого Тобола. Много подобных детей у него на длинном его пути в шестьсот шестнадцать километров...

// Советское Зауралье. – 1976. – 18 апр. – №91. – С.4.



Одинокая сосна, фото 1930-1960 гг.



ОДИНОКАЯ
СОСНА
с. Усть-Тобольское
август 2016 г.

Запах детства

новелла

Мой отец Степан и мать Татьяна, мои деды, прадеды и прапрадеды - извечные жители одного из старейших поселений в Зауралье. Я была у родителей седьмой по счету, а всего нас детей было у них десятеро.

Отца в деревне уважали, он, слыл «грамотеем»: умел на счетах считать, а еще быстрее и лучше считал в уме. Мать грамоты не знала. Жили мы в одной избе, спали вповалку. Чтобы прокормить нас, отец бился как рыба об лед. В хозяйстве управлялась мать, а он то был приказчиком у купца, то маслоделом на заводе.

Все мы учились в местном двухклассном училище (с пятью годами обучения). Отец радовался и гордился нашими успехами в учении и даже мечтал для нас о дальнейшем образовании.

От бабушки Марьи слышались мы сказок про чертей, которые жили на Иванишевом болоте. Из-за них, де, на нашей пашне, а она была у самого болота, сроду урожая, доброго не было! Нашего дедушку Александра «черти в болото таскали, вином поили, и он плясал для них до третьих петухов». Бабушка Марья одного маленького чертенка, рассказывала, ловила, он был похож на ягненка. Чертеночек нещадно бился в ее руках и верещал. В сердцах бабушка прикрикнула на него: «Да не бейся ты, господи!». Тут чертеночек сквозь землю и провалился.

Много было рассказов про волков. Страсть сколько их водилось в ту пору! Волки были «злые» и «добрые», «добрые» жили в дебрях возле озера Круглого, «злые» - в Щучьих колках. Четырехлетний Прошка ушел из деревни и заблудился в круглянских дебрях. Отец нашел его - в волчьем логове - он играл там с маленькими волчатами. Отец схватил Прошку на руки, а волчица-мать даже не шелохнулась, только глаза смежила - она тут же лежала, невдалеке.

Наш сосед поймал в Щучьих колках матерого, волка, спутал его, намордник надел и приволок в деревню. Мы бегали смотреть зверюгу, трогали его вздыбленную шерсть на хребте, чтоб никогда не бояться.

Дядя Иван, отцов брат, рассказывал, как прабабушка Матрена со своим муем-солдатом на службу ходила: они на Кавказе служили, турок в плен брали, и те пленные турки жили в нашей деревне.

Дядя Иван начнет рассказывать, заслушаешься!.. Он помнил, что рассказывал прадедушкин прадедушка: и как поселение наше возникло, как для поселения место выбирали. Потом мужики воевать ходили за царя Петра, а он оказался Пугачевым. Прадедушкин прадедушка другом был пугачевского атамана: из наших же мужиков - Семена Новгородова. И как мужики отказались от семенной картошки, как в Тобол ее свалили: «Пушшай ее черти водяные едят, а мы не будем!»

Четырнадцатилетнюю меня взрослые девки в свой хоровод брали: я песен много знала и голос у меня был звонкий. От взрослых девок наслушалась про их девичью любовь. Сильно взволновала меня история любви Таньки и Алешки: родители не соглашались на их брак, Алешка и Танька убежали на чужбину и там тайно повенчались.

Я завела тетрадь и стала писать «роман» про Таньку с Алешкой. «Роман» обнаружил старший брат и вывел меня на смех. Полетели тетрадки в печку, прямо в огонь! Завела другую тетрадь, была осторожнее. Записывала песни и свои попытки сочинять стихи.

С установлением Советской власти пешком ушла в город - задумка выучиться на учительницу, да и отец в том меня поощрял. Явилась в окружной отдел народного образования, к его заведующему товарищу Пискунову. Это был еще не старый, человек, лицом похожий на моего брата Михаила.

- Товарищ Пискунов, - обратилась я к нему, - помогите мне выучиться на учительницу. Я буду хорошей учительницей, слово вам в том даю! - И я почему-то расплакалась. То ли, слезы мои, то ли босые ноги и весь видимой, то ли горячая клятва тронули Пискунова, он устроил меня в общежитие для нуждающихся учащихся второй ступени на полный пансион...

Давно это было, шибко давно - более полвека; а запах детства берегу в себе, слышу его, он хранится для меня в каждом кустике, в каждой травинке-былинке, он разлит в воздухе...

// Советское Зауралье. - 1976. - №184. - 7 авг. - С.4.

Позднее признание

Рассказ

Свадьба намечалась на воскресенье. Женился тракторист Владимир Савельев, брал учительницу Раису Ивановну. Родители жениха не шибко одобряли выбор сына: учительница есть учительница - поди, коровы не подоить, в деревне живет без году неделю: вспорхнет - и в город, мужа за собой утянет. Но Владимир знай свое она, дескать, образованная, в любое время может заменить зоотехника и даже агронома, а вы «коровы не подоить!». «Не умеет - научу!».

На свадьбу приглашались все подряд; тот брат, тот сват, а этот друг, вся деревня - родня. Особую честь – Анфисе Сергеевне, старейшей, заслуженной учительнице. Приглашать жених и невеста ходили вместе.

- Мы желали бы, чтоб Вы на нашей свадьбе были посаженной матерью. Анфиса Сергеевна благодарила за честь, но участвовать в свадьбе отказывалась:

- Уж очень широк размах у вашей свадьбы предполагается быть, - говорила она. - Не все принимает душа, что пытаются восстановить из старого свадебного обряда. Ну, хотя бы это дикое битье посуды... Эта болтающаяся кукла, изображающая будущего ребенка. А разноцветные пузыри? Они наоминают мне мыльные...

- Мы без предрассудков... - мрачно как-то вставил Владимир и замолчал.

- А я видела свадебный кортеж в городе, там тоже к передней машине была привязана кукла, - добавила невеста и покраснела до корней волос.

- Как поется в песне, - оживился Владимир, - широкой нашей свадьбе будет места мало! - И счастливо засмеялся.

Ранним утром прошел теплый весенней дождик, словно бы нарочно, чтоб день сделать легким, приятным. И день разгулялся: вокруг - стойкий запах цветущих трав, а самого воздуха будто было. .

У женихова двора суета, ворота настезь. Расставлены во дворе столы, скамьи. Будет, угощение для всех, милости просим! Посредине, между столами, брошен на землю деревянный, наскоро сколоченный настил: это для желающих сплясать сербьянку с дробью - звонче будет! Ребятишки снуют стайками, гнездятся по заборам - им все надо видеть и слышать. А свадебный поезд из «Жигулей» и «Москвичей» уже у невестиного крыльца. И когда в толпе девчат и молодежи грянуло старинное: «Я не выйду, не выступлю без родимого батюшки, без родимой милой матушки, да без их благословения...» жених и невеста, окруженные близкими, родными и друзьями, вышли из дома и направились к ожидающим их машинам.

Анфиса Сергеевна все это наблюдала из окна своей квартиры. За долгую жизнь она немало видела чужих свадеб, а вот сама не изведала этого счастья, все прошло мимо.

Укатил свадебный поезд, отхлынула толпа, Анфиса Сергеевна долго еще стояла у окна...

«Как все просто стало, как естественно, - думала она. - Приехала девушка, специалист высокой квалификации, прожила в деревне год и нашла свою судьбу...». Разве это было возможно в ее время?..

Она приехала в эту деревню, когда едва исполнилось восемнадцать, жизнь как ветер, качала из стороны в сторону ее, еще не окрепшую, многого не понимающую. Это было так давно, что многие события тех лет перепутались или напрочь забыты, да и в деревне не помнят уже ее молодой: всем кажется, что вечно такая, как сейчас, и была: высокая, прямая, с серебряной головой, с быстрыми глазами.

Анфиса Сергеевна давно на пенсии, а дел у ней не убавилось: то в школе заменяет отсутствующих по какой-нибудь причине учителей, то вечером в клубе с докладом выступает, то занята любимым детищем своим - сельским краеведческим музеем. Ни одно дело не обходится в деревне без ее участия! Кто-нибудь из сердобольных, чаще всего из приезжих в деревню районных начальников, возьмет да и скажет:

- Все трудитесь, Анфиса Сергеевна, остановиться не можете? Да отдыхайте Вы, хоть последние годы поживите для себя! - Обижается на такие советы Анфиса Сергеевна.

Давно прикрыто окно комнате, ко что-то мешает ей наняться книгой или письмом. Пошла в поле. Березовый Аникушкин перелесок встретил хором щебечущих птиц, празднующих, наверное, тоже свадебное свое гулянье. В глубине хрусталем сверкает родничок, в него любитесь и не может налюбоваться собой розовая пышная сарана-невеста.

...Как это было? Она - боевой комсомольский секретарь. Дня буквально не хватало, тетради приходилось проверять поздно ночью. Школа стояла на отшибе, жила она одна в этом старом доме. Как-то, когда сидела над тетрадями, постучалась мать Семена Савельева. Робко вошла, тяжело села на стул:

- Помоги горю, голубушка Анфиса Сергеевна. Сын отбивается от рук! Велю ему жениться, а он не хочет. Вдова я, кроме него еще четверо, надо работницу, помощницу в дом, а он не слушает. Ослобони его! Невест много, а он, кроме тебя, никого не хочет...

Долго сидела, плакалась, а Фиса убеждала ее, что ничего она про то не знает, Сеня никогда ей об этом не говорил, а если это и так, то она дает слово, поставить его на место...

Семен так и не сказал - не решился сказать о своих чувствах, а Физа в тайнике души своей все ждала чего-то...

Вдоволь набродившись по заветным местам, уже вечером возвращалась Анфиса Сергеевна домой. Гулянье в деревне затихало, вечернее летнее солнце

светило ясно и грустно. Навстречу старик вел лошадь на пастбище: празднично одет, на груди ордена и медали. Поравнялись, остановился.

- Доброго здоровья, Анфиса Сергеевна, - кланяясь, поприветствовал ее. - Старики мы стали, старики... А я, Анфисушка, всю жизнь любил тебя, а теперь вот, боюсь, умру скоро, так и не узнаешь об этом. Прости меня...

Анфиса Сергеевна смотрела на него, будто не узнавая, и тихо так: «Ты пьян Семен, опомнись!» - прюшла мимо.

- Пьян, не спорю, выпил. Внук женится на учительнице, как не выпить! Пьян да умен, два угодя в нем. А внук мой тоже не лыком шит, первейший в деревне механизатор... - Он что-то говорил еще, но Анфиса Сергеевна была уже далеко.

Легкие растрепанные облака, подзолоченные усталым солнцем, выплывали на небо.

// Советское Зауралье. – 1976. – 11 сент. - №214. – С. 3.

Митя Иванов

То было трудное время. Мы только что окончившие городскую среднюю школу с педагогическим уклоном, стали тогда сельскими учителями. Мите Иванову, веселому парню, отличному товарищу, досталось работать в школе деревни Меншиковой (теперь Кетовского района). Расставаясь с нами, он говорил: «Надо сразу глубже окунуться в работу, и тогда не будет скучно. А если что, давайте знать, я мигом...».

Скучать в Меншиковой Мите не пришлось: сразу вошел в жизнь деревни, словно век жил в ней!

...Ночь, а в окне сельского Совета помигивает Керосиновая лампа, там все еще не закончилось собрание крестьян. Правда, многие мужики уже ушли домой, записавшись в колхоз, остались самые упорные, несговорчивые. Учитель Дмитрий Емельянович - так звали теперь Митю - председательствует.

- Вы что! Вы против жизни? Нельзя против жизни!.. Будем жить, как одна большая дружная семья... Новое время настало, его не остановить, поймите! Как вы не понимаете?..

- Хорошо, Митрей Омельянович, - соскочил с места, замахав короткими ручками, мужичок по прозвищу «Борода с локоток». - Я, к примеру, запишусь в колхоз, пай внесу - две лошади, две коровы. А ты записался? Что есть у тебя? Что внесешь?

- Душу свою вношу, - отрезал Митя. Кто-то хмыкнул, скрипнула скамья.

- Труд свой внесу! - добавил Митя. В ответ вздохи, сопение... Видно, этого тоже мало. Тогда Митя крикнул в полный голос. - Лошадь приведу в полной упряжке! - Он окинул всех блестящими глазами. Через два дня будет, увидите!

При полной тишине кто-то съехидничал:

- Не увидим, дак услышим.... - Все поднялись с мест, зашумели, и не было возможности их остановить.

Через два дня Митя выполнил обещанное. У отца своего, железнодорожника, выпросил рыжего конька-горбунка...

Послесловие: учитель Дмитрий Емельянович Иванов погиб смертью героя на подступах врага к Волге-матушке в годы Великой Отечественной войны.

// Советское Зауралье. - 1976. - 12 сент. - №215. - С.4.

Будь ясной, память...

Счастливое совпадение: Родина готовится к своему юбилею – шестидесятилетию. А наш народный музей села Утятского, кроме того, к своему двадцатилетию. Двадцать лет назад к Октябрьскому празднику мы решили обнародовать собранный нами краеведческий материал, хранящийся в стенах местной школы. Мы много лет по крупицам собирали его, размещали в классных комнатах. И вот однажды строгий наробразовский инспектор спросил директора «Что это, школа или музей? - И добавил: — Это рассеивает внимание учащихся на уроках».

Председатель исполкома сельского Совета Григорий Каргаполов помог нам переселиться в пустующие две комнаты при клубе, а художник Федор Иванович вызвался помочь оформить материал в лучшем виде. Так рождался наш музей. Уже все было готово к приему посетителей - они давно ждали этого и несли подарки: кто чугунный умывальник, кто берестяной туес, кто самопрялку, кто лоскут пестряди, из которой в старину бабы шили себе поневы, мужикам - шаровары.

- Пора писать афишу об открытии, назначайте день, - предложил художник.

- Еще рано, еще не все сделано, — возражаю по праву организатора музея. - На стенде, посвященном становлению Советской власти в нашей деревне, не заполнено место, оставленное для Ивана Вавилова.

- Пишите текст, я оформлю его; что делать, если нет с него никакой фотографии?

- Я просила вас, Федор Иванович, написать портрет его хоть углем, хоть карандашом, хоть акварелью...

- Пробовал. Не получается. Надо обратиться к настоящему художнику - я всего лишь любитель-самоучка. Пусть настоящий художник рискнет написать портрет по вашим словам, по вашим «видениям», как вы говорите.

- Не надо бояться, Федор Иванович, слов «любитель» и «самодеятельность». Ведь и весь наш музей не что иное, как самодеятельность! Вот начну сейчас об этом причитать-голосить с настоящей самодеятельной слезой тогда узнаете! Причеты, говорят, у меня получаются...

- Где проходили практику? – развеселился Федор Иванович. - На свадьбах или похоронах? – Оба смеемся. Лед сломан, и я на своем коньке:

- Знаете. какой это был парень! По тому времени хорошо грамотный и достаточно начитанный. Лицо самое простецкое, крестьянское, очень светлое, могу заверить – вдохновенное. Я хорошо помню его, как будто вчера с ним виделась. Округлый подбородок, короткий нос, русые волосы упали на лоб...

Слушая меня вполуха, Федор Иванович собрал краски, кисти, карандаши, сложил их в саквояж, сказал «до завтра» и ушел.

Осенние сумерки вползали в окно. Твердо решаю: буду писать портрет сама. Как жаль, что забросила я это увлечение, забросила карандаш! Вот приду сейчас домой и сяду за рисунок, отложив все прочие дела!

Сосновая роща тихо шумит, обещая непогоду. В такое время особенно удручает своим скрипом старая сосна, напоминающая падающую Пизанскую башню. Прислушиваюсь к гулу верхушек: нет, буря будет нескоро, сосны говорят, что буря где-то еще далеко...

Время давно перевалило за полночь, а я все не отрываюсь, от работы. Рисую, можно сказать, с натуры: память воскрешает его гордое лицо в профиль. Мы, школьники, исполняем на сцене гимн, только что нами разученный, и Иван, конечно, с нами. Мы поем: «Никто не даст нам избавленья...», а в это время он громко кричит:

- Кто там в последнем ряду не снял шапку! Долой шапку! – Мы продолжаем «Добьемся мы освобождены своею собственной рукой...»

Потом вижу свою деревенскую улицу, идет вооруженный отряд коммунаров, и он среди них. Лица у коммунаров суровы, сосредоточенны, они идут «на бой кровавый, святой и правый» с остатками бродячей банды Землина. Ваня Вавилов поворачивает голову в нашу сторону, машет нам рукой, прощается. Это было последнее свидание - из того похода он не вернулся.

...Под утро он приснился мне: на нем зеленая солдатская гимнастерка...

Утром несу свой рисунок на суд художника - иду, как школьница на экзамен, боясь двойки. Федора Ивановича в музее нет, но на столе лежит портрет Ивана Вавилова, славного борца за Советскую власть. Портрет написан маслом. На голове солдата революции шлем с красной звездой. Как хорошо, что не забыл самодеятельный художник такой важной детали, как шлем – символ воина, борца за новую жизнь!

// Советское Зауралье. – 1977. – 26 июля. – №173. – С.4.

Путешествие за околицу

Сказка-бывальщина для детей

Бабушка Секлетня рассказала скааку-бывальщннку внучке пятикласснице Иринке. Иринка - подружке Маринке, Маринка - Лариске. Скоро ту сказку знал весь пятый «б» во главе с классной руководительницей Анной Григорьевной,

«Наше озеро Моховое, - рассказывала бабушка, - на всю округу одно такое. Мох на нем, как пух; все избы, все дома на нем ставлены, им утеплены. И город этим мохом не брезговал, он еще недавно был весь деревянный. А ежели этим мохом утеплить хлев да подстилку им стелить, одно добро!

Озеро невелико, а вокруг его осины в обхват. Вторым ярусом - кусты крушины, боярки, калины, третьим - смороденник, шипица, разрыв-трава, костенишник, мышиный горох с синим вязелем. По этим зарослям не скоро проберешься: кусты тебя хватают, держат, вязелем ноги путает... К озеру есть подход - дорожка неширокая. Коли с добром пришел, иди той дорожкой, садись в лодку-плоскодонку или бат, бери грабли и дери моху, сколько надо. А ежели кто не с добром...

Одинова двое любителей «даровщинки» на двух подводах приехали к озеру. Видят, стог моха готового. «Заберем, - говорят, - этот мох, да маленько еще добавим, и домой». Вырубили по колу вместо граблей, один сел в лодку, другой в бат. Плавают, кольями воду буравят и вместо моха грязь да тину вытаскивают. Кружили, кружили - и на вехоть моху не добыли. Перемутили все озеро, стала в нем вода черным-черна.

- Нет, поннмашь, тут никакого моха! - кричит один другому. - Приставай к берегу, хватит нам, понимать, того стога, который на берегу...

Ищут место, где ловчее пристать, и не найдут; та дорожка, которой шли пропала совсем. Полезли прямиком, исцарапались о кусты, всю одежду на себе прирвали, еле вылезли ободранцами, глянули, а навстречу им... бежит мужичок-моховичок, сам с ноготок, борода с локоток, тащит на себе моху стог... Бежит и горячится:

- Вы, - говорит, - такие-сякие и этакие, мох-от не растили, только губили, а на «даровщинку» тут и были... Да я, - говорит, - если захочу, самих вас в мох превращу...

Ободранцев оторопь взяла; стоят - рот разинули. А мужичок-моховичок мимо их со стогом-то, только его и видели...».

...И решили ребята-пятиклассники спутешествовать к озеру Моховому, увидеть сказку бабушки Секлетии в яве. На дворе стоял цветущий май, и был конец учебного года. Анна Григорьевна всем ребятам уже и годовые оценки вывела. Хорошо закончили учебный год ребята пятого «б»!

До солнышка вышли всем классом в путешествие. Путь не дальний, да и не близкий; километров двенадцать будет вперед и обратно. В кошелках у каждого есть или бутылка молока, или кваса, пара яиц вареных, горбушка хлеба. Идут старой галишовской тропинкой, ведущей к Моховому озеру, от прохлады поеживаются. Обильная роса на березах, осинах, на траве, не слышно птиц - все спит еще, покой и тишина кругом.

- Это пшеница, - говорит Коля. - А это овес с викой. Вико-овсяная смесь на корм скоту, - уточняет Митя, показывая на поле. Коля да Митя пять лет уже просидели за одной партией, друзья - водой не разлить! И не спутают они пшеницу с овсом, горох с викой - знатоки!

На минутку задержались ребята перед полем вико-овсяной смеси, разглядывают растения. И вдруг яркими лучами брызнуло солнце. Засверкала хрусталем роса, затрепетали листья на ближней осине, где-то закуковала кукушка, обещая всем многие счастливые годы впереди. Взвилась в небо мышеловка - распластала крылья, трепещет ими на одном месте. Свистят синицы «ви-ти, ви-тн...». Так ребята вошли в сказку бабушки Секлетии.

Тропинку пересек редкий лесок из берез и осин. Вишенник в нем лентой протянулся. Вишенье уже теряет бледно-розовые лепестки - отцветает вишенье. На траве, на земле бело от вишенных лепестков, клубники в редцпке видимо-невидимо - цвести начинает клубника. Идут ребята молча - такой уговор был; всяк должен для себя замечать самое что ни на есть интересное и красивое.

- Ух, сколько будет, ягод! - не удержался Шурик. - Осторожно, не топчите! - И сняли они обувь - земля уже теплая - пошли босиком.

Вот и Моховое. Столпились ребята на берегу. Прикроет облачко солнце, и вода на середине озера кажется темной; а мох по краям зеленым. Убежит облако, засверкает солнце - вода кажется голубой, а мох золотисто-желтым...

- Эй, мужичок-моховичок, мы с добром пришли, иди к нам, покажись! - кричит Иринка - балуется. Все смеются и тоже зовут моховичка, приглашают. Сели отдохнуть, - взялись было за кошелки - поесть немного, да Анна Григорьевна отговорила: сперва походить надо, понаблюдать, а уж потом и завтракать!

Разбились на две группы - одни пойдут влево, другие вправо, соберутся же все на этой тропинке-дорожке, на которой отдыхают сейчас, тут их будут поджидать Анна Григорьевна с Лариской.

Долго бродили ребята вокруг озера, а возвратились - рассказам не было конца. Петьку Сомусева побила какая-то большеголовая птица, «Крылья во! - развел руками Петька. - Я только склонился, чтоб разглядеть красивую, розовую сарану, у которой, лепестки, как кольца, а она как налетела, как, долбнула меня в голову, а крыльями хлесь, хлесь! Здорово напугался...». Коля с Митей видели гнездо ремеза, оно как рукавичка и, должно быть, там есть уже птенцы. Иринка принесла стебель папоротника - это и есть разрыв-трава. Так, наверное, называют папоротник потому, что лепестки его как бы разорваны. Что-то прячет в платке Нюрочка Потанина.

- Кажи, Нюрочка, что там у тебя?

- Это цветик калины, он похож на кружево, - я хочу снять с него рисунок и связать такое же кружево...

Позавтракали ребята с аппетитом - даже пожалели, что мало взяли провизии. Вдоволь наигрались, нашалились, песен много спели и отправились домой. Надолго запомнится ребятам это путешествие за родную околицу. Может, и на всю жизнь.

// Советское Зауралье. - 1977. - 4 окт. - №232. - С.4.



Утятские бабушки – Александра Николаевна, Клавдия Ивановна, Раиса Петровна, 1990-е гг.

Шутейные рассказы

Влюбленный Костенька

Костеньке давно за шестьдесят, а он все - Костенька, как мать, бывало, кликала. Он недавно вторично женился: первая жена умерла лет десять назад, и взял он себе в жены девицу лет сорока пяти. Его новая жена работает в столовой поваром, на хозяйстве дома он один. Управится с делами и выйдет за ограду. Стоит, в ту и другую сторону поглядывает.

Идет улицей прохожий, незнакомый человек. Костенька приподнимет картузик, поздоровается и спросит:

- Че, поди, в нашей столовой побывали? Поглянулся обед-то?

- Спасибо, - отвечает прохожий. - С удовольствием поел. Хорошо кормят в вашей столовой...

И Костенька расплывается в улыбке.

- Поваром-то в столовой Устинька... Жена моя...

Докторша

По старинке в нашей деревне частенько врача называют доктором, а жену его, значит, докторшей.

Пришла одна такая молодая докторша к соседям познакомиться - только-только с мужем из города переехали. Те речи, другие речи с хозяином, который в ту пору двор подметал. Вдруг из-под крыши выскочили два белых кролика.

- Ах, какие чудные зайчики! - всплеснула руками докторша. - Скажите, по скольку в год они вам яиц сносят?

Трудно поверить в такое, мягко говоря, дремучее, незнание жизни. засомневается, быть может, читатель, однако, честное слово, знавала я лично эту докторшу! Просто по имени называть неловко, хоть и уехали они вскоре из нашей деревни обратно в город.

Дяди Петра припевка

Весной задумали жильцы многоквартирного дома, (давно уже появились такие в наших селах), в котором живет и дядя Петр, разбить возле дома клумбы, березки посадить, кусты калины. Красиво будет

- Не на-адо,— запел дядя Петр. - Какой толк? Ребятишки клумбы, затопчут, деревья обломают.

Послушались Петра жильцы - клумбы не разбили, деревьев не посадили.

Пришла осень. «Надо бы, - говорят жильцы, - подъезды в доме освежить. Стены побелить, лестницу подкрасить». Собрались по этому важному делу на собрание. Дядя Петр первым попросил слово, выше всех руку тянул.

- Зачем? К чему? Какой, толк? - начал свою речь. - Стены опять загрязнятся, краска с лестниц сотрется...

- Правильно! - поддержала Петра бабушка Лукерья и в ладошки хлопала. - Ишо предлагаю: давайте все не умываться...

- Ура! - закричал внучонок бабушки Лукерьи, третьеклассник Гришка. -
Умываться по утрам не надо!
Действительно, какой толк, зачем, к чему?

// Советское Зауралье. - 1977. - 20 окт. - №247. - С.4.

Михеев грех

Эту Притобольную бивальщину-полулегенду слышала детстве много раз. теперь сама ее рассказываю и детям и взрослым... А не переложить ли ее на бумагу?

Пастушье дело вроде не хитрое, да не всякому дается. Михею далось, может, потому, что незлобен, прост, - словом, сам, безобидная овца.

- Масек пасу, - говорил о себе. - Масек люблю, и они меня любят (маевками он называл овец). - Лонись пас, третьем годе пас, всегда пас. Пасу и пасу...

- Мась-мась, бар-бар, - позовет громко и стадо мгновенно вокруг него.

А пастбище - степь привольная. Есть и буераки в степи с зарослями кустарников и непотребной дикоросли, но в буераки Михей овец не водит - овечья шерсть портится. Да и не растет в буераках та самая мелкая полынка, которую любят овцы, от которой добреют.

А там, где небо соприкасается с землей, лежит озеро - чаша круглая. Туда водит Михей стадо на водопой. В чаше-озере все небо отражается; днем вместе с солнышком и белыми облачками, ночами с месяцем и звездами. Рыбы в озере предостаточно. Михей рыбу не ловит. Но когда какой-нибудь рыбак предложит рыбки на уху, не отказывается.

Множится стадо овец. Довольны люди пастухам Михеем: есть к зиме валенки, полушубки, есть рукавицы, в день розговенья на столах жарехи с мясом жареным.

... Стал замечать Михей какое-то беспокойство у овец: все шарахаются в сторону, плохо едят, к нему прибиваются. Стал присматриваться, приглядываться и услышал как-то щенячье тьяканье, и мать-волчицу выследил. Знает Михей: пока малы волчата, волчица вблизи логова зла не сделает, а потом?.. Потом беды не миновать. Что делать, как поступить? Думал-думал Михей и придумал устроить волчицу, чтоб сама ушла, бросила логово и забыла своих волчат. На середине озера вобьет он кол-ригаль, волчат сложит в мешок и повешает на ригаль над озером. Остальное все само свершится...

Выследил, дождался, когда волчица ушла куда-то, отыскал в буераке логово под корягой. Там копошились грязно-серые волчата с непомерно большими головами, их было пять. Склад их в мешок Михей - и бегом к озеру. Пока тащил мешок на плече, волчата притихли, а когда положил их на дно лодки - забились, заскулили, затрепыхались. Присту пил мешок ногой, гребет, что есть силы, воду веслом, правит на середину к колу-ригалчо. Подумалось: не завязать ли мешок тунге да не бросить ли в воду - утопить, и делу конец. Но тут же прогнал эту мысль.

Кол-ригаль стоял крепко - Михей пробовал пошатать его. Накинул мешок на ригаль, и повис мешок с волчатами над водой... Скорей к берегу, назад! У берега собралось все овечье стадо, надо же!!!

- Пошли отседа, маевки, - закричал на них Михей. - Вот я вас! - Выпрыгнул из лодки и погнал овец подальше от содеянного. А вслед - писк, тьяканье щенячье, нет от него спасения!..

... Волчица, не найдя волчат в логове, бросилась в розыски. Она вышла из буерака недалеко от Михея со стадом, на минуту остановилась, посмотрев в его сторону, потом, не спеша, пошла туда, откуда слышался щенячий писк. Потом побежала трусцой, не оглядываясь. Бежать быстрее ей мешали наполненные молоком соски.

У самой кромки воды волчица остановилась, словно бы примеряя расстояние до кола с волчатами. Вошла в воду и припала пить-лакать ее. Долго пила - хотела, видно, выпить всю воду, все озеро. Вышла, зашаталась и грохнулась оземь, завывла: ... у ... у!.. И слышит Михей, различает в ее вое человеческие слова: «И что с вами поделал Михей!» Попритчились эти слова ему - в страхе, в ужасе, все может показаться. А овцы плашмя все легли, тоже прислушиваются к вою: живая тварь все понимает, как есть все! А волчица, опять бросилась в воду, по горло забежала, плыть хотела, да видно вымя тянуло ее к низу. Выскочила из воды, отряхнулась и побежала вдоль берега на противоположную сторону озера. Там, на другой стороне, повторила все сначала: опять пила воду, пыталась плыть и выла еще громче. На ее вой ответил другой волчий голос - это шел ей на помощь волк-отец.

Наступала ночь. С ночной стороны выплыла огромная туча чернее ночи. Туча и ночь смешались. Михей поднял стадо, повел его к загону. И едва успел заложить затворы, которые служат в загонах воротами, как хлынул проливной дождь, грянул гром. Развести костер для безопасности, как делал это в тихие ночи, не было возможности, оставалось одно - стучать, брякать палкой в жестяное ведро и этим отпугивать зверей. Что он и делал, укрывшись в земляной избушке близ загона. Но этот бряк пропадал в шуме дождя; в непрерывных громовых раскатах.

Михей несколько раз выходил из своего убежища, ощупью добирался до загона, а ночь - глаз выколи! Сам он нисколько не боялся волков, убежденный, что они никогда не бросятся на человека. Он на себе это испытал: сколько раз за свою жизнь встречался с этими зверями нос к носу. Пастух промок до костей и развел огонь в печурке избушки, чтоб хоть чуть согреться.

Весенние ночи коротки: один глаз закроешь, а другой еще не успеешь, и ночи конец. Но этой темной грозовой ночи не было конца. Овцы вели себя все беспокойней, шарахались то к одному, то к другому пряслу, словно кто-то бросал их всех сразу кучей, и при падении они издавали жалобное бление. Михей отбросил жестяное ведро в сторону, стал выходить к загону с горячей головней, но та тут же гасла от дождя.

Наконец перед рассветом дождь перестал, туча укатилась, светало. Овцы сбились на середине загона, а у дальнего прясла Михей увидел груды лежащих овец. Они были зарезаны волками! Михей открыл затворы, - живые овцы чуть не сбили его с ног. Выскочив из загона, они направились в сторону деревни. Остановить, задержать стадо не было возможности: овцы вышли из подчинения.

Солнце робко пробивалось сквозь туман, когда Михей со стадом был уже на деревенской площади. Сходились люди. Михей кланялся им и повторял одно:

- Простите, люди добрые, во всем виноват я, мой грех. Не хотел я зла, простите, люди, грех мой...

// Советское Зауралье. - 1977. - 28 дек. - №302. - С.4.

Песнопевцы

«Песнопевец — человек, слагающий или поющий песни, поэт».

Словарь русского языка

Крестинке, Сереге и мне, троим вместе, восемнадцать. Крестнике семь, а нам с Серегой остальные - поровну. Мы утянулись за реку, в рощу. Лежим на животах, возле родничка, заглядываем в него. Вода живая, журчит, упавший в воду березовый листок крутится и крутится на одном песте. Возле нас вьется серенькая пичужка, тренькает. Горячее солнце пробилось сквозь сеть березовых ветвей и разморило нас. Уснул Сарега, уснула Крестинка, дремлетя мне. А серая пичужка у самого уха поет, усыпляет...

*- Тень-тень-тень,
Выше города плетень,
На голбце лучина,
В печи калачи,
Не про нас печены,
Про бояр...*

«Бабушки Марьи песенку-байку поймала птаха», - думаю я, а пичужка за мамину песенку теперь принялась, мама поет ее маленькому Ванятке в зыбке:

*- Спи, усни, мое дитя,
Без пробуду до утра.
А как утречко придет,
Я сыночка разбуджу. Скажу: милый сын, вставай,
На работушку ступай...
Надо пащенку пахать,
Пора лошадок запрягать.*

Таким запомнилось мне первое знакомство с зареченской березовой рощей. Может быть, так же или по-другому происходит знакомство с рощей у всех, кто появится на свет в деревнях близ этой рощи? И с той минуты становится роща всем бескорыстным другом.

Мы повзрослели. нас называют по-местному "молодяжник". Собрались в рощу погулять. Серега - с гармошкой, побежали Сережины пальцы по ладам, а девки в голос:

*- Поиграйте, поиграйте,
руки разудалые,
сатинетова рубашка,
волосы кудрявые...*

Перешел Серега на плясовую. Выскочила на круг отчаянная плясунья Кланька. пляшет с припевками: все в припевках выскажет, что думает и что в обычной речи не решится сказать.

*- Комсомольца не любила,
комсомолкой не была.
Комсомольцы полюбила,*

комсомолкой стала я.

А парни, дружки Сереги, на Кланькину песню-частушку - свой ответ:

*- Комсомолкой быть,
надо измениться,
надо в церковь не ходить,
богу не молиться...*

И пошло... и пошло. Откуда что берется? Впрочем, чему удивиться? Песни плавают в воздухе и в роще. Сколько берез, столько и проголосных песен, сколько трав растет, столько и частушек-подергушек. Жизнь идет, время бежит, а песни остаются, копятся. Проголосная песня «Вечер поздно из лесочка» живет с того времени, как появились поселения по берегам Тобола. Она прилетела следом за первыми поселенцами. Ах, как ее умел петь Иван Иванович Родионов! Родионовы-то мужики - сроду песенники, и жен себе под стать подбирали.

Хороводных песен предостаточно: то протяжных-раздольных, то быстрых-торопливых с притопом, с присвистом. Хороводная про розочку алую прямо на глазах родилась. Вышел на середину круга не то Васька, не то Гераська и на одной ноте пропел-заявил:

- Хожу я, гуляю, вдоль по хороводу! - а хоровод поддержал, прибавил: - Розочка алая! - Парень тем же тоном: - Ищу, выбираю я себе невесту, - хоровод вновь добавил: - Розочка алая!

Вывел парень, на середину круга свою подружку, и хоровод пополнил рождающуюся песню:

- Вот нашел, вот сыскал сам себе невесту, розочка алая!

*Посмотрите, люди,
посмотрите добры,
как я гуляю с милою невестой!
Милая-милая радость дорогая,
сядем в карету, которой у нас нету...*

Раз за разом все добавлялись новые куплеты - и про тестя, и про тещу, и про шурина веселого. Получилась настоящая музыкальная комедия.

У каждого времени свои песни. Любят наши люди и умеют петь революционные песни, песни гражданской войны и войны Великой Отечественной. Невозможно забыть песню-причет, ее пели женщины-солдатки вполголоса: "Ох, темна ноченька при буре, и скрылся месяц в облаках.. Ты встань, проснись, друг мой милый, я без тебя жить не могу..." Верно сказано: какое время, такие и песни! Песня - душа людская.

В любой деревне, большой и малой, живут хранители народных песен - нашего национального богатства. Чаще всего это пожилые женщины. Я назову имена своих дносельчанок - Акулину Демидову, Евдокию Луканину, Дарью Мартюшову, Евгению Сорокину. Стоит послушать их песни, а может, и записать.

Богат наш благословенный край добрыми людьми, их добрыми делами и хорошими песнями. А песни, как птицы, летят к нам. Их шлют нам певцы и певицы Людмила Зыкина, Ольга Воронец, Александра Стрельченко и Юрий

Гуляев, и Эдуард Хиль, и Александра Пахмутова, и многие другие. Мы с благодарностью принимаем эти дорогие подарки, поем их и сами складываем песни, которыми полна душа.

// Советское Зауралье. - 1978. - 4 янв. - №3. - С.4.

Янтарный бусинки-камешки

Их девять, желтых бусинок-камешков разной величины и формы, нанизанных на нитку. Самый крупный камешек посередине. Хранит их Авдотья Михайловна в деревянной шкатулке, а когда приболеет или тоска навалится, достает и надевает себе на шею. Хоть верьте, хоть нет, а легче ей становится.

Янтари эти достались ей от матери, а той тоже от матери, да так вглубь, по наследству, не добраться до начала. Не все сохранила-уберегла Авдотья Михайловна свои бусинки, их было куда больше.

Первые четыре бусинки, потерялись, когда бандит-белогвардеец допрашивал: «Где твой муж?» - орал. Сорвал с нее бусы, разбросал их, втоптал в землю, исхлестал ее самое плетью до полусмерти тогда... Муж ее, Иван Савин, в ту пору воевал на стороне красных и не вернулся с войны. Осталась Дуня вдовой в двадцать два года с трехлетним сыном Колей.

Как растила сына, как жила без мужа!.. Скоро сказки только сказываются, а жизнь - не сказка. Вырос сын - вылитый отец. Молодой вдове и женихи находились, да не было среди них равного ее Ване. Так и прожила всю жизнь вдовой.

Она за своего-то Ваню убегала самокруткой, убогом, не спросясь отца-матери, без церковного венчания. Уговорил, улестил ее тогда Иванко Савин, да и очень уж она его любила.

В сорок первом году сын Коля уходил на войну с фашистами, оставляя свою молодую жену, наказывая матери: «Пусть Галя живет у тебя, а родит дитя, люби его, нянчи, это мне дитя. Не оставляй его, если не вернусь». И не вернулся...

Тяжело терять любимого мужа, невыносимо тяжело потерять сына. Как получила известие о гибели Николая, без памяти сделалась, сорвала с себя янтари, не помнит, как собрала потом, не все...

Сноха Галя. Всем добрым людям желала бы такую сноху. Авдотья Михайловна, как ее Галя! Родила Галя сына, Авдотье Михайловне внука. Он - истый дедушка Иван, и имя ему дали в честь деда. Трепещет, дрожит натянутая ниточка рода Савиных.

Присватался к Гале хороший человек - Петр Григорьевич. «Выходи замуж, Галя», - советует снохе. Авдотья Михайловна.

- Пойду замуж, - соглашается Галя, - если и ты, мамонька, согласишься жить с нами.

И вот Авдотья Михайловна в семье Петра Григорьевича Пастухова. Всем добрым людям желала бы она такого зятя.

Летит время быстрее птицы. Вырос внук, возмужал, отслужил в армии, женился. На том месте, где когда-то стояла изба вдовы Ивана Савина, погибшего за Советскую власть, стоит крестовой дом Ивана Николаевича Савина, а в нем пятеро детей: три мальчика и две девочки. Старшему-то, Коленьке, пятнадцатый год доходит, а маленькая-то Дуняшка - вот шустрая, чистый шустрик!

Набрала полную силу весна, восемьдесят третья весна в жизни Авдотьи Михайловны. Вышла за ограду бабушка Авдотья, погреть на солнышке «свои старые косточки, уселась на лавочку возле полисада. Щедро греет ее солнышко, а голубые волны воздуха укачивают... Дремлется бабушке Авдотье, голова её то опускается на грудь, то вновь она ее поднимает и дрожащими пальцами рук перебирает на груди свои янтарные бусинки-камешки: они с ней, все девять штук!..

// Советское Зауралье. – 1978. – 23 марта. – №68. – С.4.

В гости

Дарья Ивановна взяла отгул на несколько дней, чтобы съездить в город, навестить племянника с семьей. Да и город хочется посмотреть: говорят, там понастроили!.. Давно не бывала в городе Дарья Ивановна; года три, а то, поди, и больше.

Засобиралась в путь-дороженьку. Путь не дальний, да и не близкий. Километров шестьдесят поедет на автобусе, потом поездом больше ста километров. Принесла из кладовки корзину возьмет ее вместо сумки. Удобная такая корзиночка вместительная, если что и положить в нее, не сомнется.

Но что взять в гостинцы? Как приехать к родне в кои-то веки без гостинцев своих, деревенских? Взяла бы масла своего, домашнего, сметаны, творогу, да корову не стали держать - не покупать же все это в магазине и тащить в город! Настряпать бы пирогов с грибами с ягодами, с маком, да русскую печку нарушили вместо нее поставили плиту - разве на ней испечешь, пироги какие вынешь из русской печи? Получается, как в сказке: «Сварила бы баба щи да кастрюлю поди поищи».

А все сынок Виктор, зоотехник, виноват. И жена его Зина, учительница, под стать ему: им ничего не надо! Живут однодневками. В столовой пообедали, а дома пряники магазинные пожевали. Мы, дескать, люди современные, нам некогда возиться долго с коровой да печкой... Мы интеллектуалы!..

Сама Дарья Ивановна работает тоже на ферме телятницей, знает, что это такое, и не может поверить, чтобы не найти времени испечь пирог или обиходить корову. По ее убеждению, в деревне без коровы да без русской печи – жизнь не жизнь. И как могла согласиться ликвидировать все это? Ведь чуть приболел, и вот она, матушка-печка, отогрела тебя, успокоила: встал, встряхнулся – и болезни как не бывало! А молочко парное, прямо тепленькое запашистое, душистое, лучше всякого лекарства!

Старая пословица - «у коровы молоко на языке», понимать ее надо так, что вкус молока зависит от корма. Накорми корову сеном, в котором много полыни, и молоко она даст горькое. Дарья Ивановна для своей Зорьки всегда заготавливала сено в Луканинской луке: там и поляк, там и визиль, и белая кашка, и всякое разнотравье... Даже по вкусу говядины можно определить, чем было кормлено животное.

Пошла Дарья Ивановна в магазин, купила банку рыбных консервов, банку маринованных слив, три шоколадки - вот и все гостинцы горожанам из деревни. В город приехала поздним вечером. На вокзале ее встретил племянник Василий. Обнял поцеловал в щеку, хочет взять, из рук корзину, Дарья Ивановна не отдает: «Сама понесу, не велика тяжесть». Шли пешком, благо, недалеко.

- Вон, тетя Даша, в большом доме на четвертом светятся три окна, - показывает Василий. - Это и есть наша квартира.

Гостью ждали. Даже голоштаный Дениска не спал, возился на кровати: то скатывался с нее, то вновь залезал. Жена племянника Тоня выскочила

навстречу, обняла Дарью Ивановну и опять убежала в кухню - там что-то шипело-кипело. Дарья Ивановна, затолкнула свою корзину в угол возле шифоньера, разделась, умылась, привела себя в порядок и вошла в комнату, где был накрыт стол.

- Дениска, - обращается племянник к сыну. - Это бабушка Даша. Подойди к ней, поздоровайся, скажи: «Здравствуй, бабушка!».

Дениска держал палец во рту. Он уже успел потрогать им бабушкину корзинку и словно бы обжег его. Протянул свободную ручку бабушке, а поцеловать себя никак не позволил.

- Присаживайтесь, тетя Даша, к столу, - приглашает племянник и разливает десертное вино по стаканам. - За твое здоровье, тетя Даша, за встречу! - Тоня ставит на стол горячее блюдо, тоже берет стакан с вином: - Мы очень рады тебе, Тетя Даша, - говорит. - Мы любим тебя, гордимся твоим трудом, а как увидели твой портрет в газете да прочитали о тебе, у Васи прямо слезы на глазах заблестели...

Дарья Ивановна хотела тоже поднять стакан, но рука задрожала, вино расплескалось... Хотела подняться со стула, не смогла...

- Утомилась, тетя Даша, с дороги утомилась!

- Немножко. - Уж простите меня, скатерть вам залила. Старость, видно, дит. Душа у старого человека часто томится и волнуется... Помните нашего дедушку Дениса, какой был геройский человек, а в старости все вздыхал и без всякой причины даже плакал...

Тут вдруг заревел Дениска, да так громко, на весь дом:

- Что с тобой, сынок?

- А что у бабушки в корзине? - захлебывался плачем малыш. - Что у бабушки в корзине? - Все расхохотались. Пришлось Дарье Ивановне раскрывать секрет корзины.

- Ты говоришь о старости, тетя Даша, а не пора ли уже оставить работу? - опять заговорил племянник. - Тебе назначат добрую пенсию...

- Успеется пенсия. Я боюсь ее, не хочу... У меня еще есть сила. Работается легко, всласть. А жизнь труда - не жизнь. На другой день Дарья Ивановна побродила по городу, полюбовалась им, в магазине сделала покупки, а вечером засобиравшись домой.

- Погости еще хоть денек, - уговаривали ее, но уговорить было невозможно: «Уж простите, в гостях хорошо, а дома лучше, - повторяла она. - Телятки - мои ребята ждут».

Уже простились с Дениской, с Тоней. Уже Василий собрался провожать ее. Тетя Даша достала из жакета сверточек, положила его на стол: «Это мой подарок вам, купите себе что-нибудь. Сама хотела купить, да вы лучше меня это сделаете. Здесь триста рублей»,

- Такой подарок принять не можем! - как бы испугавшись, заявил племянник. - Это уж слишком...

- Эти деньги у меня лишние, не нужны они мне. Не обижайте, не отговаривайте...

Тоня пыталась засунуть сверток Дарье Ивановне назад, в карман, корзину, но та решительно ее остановила: «Тетка я вам родная или чужая?»

Поезд шел неторопливо. Колеса постукивали, вагон мягко покачивался. Дарья Ивановна дремала. Ей виделась ее Зорька: она подавала ей ломоть черного хлеба, круто посыпанного солью. Зорька тянулась к ломтю и глядела на Дарью Ивановну большими добрыми влажными глазами...

// Советское Зауралье. – 1978. – 12 апр. - №84. – С.4.

Слобода Утяцкая и «Кучумовы царевичи»

Середина XVII века для среднего Притоболья явилась началом заселения русскими «охочими людьми». Одним из первых селений была слобода Утяцкая. Основателями ее считаются слободчик Учецкой слободы Игнатий Репин и пашенный крестьянин Антон Менщиков, выходцы из Новгородской земли.

Место для поселения облюбовали - лучшего желать, не надо: левый берег Тобола с пойменными землями, с многочисленными озерами, с вековым сосновым лесом. Все нужное для жизни под руками, а ниже по Тоболу, в сорока верстах, закладывалась тоже русская слобода «Царево Городище», надежный сосед.

Своему селению первопроходцы дали название - Утяцкая, возможно потому, что возле водоемов водилось много уток, гусей, которых можно брать просто руками, а может, что в звучании- названий Учецкая - Утятская много сходства. Основатели слободы имели письменное дозволение на владение землей вверх по правому берегу Тобола на двадцать пять верст, по левому - на тридцать пять.

Население слободы быстро росло: всяким «охочим людям», в том числе и раскольникам, отказа не было. Люди рубили для себя избы, для скота находили уголья, пахали землю, сеяли рожь, ярицу (пшеницу). Одна беда: нет покоя от разбоя так называемых «кучумовых царевичей».

«Кучум - презренный царь Сибири», разбитый наголову русскими казаками, бежавший в азиатские степи и промышлявший там грабежом, давно был убит, а его внуки-правнуки все еще именовали себя «царевичами», промышляя тоже разбоем и грабежом. Шайки разбойников много раз нападали на вновь возникшую Утяцкую слободу. За первые годы ее существования угнали более тысяч голов скота. Особенно свирепым было нападение весной 1671 года. Разбойники в прах разорили слободу, убили многих людей, увели в полон парня Ивана Бакланова, пастушонка Кирьку, девку Евланку. Убит был и вожак слободы Игнатий Репин.

Сын Игнатия Репина Тимошка вместе с Антоном Менщиковым вступили в ходатайство перед правительством о дозволении построить для защиты от набегов кочевников крепость-острог. Дозволение было получено и в 1680 году начали строительство крепости. Вот что хранится в письменных источниках о той крепости:

«Утяцкая слобода, кругом той слободы город, лежащий в столбах, також надолбы, рогатчи и ров, и при том городе четверы ворота проезжие, на которых имеются караульные кланчи» (Список населенных мест Тобольской губернии», С-Петербург, 1871 г.)...

Так слобода Утяцкая стала надежным форпостом для дальнейшего освоения русскими диких пустынных мест среднего Притоболья. Форпост Утяцкнй содержал специальный военный отряд, скомплектованный из беломестных казаков, являвшийся грозой для разбойных орд.

«Киргизушкины дети»

...Баю-баю, мое дитяtko.

Ты по тятеньке – татареночек,

Ты по мамоньке – полоненочек,

Ты по баушке — дитя русское!

Из песни далекого времени.

Поп Евмен ходил на рыбалку, а вместо рыбы принес домой ребенка - девчоночку лет трех. «Нашел ее, - рассказывал, - под ракитовым кустом, вконец обессиленную»....

- Грей воду, - велел он попадье. — Вымыть надо дитя человеческое, молочком напоить да и спать уложить. Дитя-то ровно не русского отрывку...

Тут же в деревянном корыте поп девчоночку окрестил и имя ей нарек - Анна. В кою пору все у него поспело, сам поп дак...

Поп с попадьей были бездетны и люди, видно, добрые, стали держать девчоночку заместо дочери. Растет Анюшка - попадье помощница, соседским девчонкам подружка. Кто-нибудь из подружек иногда к имени девчоночки и добавит: «киргизушка». Девчоночка в слезы, побежит матери жаловаться, а мать ее успокаивает: «Ты наша дитя, не верь никому, это они от зависти, вот я уже доберусь до обидчиков»...

Выросла Анюшка собой стройная, лицом белая, щечки - два лепесточка, только глазки узковаты - щелочки и как угли черные, с тлеющими огоньками да волосы иссиня черные и жесткие. Пришло время, жених для Анюшки нашелся Егорко, сын Петра Афонасьева. Свадьбу сыграли по всем правилам того времени, приданое за Анюшкой дано было доброе...

И народила Анюшка детей: четыре сына и три дочери. Сыновья-то - молодец к молодцу, русоволосые, голубоглазые, в отца пошли. Только младший Пантюшка в мать удался, такой же черноволосый и узкоглазый. Добавились в слободе Утяцкой четыре мужика-пахаря с фамилией Афонасьевы, с прозвищем «киргизушкины». Да так и шло то прозвище по жизни не одно поколение и докатилось до наших дней. Ничего не поделаешь, глянется-не глянется: на каждый роток не накинешь платок.

// Советское Зауралье. – 1978. – 9 июня. - №132. – С. 4.

За ягодами для бабушки

Люди корзинами, ведрами клубнику собирают, на вишенье целятся, а бабушка Марфа о землянике вспомнила... Болеет бабушка, тяжело болеет, смертного часа ждет. Трудно, ох, как трудно человеку на девятом десятке жизни с болезнью бороться! У постели больной очередная дежурная - внучка Люся.

- Люсенька, скоро ли петров-от день?

- Сегодня, бабушка, сегодня. - Больная чуть встрепенулась, зашептала:

- Чаю с землянкой надо...

- Чай готов, с вареньем земляничным, сейчас дам.

- Не надо варенья, не надо чаю... - Бабушка отвернулась в сторону, и лицо ее словно землей подернулось...

- Вот беда! - сокрушается Люся. - Где ее взять, свежей земляники? Не надо было мне говорить про этот петров день, не надо было сказывать, что сегодня, но... сегодня день памяти дедушки Петра, а он что наказывал? «Поминайте меня землянкой, а разные там поминки со вздохами да молитвами не надо, я был неверующим, я был коммунаром первым в деревне...».

- Коля, - обращается девушка к брату, только что вошедшему в дом. - Посиди возле бабушки. Не вздумай спать улечься, дождись маму, а я побегу в лес искать землянику, для бабушки, просит.

- Где ты ее найдешь? Давно выбрана, и земляничник в землю вбит. - Коля стягивает с ног сапоги, снимает рабочую одежду - он вернулся с ночной. Люся, не отвечая ему, схватила корзинку, и нет ее....

...Утро уже разгулялось. Утро - всегда удивительно, июльское утро - особенно. Солнце и земля в общем восторге, вместе ликуют и славят жизнь. Даже конотоп по обочинам проезжей части дороги блестит алмазными каплями, а ноготки в палисадах как маленькие солнышки, заигрывают с большим солнцем, улыбаются ему, и ты думаешь: нет на свете милее цветочка ноготка, зеленой травки - спорыша-конотопа!..

Щедра для людей природа, награждает в достатке своими дарами. Земляника, клубника, смородина, вишенье, костяника, брусника, ежевика - всего вдоволь. Черемуха с калиной и бояркой не в счет, за настоящие ягоды они не принимаются. Только всякой ягоде свое время. Вовремя ягоды бери!

С незапамятных времен считался сбор земляники - 20 июля, сбор смородины, вишенья и прочих ягод с ильина дня - 2 августа. Конечно, год на год не приходится, но люди все же придерживались этих сроков, за ягодами ходили, как правило, пешком. «Запреты» на некоторые ягоды налагались, чаще всего на вишенье. Устанавливал «запрет» сельский сход: «Не орать вишенье до воскресенья после ильина дня!». И это было для всех неписанным законом.

Неоправданно торопим мы время! Ягоды еще не налились, порозовел еще чуть-чуть один бочок, а мы уже тут как тут, с силой тянем зеленую ягоду, обрываем ее вместе со стеблем.

Первыми являются на ягодники горожане. По-сумасшедшему мчатся. «Волги», «Жигули», «Москвичи», автобусы большие и маленькие, мотоциклы с

люльками и без них, мотороллеры - и прямо на ягодники, не щадя их! Три-четыре дня, и покончено с одними ягодами, ждите своей участи и те, которые еще в цветении...

Люся спешит, торопится широкой дорогой-просекой через сосновый бор, ждет-надеется, что догонит ее какая-нибудь попутная машина или мотоцикл и подбросит до свертка к речке Боровлянке. А там за речкой найдет она землянику! Сохранилась же она где-нибудь под кустиком... хоть бы горсточку набрать.

Так и есть, мчится мотоцикл, остановился.

- Далеко ли, Люся? Садись, подвезу! - Это кричит Вася Авдеев, одноклассник, однокашник. Два года назад вместе кончали среднюю школу, и теперь в своей деревне Вася - механизатор, Люся - оператор машинного доения.

- Бабушка у нас совсем плоха, свежей землянички просит, - сообщает Люся, усаживаясь на мотоцикл. - Хоть бы горсточку насобирать хочу поискать за Боровлянкой, у Падуна...

- Я помогу тебе, Люся, время есть. Поехали! - И вот сверток с дороги, вот она и Боровляночка. Через ветхий мостик перетащили, мотоцикл на руках. Вот он и Падун, продольный невысокий уступ-терраса, с которой весной сбегает потоки ручейков к Тоболу. С этого уступа бежит-торопится и Боровлянка. По уступу растут сосны, но больше берез, и от них светлынь.

- Ура! - кричит Вася. - Смотри, сколько земляники! Воскресла из мертвых! Дней десять назад был здесь - полный разгром...

Молодые люда склонились над ягодами, а они, спелые, крупные, сами падали в руки, едва к ним прикоснешься. Корзинка Люси в момент была полной...

- Пишет тебе Ленька? - спрашивает Вася.

- Ни одного письма, ни слова, ни полслова, - смущается Люся.

- И мне не пишет. И дома от него отец с матерью не получают писем. Не надо огорчаться, Люся. Ленька - парень настойчивый, человек настоящий... Экзамены же! Готовится. Ленька головастый, он поступит в институт и вернется инженером. Да и город, какой город выбрал Ленька - Новосибирск! Будем ждать Леньку, так ведь, Люся?

Люся молчит и переводит разговор на ягоды:

- Я все думаю, Вася, порядок бы установить даже и в сборе ягод. Ведь не остается смородины, а брусника почти исчезла. Да и не я одна об атом сокрушаюсь, все люда так думают...

- Надо. - соглашается Вася. - И дело не столь уж хитрое. Твердо устанавливать сроки сбора, запретить на ягодники заезжать на машинах. Машины на стоянку, а за ягодами - пешком. Вот и проблема решена.

- На словах все просто, а на деле - проблема...

Не более чем через полтора часа Люся угощала бабушку отличной земляничкой: поминали дедушку Петра - какой он был добрый, какой настоящий человек. И бабушка веселеет. Ей обязательно будет легче, она поправится.

Дедушкин прадедушка рассказывал

про земляные яблоки - картошку

Дедушки Минея давно нет в живых, а мне он видится сидящим на лавке в своей черной избе. Что-то делает, копошится, чинит не то узду, не то шлею для коня Белоножки. На шестке варится картовная каша. Мы бросим в нее горсть сухарей и будем хлебать кашу прямо из котелка. Тут дедушка -расскажет мне любопытное про картошку.

- Картофель-то в наших краях появилась не так уж давно. Мой прадедушка Егор, покойна головушка, не раз рассказывал, как люди не хотели ее принимать, чертовым яблочком называли, в реку свалить семянную картошку хотели. За вилы, за топоры брались...

Привезли ее к нам в деревню накануне Николы-вешнего, нашего престольного праздника. Сложили в мангазину (амбар) за деревней, закрыли на замки, ключи поручили хранить моему прадедушке Егору. Он вишь, был у нас в деревне лицом неприкосновенным, крестом Георгия Победоносца был жалован за подвиги на войне. Положил Егор ключи к себе в карман, на грудь прицепил крест Георгия. Возьмите его голыми руками - слугу царя и отечества! Кто посмеет?

В деревнях наших в ту пору волнение было сильное. Лучшие, уже разработанные земли у крестьян отбирали и дарили их богатым. На наших полях появились земельные участки Матвеевых, Пинаевых, Дедовых, Дунаевых, попы полудили участки... Боялся, крестьянам хуже смерти попасть в барскую неволю... А тут еще эти «яблочки»! По наряду для них землю распахали, потом уход за ними заставят крестьян выполнять, а потом и земли-участки новоявленных бар-помещиков заставят, обрабатывать.

Кривой Сысойка с дружками уже подходил к мангазине. Сысойка с топором, Гераська с вилами.

- Эй, служба, - кричит Сысойка, - отвори мангазину, не то сам отворю, изрублю топором двери...

- Ой, Сысойко, - отвечает Егор Иванович, - не лезь на грязь, замарашься весь, не отмоешься... Дурья башка... Вся Расея ест эти яблочки да похваливает, ты чо, не русской? Я сам хочу у себя в огороде гнезд десять посадить этих яблочек, на осень позову тебя в гости, яблочками угощу, штоф чик горькой с тобой разопьем.

Падкий на выпивку, Сысойка повеселел, топор за спину спрятал.

Пошептался с дружками, увел их прочь от мангазины...

День Николы-вешнего. Раз в год бывает такой день! Приходит он с зеленой травой, с голубыми цветами, - от которых и небо голубеет. Птицы поют-запевают на разные голоса. Радуются и люди, как не радоваться? Главные полевые работы уже закончены. Посеяна ярница (пшеница), овес, озимая рожь землю укрыла, в ней галка прячется. Никола-вешний - роздых от большой и трудной работы. После роздыха остается посеять еще только просу да лен с коноплем...

Понаехало, приволоклось на праздник гостей со всех волостей. Гости,

общие, заходи в каждую избу, двери для всех настежь распахнуты, угостят чем бог послал, и кружка пива-травника найдется.

Полна богомольцами небольшая церковь, там служба идет, но глазные толпы людей на площади возле нее. В два ряда возле входа в церковь расселились прямо на землю нищие, калеки, уроды, среди них много малолетних детей. Тянутся нищие к людям за подаванием, поют псалмы про Лазаря, про Николу-святителя, любителя пегих лошадей. Жалостлив русский человек, оделяет убогих пряниками, шаньгами, блинами, медны ми грошами. - копейками. Невесть откуда приехавшие торговцы раскладывают свои товары: обливные горшки и ладки, глиняные игрушки, платки, полушалки и прочее. На середине площади - балаган, там порявкивает медведь на цепи, вот-вот начнемся представление. Будет медведь людям кланяться, будет плясать, показывать, как бабушка-старушка к обедне идет...

Ходит среди людей, незнакомый человек, показывает это самое «земляное яблочко» - ну точь-в-точь чертова голова. Два рога во лбу, один глаз, рот до ушей... Шарахаются люди от незнакомца, а он нашептывает, что в соседней деревне Меньшиковой эти «чертовы яблочки» кончили. Половину ногами растоптали, другую половину в речку бросили... Поглядывают люди в сторону мангазины, а там урядник с саблей на боку похаживает, писарь с книгой сидит на приступке, сунься попробуй, запишет в книгу, что тогда?

Тут вдруг слепой Яша в колокола ударил.. Умеет Яша колокола перебирать, музыку ими творить, берет за душу та музыка. По вот перешел на набат: «Где пожар, что горит?». Никакой не пожар. Отец Василий на церковное крыльцо вышел, проповедь будет говорить. Подрагивает в его руке крест, голос перерывается, побаивается толпы поп.

- Миряне, - обращается он к людям, - благословенна земля-кормилица, благословенны плоды ее, не может быть земной плод нечестивым. Не яблоками называются плоды, которые мы по царскому велению должны посадить, а картош... картош.. - не может вспомнить окончание нового слова батюшка. Вспомнил: 'касы... . картошкасы...

Взгляните, люди, на голубое небо, на благодать вокруг... Быть нынче урожаю, и в такой день, как сегодня, не грех отдохнуть человеку, от трудов правдивых...

Тут звонарь Яша опять ударил в колокола, и такая музыка пошла, что не хочешь да запляшешь.

Веселился, гулял народ до глубокой ночи, а утром увидели широко распахнутые двери мангазины. Увезены картошкасы... Ранним утром они были посажены в землю. И всего-то было их посажено две лежи... Растите картошкасы. быть вам в почете у людей. Так и случилось.

Не точно передала я образную речь дедушки Минея, это трудно, хотя и пыталась...

Как молоды мы были...

Присмирело, притихло наше село, пережившее столько тревог и волнений. Все страсти, все горькое вобрала в себя сосновая роща и вряд ли доверит-расскажет о них первому встречному. Смешное, веселое, радостное хранит березовая легкомысленная роща. Даже Тобол-река таит в себе что-то такое таинственное о нашем селе. А время летит, машет могучим крылом над селом, не дает ему заснуть, успокоиться...

...Ведением времени наше Утятское сразу же при Советской власти стало районным центром, с учреждениями, в названиях которых первым слогом стало «рай»: райисполком, райком, райбольница, райсуд, раймилиция...

Райкому комсомола выделена была прихожая комната в бывшем поповском доме. Через эту комнату проходили работники райкома партии и служащие профессионального союза. Не помню, был ли у нашего секретаря свой стол и стул. Кругом-бегом он один, наш Миша Овчинников. А мы, тринадцать человек членов райкома, - его помощники: успевай давай задания, всегда готовы выполнить любое.

Мы не только уважали своего вожака, но и любили. За сердечность, за простоту, за бескорыстие любили. А так среди нас он ничем не выделялся – ни знаниями, ни умением, ни удалью, ни даже красотой. Был просто парнем в возрасте от силы лет девятнадцати. Нас, девушек, в составе райкома было только трое, остальные все – парни, разве это справедливо? А еще наш секретарь Миша не признавал танцев. Русская пляска – пожалуйста, а танцульки разные - долой, глупости. Мы танцевать хотим! Худо ли закрутиться в клубе (народном доме) на пару с Костей Зелененко в вальсе? Ставьте на голову Косте и мне по стакану с водой — не расплещем, это ли не восторг?

Культурно-просветительскую работу в райцентре мы сдвинули с мертвой точки. Заимели клуб. Спектакли, концерты, устная газета...

- Послушайте, товарищи члены райкома, - не забывал напоминать нам Миша. - На нашей совести не только районный центр Утятское, а еще свыше двадцати крупных селений. Надо в каждом иметь комсомольскую организацию. А мы на сегодня что имеем? В Митино в комсомольской ячейке только три человека: Андроник Лесников, да Семен Епишев, да Александр Захаров. В Шмаковой один Михаил Шишминцев. а во многих селениях вообще нет ни одного комсомольца. Придется нам, товарищи, отправиться в эти села для организации комсомольских ячеек из молодежи не на день, не на два, а, может, на месяц и больше.

- Ну и что? Надо, так и поедem хоть на год, хоть и более, факт!

На одном заседании райкома мы слушали комсомольца Александра Карпова о работе с сельскими батраками. Шумное было заседание.

- Все батраки и батрачки в возрасте от шестнадцати до двадцати лет должны быть в комсомоле. Это же представители сельскохозяйственного пролетариата! — шумели одни. Другие возражали: Сначала надо среди них ликвидировать азбучную неграмотность, они же сплошь неграмотные!..

- А нам, что, не надо учиться? Мы, что, достигли потолка? Однако мы состоим в комсомоле! Будут в комсомоле, и букварь им в руки, факт...

На наш шум несколько раз выходил из своей комнаты секретарь райкома партии Тарас Павлович Гаськов, утихомиривал наши прения, стоило ему отвлечься, как все начиналось сначала. И все же решили: немедленно начать ликвидацию неграмотности среди батрачества и другой деревенской молодежи, привлечь к этому делу в первую очередь учителей и грамотную беспартийную молодежь.

Но тут, как снег на голову свалилась новая беда. Казалось, все беды и несчастья уже позади: покончено навсегда с колчаковцами, с бродячими белогвардейскими бандами, пережит голод двадцать первого года, перенесен сыпной тиф... А вот теперь, в лето двадцать третьего года, - повальная эпидемия малярии... В народе болезнь эту называли тресью-лихорадкой, и виной ее будто бы уже были не вошь, как при сыпняке, а проклятый долголапый комар. Тучи нынче комаров, узнай, который на них малярийный. у которого длинные лапы?

Наша больница с одним фельдшером Петром Адамовичем на весь район не в силах бороться с эпидемией. Люди придумывали самолечение, среди которого был метод прямо смехотворный: надо будто бы вперед пятками идти в сторону кладбища, там стряхнуть с себя болезнь и без оглядки во весь дух бежать домой.

Дочь фельдшера комсомолка Галя Кяргес пришла к нам с докладом о малярии. Мы дружно собрались на этот доклад, чтобы заслушать его и самим пойти людям на помощь. Балагур и рифмоплет Яшка предварил доклад придуманной им шуткой с приплясом:

- А меня тресья не трясывала и на полати не забрасывала... - И в тот же миг укусил его, как видно, комар. Долго не мог избавиться от тяжелой болезни Яша, чуть не умер, а когда выздоровел, долго мы подсмеивались над ним, напоминая эту шутку-прибаутку.

...Пролетела наша молодость быстрокрылой птицей. Новое, молодое комсомольское племя заменило нас. Особенно был сильным приток в комсомол в год кончины вождя и создателя Советского государства Владимира Ильича Ленина. С тех пор комсомол носит его имя.

Разбирая свои записки о далекой комсомольской юности, нашла список членов Утятского райкома комсомола тысяча девятьсот двадцать третьего года. Почему мы растерялись? Где Миша Овчинников? Где Яша? Где Семен Потоскуев? Куда девались неутомные парни? Многие, ох, многие погибли в войне с фашизмом. А вот Александр Карпов, есть слух, жив: в годы войны он был редактором фронтовой газеты, живет сейчас в Москве в чине генерала в отставке. Подозреваю не о нем ли рассказывает писатель Константин Симонов в своих военных дневниках.

Нет на свете и Гали Кагес – военврача, участницы великой битвы за нашу советскую Родину...

Эти длинные вечера...

I.

Вы запомнили те вечера? В их пору всегда длинные-длинные ночи и самые жгучие морозы, они еще называются крещенскими. Небо усыпало звезды, висят над землей низко-низко, до любой звезды рукой подать, только не забыть бы надеть на руку рукавицу. чтоб не обжечься... И еще: такой ночью белизна кругом от затвердевшего снега, слегка припорошенного недавним куржаком.

Я бы назвала их, эти вечера, слушательными. Почему? Загадай любое желание - самое-самое - и слушай. Обязательно услышишь ответ! Не забудь лишь за пазуху положить теплый сочень, обыкновенный сочень, состряпанный из любого сорта муки и испеченный на поду русской печи. Можно и на плите, только без масла, на раскаленной железке. Любая девушка, спрячь под шубку такой сочень, смело может обращаться под вечер к любому незнакомому прохожему: «Назовите жениха!» и услышит в ответ: Сидор. Калистрат, Прокопий и т. д. Словом, будет названо то имя, которое самой судьбой ей предназначено. И любой неженатый парень испытать свою судьбу таким же образом может, обращаясь к прохожему. Но обязательно, чтоб сочень тоже был у него за пазухой: «Назовите невесту!».

II.

Сельский клуб - деревянное здание. В зале несколько парней от скуки зевают, дожидаясь девчат, которые закрылись вместе с завклубом Аней Бархатовой в соседней комнате по каким-то своим тайным девичьим делам. Договорились же вместе пойти за деревенскую околицу, позагорать под месяцем!

- Пойду спать, - говорит Андрей. - Завтра рано вставать, повторное снегозадержание на поле буду начинать...

- Я тоже спать хочу, - говорит и Виктор.

Дождаться девчат терпеливо решили Михаил, Николай и Иван...

- Собственно, почему мы от них спрятались? – вдруг опомнилась завклубом Аня. - Пусть бы парни были вместе с нами.

- Конечно, пусть будут, только бы не мешали, - согласились все.

- Будем слушать магнитофонную запись, сделанную мной не далее как вчера. Свадебную застольную исполняет Матрена Васильевна. Нам надо разучить ее, на всякий случай. Может, подарим ее со временем каким-нибудь счастливицам-молодоженам.

Аня включает:

У нас свадьба-скрутка весела,

Сорок печей калачей испечено,

Сорок ведер пива наварено,

Нашу Машу окручают,

Штиту кикку надевают

Подвенечну-вековечну!

- Ха-ха-ха! – грохочут парни. - Во дает бабушка Матрена! А голос-то с трещинками...

- Погоди, останови магнитофон, Аня, — шумят девчата. - Что такое кика?

- Объясню, все объясню... Слушайте дальше. Плач невесты:

*Задушевные подруженьки,
У вас батюшки жалостливы,
А меня-то, горе-горькую,
Отдает батюшка на чужую сторону.
Я гораздо ему надоела,
Я сусек хлеба у него съела,
Колодец воды вытила
Много платьицев износила,
Башмачков притоптала, -*

с горькой слезой причитает исполнительница, все та же Матрена Васильевна.

- Ну дает, ну дает бабка Матрена! А сколько ей лет? Бабушке Матрене сколько лет?

- Слушайте. сама ответит сейчас Матрена Васильевна. - Аня опять включает магнитофон:

«Сколько годов, спрашиваешь? сбилась со счету, точно не знаю. Может, седьмой десяток доходит, а может, и девятый. Ты грамотея, помоги сосчитать. Я выходила замуж семнадцати годов, в тот год к нам в деревню приезжал из Тобольска архирей Варнава. Не слыхала про Варнаву? А про Распутина слыхала? Они были дружки - два сапога пара. Варнава и всадил Гришку в царскую семью, сосводничал самой царице Александре...»

III.

Поздно. Уже не вечер, а белая таинственная ночь. Полный месяц - рот до ушей. обозначилось созвездие Плеяды, Млечный Путь рассек небо.

Молодежь снежной целиной движется к таинственному сосновому лесу. Зря с собой взяли девчата этих парней-дуралеев: то толкаются, то ножку подставляют! Так хочется послушать тишину, затаив дыхание. Слышите, слышите... Звезды шуршат... Смотрите, они шевелятся!

Что там слева катится с пригорка? Какой-то шар с хвостом крючком... Ай! Шар прямо под ноги. Собачонка Дамька напугала до смерти!

А вон и Андрюшка Мохов во всем белом со снега поднимается. Экая жердина, чуть не до неба! А рядом в шубе навыворот Витька...

- Эй, вы, слушальники! Идите сюда, намылим вам бока, - кричат хором девчата.

- Сколько время? - спрашивает чей-то девичий голос.

- Десять минут втрого, ответило сразу несколько голосов. Опомнились разом все. Бегом назад в деревню. Рассыпались по домам... Спокойной ночи!



Сельский клуб, с. Утятское

Бокогреевы переверты

*Еще природа не проснулась,
но сквозь редящего сна
весну слышала она
и ей невольно улыбнулась.*

Ф. Тютчев

I.

У февраля свой норов, только ему присущий. То завьюжит - света белого не видно, то солнцем пригреет - капель звенеть заставит. То позовет мороз и велит ему лютовать. Бывает, за одни сутки февраль перевернет бурая на капель, капель - на мороз. Не зря люди много прозвищ надавали февралю: он и бокогрей, и выюговей, и снежень, и лютень.

Февральские переверты раньше всех разгадал тетки Парасковьи серый гусь. Довольно бока пролеживать, день-то прибавился более чем на полтора часа! Поднялся, встряхнулся, захлопал крыльями гусь и что есть силы гаркнул: га-га- га! Ленивые гусихи не поняли своего повелителя, а старая пегая гусиха еще дальше под крыло засунула свой нос. Озлился гусь, глаза налились кровью, покраснел нос, шишка на носу, а лапы сделались багровыми. Стал рваться из стайки и вырвался. Сразу во дворе «под руку» ему попала черная собачонка Жучка: растопырил крылья и, угрожающе шипя, погнался за ней. Бедняжка еле успела юркнуть под крыльцо. С трудом тетка Парасковья хворостиной водворила гуся опять в стайку, про себя отметив: «И невдомек мне, что Афонасьев-то день прошел. С Афонасьева-то дня завсегда, гуси раститься начинают. Надо гнезда нынче подновить»."

С тетки Парасковьи гуся и начались птичьи переполохи. Зашавкали селезни. Распевно, с переливами заголосили петухи. А воробьи прямо с ума посходили: носятся стаями с места на место, ссорятся, дерутся, бранятся! Только и слышно: чи-во, чик-чиво...

II.

*Как у Марьюшки кисель да блины,
А у Лукерьюшки горячи пироги.
Из песни на посиделках*

Не грешно вспомнить старые февральские, русские обычаи, они бытуют и сейчас, пусть в измененном виде.

С приходом февраля, бывало, кончался мясоед. Оставшееся мясо вялили - пригодится в сенокос на похлебку. Мясные щи на столе заменяли уха налимья, толстые (ячменные) щи, супы грибные и картофельные, кисели, пироги, каши разные и шаньги. В середине февраля раскрыта «ямка», в которой хранились для этой поры в деревянной посуде соленые грибы и арбузы, ягоды костяника с брусникой моченые.

К февралю кончались свадьбы. Не успел жениться, получил «головешку» - (отказ), не горюй, терпи до будущей зимы. Женитьба - не напасть, как бы, женившись, не пропасть! Бывало, церковный дьячок голос срывал, каждое воскресенье выкрикивая «оглашения», кто на ком жениться собирается и не знают ли люди между женихом к невестой родства или кумовства. Нередко из-за этих «оглашений» свадьбы расстраивались.

В теперешние февраль все так и не так. Свадьбы нынче круглый год, двери загсов в любой день не закрыты.

Любят люди месяц февраль. Прощают ему его непостоянство, в феврале - масленица, самый, веселый праздник. Запах блинов стоит в воздухе над любой деревней и городом. Катюшки ледяные, катание на лошадях, хоккейные состязания мальчишек на льду, бега на лыжах. Только нынешняя масленица получила новое название - проводы зимы. А самое главное - пахнет весной. Она идет, приближается. Она вселяет волнение, надежды на радости, которые обязательно принесет весна каждому.

// Советское Зауралье. - 1979. - 4 февр. - № 29. - С. 4.

Варвара Степановна Иванова — сельская учительница в прошлом. В 1924 году, совсем юной, пришла она впервые в сельскую школу и отдала ей более тридцати пяти лет благородного труда. Двадцать пять лет из них проработала в селе Утятском Притобольного района. Она давнишний автор нашей газеты: начала писать заметки в «Красный Курган» еще в 20-х годах как селькор. Позже читатели «Советского Зауралья» хорошо узнали ее по интересным и точным по образности и языку, знанию людей и их быта так называемым «деревенским былям». Отличный знаток деревенского фольклора, народного песенного творчества, старинных народных обычаев, она все это богатство использует в своих зарисовках, знакомя нас с истоками и корнями русской духовной культуры. Вот один из таких материалов.

Наши колыбельные

Этюд

*Спи, дитя мое, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебя взяла
Ветер, солнце и орла!*

А. Майков

Мать, укачивая ребенка на руках или укладывая его в кроватку, вполголоса напевает:

*Спи-усни, спи-усни,
Угомон себе возьми,
Золотиночка моя, убаюкаю тебя.
Укачаю, укладу ненаглядную свою...
О... О... О... О... О...
Скоро вырастешь большой,
Мой хорошенькой:
Не буду тебя тогда укладывать,
Не стану тогда уговаривать...
О... О... О... О... О. -*

Умиротворение, любовь и нежность воцаряются в эту пору в доме, радость, вера и надежда... Не откажешь . этой бесхитростной песенке в поэтичности и музыкальности.

...Вечер. Пора управы по хозяйству. Матери надо подоить корову, принести в дом дрова, свежей воды. Она расстилает в горнице на полу одеяло, подает детям игрушки и оставляет их одних - годовалого Степанчика и его восьмилетнюю сестричку Аннушку, обещая быстро-быстро управиться. Пеленая куклу, Аннушка напевает песенку, которую слышала от матери:

*Трактор пашет,
трактор пашет,
Тракторист рукой нам машет
Папа-папа - наш отец, Михаил Степанович!*

*Скоро папонька придет,
Нам гостинчик принесет,
Белый грибочек,
калиновый листочек*

Степанчику скоро надоели игрушки, он встает на ножки и собирается погулять по горнице. Аннушка тащит его на середину одеяла, подает ему резинового кота, сопровождает игрушку новой песенкой:

*Как у нашего кота
Есть на сердце доброта.
Приди, котик, ночевать,
Колыбелечку качать.
Я тебе, коту,
За работу заплачу,
Дам кувшин молока
И кусок пирога...*

Степанчик понял что-то в песенке, он несколько раз повторяет: «Буая дилятя». В переводе это означает: молоко горячо.

Стукнула дверь, в кухню кто-то вошел.

- Кто пришел? - кричит Аннушка.

- Я, дочка, я, - отвечает мужской голос.

- Папа пришел! - радостно сообщает Аннушка.

Степанчик так и взвился! Пытается бежать навстречу отцу и тут же шлепается. Крик, рев!.. Отец едва успел освободиться от рабочей одежды, вошел в горницу, поднял плачущего ребенка:

- Не надо реветь, ты же мужик, не положено... Ну-ка, уймись! Давай лучше споем песенку про уточку моховую или про Аняушку Казаковну.

- Про Аннушку не надо, я не люблю эту песню, - возражает девочка, и отец, разгуливая по горнице с сыном на руках, поет про уточку:

*Уточка моховая,
Где ты ночесь ночевала?
Под мостом-мостищем,
Под городом-городищем...*

Счастливый Степанчик! У него есть в запасе еще одна нянюшка, его родная бабушка Матрена Васильевна. Она время от времени приходит к нему, и тогда песни, байки, присказки и прибаутки льются рекой. Послушаем хоть одну байку (баять - говорить) бабушки Матрены в сокращенном виде:

*Прилетел динь-дятел,
Сел на ворота,
Ударил в бубен.
- Дома ли сестрица моя молодница?
Села на лавочку, расплакалась...
Серебром-монистом рассыпалась...
Курочки клюют,
Петушку не дают.
Спой, петушок, на широкий двор.*

* * *

*Идет петух на пятах,
Несет саблю на плечах.
Вы ку-ты, ку-ты, ку-ты,
Бы подайте «оды—
Мы шкурку сдерем,
На базар свезем:
Купим сапожки,
Степанчику на ножки.*

Вот и еще одна песенка из богатого репертуара бабушки Матрены Васильевны:

*Баю, баюшки-баю,
Живет бариш на краю,
Он не беден, не богат,
У него много ребят,
Все по лавочкам сидят,
Кашу маслену едят...*

Богат детский фольклор. Он особняком стоит в устном и народном творчестве. Песни колыбельные, байки, считалки, присказки, побасенки. Рассыпаны они серебром-монистом по деревням и весям, по домам и избам. Как бы их собрать воедино? Трудно, они в постоянном движении! Впрочем, может быть, возможно...

// Советское Зауралье. - 1979. - 18 марта. - № 65. - С. 4.

Талая вода, шалая вода

*Приди, весна, с радостью,
С великою благостью...*

Апрель - срединный месяц весны. Апрель - снегогон: апрельские ручьи землю будят. Апрель - водолей. Вода на лугу - будет сено в стогу. Мокрый апрель - хорошая пашня. Вот такая характеристика дана народом апрелю месяцу!

Лес еще не одет, ноги деревьев в воде. Еще не куковала кукушка. И не надо, чтоб скуковала на голое дерево: примета! А верба и ива уже нарядились в сережки.... Но вот небо задернула свинцовая туча, потянуло холодом, пошел снег, кругом опять белым-бело. Не беда, это внук за дедушкой пришел! Если на седьмое апреля (благовещение) застыли лужи, если днем ветер перебрасывает соломинки через дорогу, жди впереди сорок холодных утренников. Примета.

Многие пернатые вернулись к своим гнездам. Галдеж в грачевниках, скворцы заливаются-поют у своих скворешен! В затишке на солнышке порхают бабочки, летают пчелы, ползают божьи коровки. Земля дымится...

На пригорке, где чуть-чуть уже прогрелась земля, деревенские ребяташки затеяли игру «бить-бежать» (лапта). Им жарко - сбросили верхнюю одежду, а некоторые даже обувь: хорошо почувствовать теплую землю, босой ногой!

В апреле - день Марьи-обманщицы, Марьи-хлопуши. Этот древний обычай бытует и в наше время. Шутки, смех, подсмеивание друг над другом! В Марьин день - никому не верь! Шутки и смех, как правило, безобидны и доброжелательны, вроде: «Нюра, я про тебя что-то знаю. Можно при всех ляпнуть?». «Андрей, тебе поклон. - От кого? - От Маши. - От какой Маши? - От коровы нашей...». Много балагурства - что-то от далекого скоморошества...

К концу апреля вскрываются реки. Игру начинают сначала малые речки, такие, как Юргамыш, Глядяна, Алабуга, Боровлянка, а потом в игру вступает и Тобол. Будто бы щуки в ту пору помогают своими хвостами лед на речке разбивать.

Чем раньше начинают играть реки, да еще если все одновременно, - быть наводнению. В сороковых годах наводнения были ежегодными. Особенно сильное - в 1947 году, под водой оказались левобережные селения, в том числе и Курган, уже седьмого апреля. Немалый ущерб хозяйству приносили наводнения, но и блага от них немалые.

Много веселья в, апреле! Но много и хлопот. Идут последние приготовления к полевым работам. Проращивается рассада для огородов, для цветников. Сжигается оставшийся от зимы мусор.

// Советское Зауралье. - 1979. - 13 апр. - № 86. - С. 4.



с. Утятское, у магазина

Таратай

из невыдуманных рассказов

Бабушка Матрена как-то сказала внуку: «Все на свете петухи «кукареки», а наш петух - «таратай».

- Как таратай? Почему таратай? - заинтересовался Алешка.

- Сам себя так называет. Сходи послушай...

Вышел Алеша во двор, сел на ступеньку крыльца, стал наблюдать за курами. Разбрелись хохлатки и пеструшки по двору, среди них петух красуется: ходит, как танцует, ноги поднимает высоко и все ... подпрыгивает, подпрыгивает... Костюм на нем - черный, на плечах - оранжевая накидка, на голове - красная корона, у подбородка тоже красная шелковая борода, а хвост!!! Длинные разноцветные перья загнуты, как дуга-радуга!..

Вдруг петух захлопал крыльями, поднялся на цыпочки, и на самой высокой ноте провозгласил: - Я... - Чуть приосанился, спустился с цыпочек и долго тянул своим пронзительным голосом на - более низкой ноте: «та-ра...». Потом уронил голову себе на грудь и на басовой ноте закончил: «...тай...». Отчетливо получилось так: «Я — Таратай!» И куры общим хором принялись хвалить его: «Ко... ко-ко!» Это значило - хорошо, хорошо, отлично!..

Тут принялся петух своими когтистыми лапами разрывать землю, что-то нашел и закричал: «Ух! Ух! Сюда! Сюда!» Сбежались куры. Самая юркая маленькая пеструшка ухватила «что-то» и проглотила — остальным ничего не досталось. Петух же, очень довольный, будто улыбался себе в бороду...

Все это слышит и видит Алешка, а сам про себя думает: «Попугая научить говорить человеческие слова запросто можно. Скворца научить можно, и даже сороку-белобоку. А нашего петуха ведь никто не учил. — сам научился? Необыкновенный петух! А если бы. его еще подучить?»

Откуда же Алешина бабушка, Матрена Ивлиха, взяла такого говорящего петуха? Может, он с неба свалился прямо к Ивлевым во двор? Нет, дело было гораздо проще. Еще когда Алешка был совсем маленьким (а нынче он уже пойдет в школу, в первый класс), бабушка постоянно рассказывала ему сказки, о петушке-золотом гребешке. А Алешка все просил: «Какой он, петушок; покажи!» Бабушка отыскивала в книжке картинки с петушками, а Алешка продолжал капризничать: «Покажи живого!» А живых петушков, как и курочек, в деревне Ипатовке почти совсем не осталось: все надеялись на сельмаг, в котором время от времени торговали яйцами, а куриный суп, заправленный яйцом, редко у кого появлялся теперь на столе.

Не глянулось это бабушке Матрене Ивлихе - скучно жить без кур на дворе! Без Петушиного пения можно и зарю проспять... Сходила бабушка в магазин, купила два десятка яиц, нашла у кого обменять их на свежие, прямо из-под кур. Пришлось в поисках обойти не только свою, но и соседние деревни. Наседку тоже дали добрые люди. И вот теперь не нарадуется Матрена своему табунку из десяти кур. Все разномастные, ни одна на другую не похожа. А уж петух! Таратай! Такого петуха пойдешь поищи еще...Алеша полностью взял на себя теперь уход за курами, в тайнике души, мечтая под-

ружиться покрепче с Таратаем и обучить его произносить еще некоторые слова. Хотя бы «Здрасте, прощайте» или ещё что-либо в этом роде. Утром мальчик сам задавал курам корм. Они с жадностью клевали, а Таратай кружил, вокруг них, подсакивал на одной ноге, опустив противоположное крыло до полу, словно боялся, что Алеша отберет у них корм! Сам Таратай ел после всех, что останется... Потом он разводил кур по гнездам, приговаривая каждой: «Пойдём-ко... надо... ко-ко... надо ко-ко». Потом встречал каждую, которая с радостным и громким кудахтаньем извещала всех-всех, что яичко снесла. Вот сколько дел у петуха Таратая!

Иногда Алешка с куском хлеба пытался подойти поближе к Таратаю, угостить его. Не получалось. Таратай словно возненавидел Алешу - сразу пускался наутёк с криком, «куд-ку-да, куд-ку- да!» Алеша даже стал сердиться на Таратая и несколько раз обзывал его дураком.

Кончилось лето. Скоро Алеше в школу. Может быть, в последний раз уже завтракала семья Ивлевых на открытой веранде, собираясь переместиться вскоре на кухню. Алешина мама рассказывала, что соседи жаловались на Таратая: стал перелетать к ним во двор через забор, бьет их петуха.

- Ах, разбойник! - возмущался отец. - Петь по-петушиному не умеет, а драться лезет... Связать ему крылья!

И в этот самый миг у резной стенки веранды раздалось громкое «ку-ку-ре-ку!». Все повскакивали с мест, бросились глядеть. Возле веранды Таратай разгребал землю, отбрасывая ее второны. Он злился - перья на шее поднялись от злости...

- Вот, полюбуйтесь на него, — смеясь, сказал отец. - Решил доказать, что он - настоящий петух!

И все весело засмеялись...

// Советское Зауралье. - 1979. - 21 авг. - № 190. - С. 4.

Последние «колдуны»

поиски и находки

В журнале «Живая старина», издававшемся в 1893 году в Петербурге, встретилась интересная статья Н. О. Осипова «Ритуал сибирской свадьбы». Описывается очень подробно свадьба в деревне Нагорской Утятской волости Курганского уезда Тобольской губернии. В начале статьи даны некоторые экономические данные. Сообщается, что в Нагорской - 157 дворов с тысячу наличных душ обоего пола. Ежегодно в деревне играет 8-9 свадеб, которые крестьянскому двору обходятся очень дорого.

Ритуал-церемония свадьбы очень сложный и хранит в себе древнейшие суеверия, предполагающие, что брак окружен влиянием темных сил, которые могут повредить счастливому супружеству. Для соблюдения ритуала свадьбы приглашается особый знаток - ведун, своего рода колдун, называемый вежливецем.

Автор статьи Н. О. Осипов сообщает, что нагорский колдун-вежливец Василий Федорович Бобков - «обстоятельный зажиточный крестьянин». Вежливец — главное лицо на свадьбе — большак, без него будто бы не уберечься от других колдунов, действующих по собственной злобе к брачующимся или по подговору. Описывая свадебный ритуал, автор приводит много свадебных песен, из которых есть бытующие и в наши дни. В песне, посвященной жениху, напоминает ему о начале телесной и духовной жизни:

- *Кто тебя, Иванушко, народил?*
- *Народил меня батюшко свет (имя отца).*
- *Кто тебя, Иванушко, на белый свет пустил?*
- *Пустила на белый свет меня матушка (имя матери).*
- *Кто тебя, Иванушко, на бело умывал?*
- *Умывал меня крестный батюшко (имя крестного).*
- *Кто тебя, Иванушко, хорошо снарядил?*
- *Снарядила меня крестна матушка (имя крестной).*

Немногие старожилы деревни Нагорской помнят своих «колдунов» и говорят, что Василий Бобков был уж последним. На вид будто бы был он не хмурым, не угрюмым, и речь его была складной. Вот как он ответил ребятам, вспоминает древняя бабушка Т. М., когда они зашумели на полатах, подглядывая за ходом свадьбы: «Маленьки ребятки синие опупки, сопельки растные, не балуйте, - шуть, шуть!»

С приходом революционной культуры в деревню сгинули все «колдуны», забылись их «колдовские» заклинания.

Бабушкины рассказы

В раскрытое окно малой горницы заглядывал великолепный летний вечер. Бабушка и внук вели разговор.

- Слаще арбузов межборских да звериноголовских в нашем крае не было, - говорит бабушка Матрена Васильевна, и морщинки на ее лице от воспоминания арбузной сладости разбежались кому куда любо.

- Уж так и не было, - возражает внук, - ялымские да куртамышские, слышал я, послаще были.

- Вот, Андрюша, какой ты вздорный! Это ты назло мне говоришь. Нехорошо, Андрей, и грешно. Я старый человек, а старый что малый...

- Честное слово, бабушка, сроду не держу на уме тебя обидеть. Не сердись... Хочешь, встану сейчас перед тобой на колени...

- Перестань, Андрей, паясничать, не люблю...

В окно влетел шмель. Серdito дудя, сделал несколько кругов над головами людей и, вылетел вон...

- Черный бархатный шмель.

Золотое оплечье,

Ты зачем залетаешь

В жилье человечье?

Строчками стихов проводил шмеля Андрей, но не мог вспомнить, кому они принадлежат.

- Сегодня подборанивал пары возле Зарослова, - продолжил прерванный разговор паренёк, - Устал, шибко спина устала, как у старика. Думал кончать работу, приглушил трактор, соскочил на землю, поразмялся зарядкой и как заново родился. Закончил работу возле Зарослова, переехал к Иванишеву колку и там еще сделал несколько кругов.

- Вот у Иванише-ва-то колка у нас и росли арбузы, - оживилась бабушка Матрена. - Мы тогда жили еще коммуной. Век не забыть того арбузного поля... Арбузов на нем как накатано. А сладкие, сладкие- то... На еду хватало, на засолку в зиму и в город на базар продавать возили. Работали на арбузных бахчах шестеро молодых девчат, седьмая я, за старшую... А сколько песен поле от нас слышало! Арбузам, видно, милы, были наши песни, так хорошо они росли.

Бывалоча, Гранька Михеева, красавица собой, заведет: «Матушка, матушка, что во поле пыльно...». Голос звенит, аж листья на осинах перестанут, трепетать... Понизит голос и ответит: «Доченька, милая, кони разыгрались», - затрепещут, зашумят листья на осинах и березах, устроятся материнской неправды. Недавно слышала эту нашу уже забытую песню... Ее пела певица Зыкина, вспомнилась Гранька, и, сознаюсь, прослезилась я.

Иванишево поле-полюшко, побывать бы еще на нем, - взгрустнула бабушка, покачивая головой, прикрыв глаза.

- За чем же дело? - зашуматился внук. - Поедем завтра. Усажу тебя в люльку мотоцикла и, не бойся, не тряхну. Согласна?

Бабушка не взяла в резон разговор о поездке в полена мотоцикле, а тут же встречно спросила: «Я тебе рассказывала, Андрейка, как на поле возле

Иванишева колка саранчу - кобылку серую хоронили?».

- Нет, не слыхал. Расскажи, пожалуйста, - взмолился он. - Как я люблю твои рассказы слушать... - И мечтательно: - На осень призовут меня в армию. Отслужу верой и правдой Отечеству, вернусь домой и запишу все их, интересны они мне.

- Историю эту я слышала от своей матери, - начала рассказывать бабушка. - Событию этому лет сто, может, чуть больше, чуть меньше.

Всю весну, уж лето началось, а на землю не встало и капли дождя. Засуха. И откуда-то черной тучей на поля и луга надвигалась саранча - мелкая кобылка, все сжирая на пути, оставляя после себя черную грязь - смолу. Столько этой кобылки было, что лошадь не могла тянуть пустую телегу. Кобылка забивала ступицы колес, и они не крутились. Два раза священник церкви поднимал людей на крестный ход по полям.

- Дажь дождь земле жаждущей, Спасе! - взывал поп к небу, а на небе ни морщинки, ни слезинки, безответно, безжалостно небо к стоящей на коленях толпе людей... И тогда решили люди жестоко расправиться с врагом-кобылкой. Сами выкопали яму на поле огромную, пологими, мешками, всем, чем можно, стали ловить кобылку и в яму ее, в яму! Полную яму набили, засыпали землей и в могилу вбили осиновый кол: «Будь проклята на веки веков!».

Ночью накопилась гроза, ливень, за ним пришло надолго ненастье. В тот год хлеба с полей не взяли, но корм для скота был заготовлен, и в этом уже было спасение.

Андрей помог бабушке Матрене Васильевне перейти со стула на кровать, а за окном уже брэнчала балалайка, вызывая парня на улицу.

Такой вечер, такой чудный вечер... Усидишь ли дома!..

// Советское Зауралье. - 1980. - 6 авг. - № 179. - С. 4.

Баллада о черемуховом саде

I.

Во дни давние екатеринский солдат в отставке Федор Завьялов заложил в изголовье слободы Утятской черемуховый сад неспроста, с приметой.

Люди любят черемуху. Сердечное, душевное это дерево и веселое. Ранней весной, когда покроется черемуха с ног до головы душистыми белыми цветами, невозможно пройти мимо, не остановившись. Она глядит на тебя и улыбается. Ты только руками схлопаешь да и скажешь: свет ты истинный, красота ты неопишуемая! - и улыбнешься тоже ей, в неровен час и смехом зайдешься, и... испугаешься: что такое со мной творится?

И не только весной веселит людей черемуха, летом и ранней осенью она одаривает урожаем своих ягод, из которых зимой пироги куда как хороши.

В кою пору вспорхнул сад. Заселили его пташки-девички: зорянки да малиновки, дрозды да иволги, и соловей не побрезговал. Поднялся сад, стоит, как на престоле, над слободой, над всей окрестностью. Все ему видно, и его все видят.

Разбежалась речка Быструшка, бьется о взгорок: охота обнять сад, нашептать ему сладких слов, которые есть у ней, да не про всех. Отвел баловницу в сторону отец Тобол, ближе к матери Серебрянке, и велел той построже держать дочь.

Сад обнесен жердяной оградой, да много ли толку от такой загородки, любая коровенка на рога поднимет такую городьбу. Копают вокруг сада отставник еще и канаву, мурлычет себе под нос солдатскую песню, которая в походах облегчала: «Солдатушки, бравы ребятушки», - и не слышал, как подошел человек.

- Бог на помощь, братушка, - это дьякон, совсем еще молодой человек, даже борода по-настоящему не обозначилась, а голос - иерихонская труба. -. Дано лопату, - просит дьячок и почал ворочать землю... Диво, редкостная осень. Давно миновал Михайлов день, а земля все еще талая... снег держится где-то в тучах и никак не может просыпаться на землю.

Подошел староста слободы Аврам Широноев и пашенный крестьянин Федор Бакланов. Обмолвились двумя-тремя словами и пошли все через сад в избу солдата Федора Завьялова, в постоянное место сбора.

- Есть слух, что наш посыльный Семен Новгородов был под Челябиной у царского полковника Ивана Грязнова, был под Уфой у генерала Чики-Зарубина, а был ли у самого императора Петра Федоровича, неизвестно пока. Сказывают, Новгородов жалован чином атамана и ведет сюда, к нам, несметное войско, - сообщает Аврам Широноев.

Условились встретить атамана и войско, как полагается, с почестью на площади слободы.

Уж много времени волнуется слобода, как в котле, кипят люди. Особенно сильно взволновал людей именной указ самодержца-императора Петра Федоровича, в котором просит он помощи от людей, обещает им жизнь вольную. С этим указом чуть не каждого в отдельности жителя слободы знако-

мил дьякон Таврило Соколов, а уж где он его раздобыл, ему только известно. Он, этот указ, и сейчас у него в кармане рясы. Недолгим было совещание руководителей Утятской слободы и закончилось чтением дьяконом Гаврилой молитвы о даровании победы царю- императору над супротивными.

II.

О, как постарел черемуховый сад на краю нашего села! От былой его красоты и силы осталось лишь десяток обломанных кустов, да сохранилось за ним имя его автора - Завьялов сад, да предания да легенды о нем еще живы. Видно, так тому и быть. Всему свое время.

Но ведь, было же время, когда сад воскресал, оживал. Это были героические тридцатые годы, когда только-только начинались колхозы. По совету председателя колхоза 7 Ноября (так тогда назывался колхоз в нашей деревне) Степана Васильевича Верхотурцева - да живет светлая память о нем - сад был расчищен, добавлены свежие посадки яблонь, малины. В самом центре сада расположена была небольшая пчелиная пасека. И как засиял сад, как заиграла в нем жизнь!

Мой спутник Юрий Евгеньевич Родионов, пастух дойного стада, - могучей красоты и силы человек. Мы стоим с ним на опушке черемухового сада. Перед взором - широкая пойма реки, почти у ног речка Быструшка укуталась, как старуха шальями-полушалками, лица не видно. Вспоминаем предания и легенды о саде.

Нет, Баба Яга в черемуховый сад не заглядывала, она жила в Сухом болоте, домовый ночами шарился по избам, плел бабам косы, ухал в печные, трубы. В сад летал только огненный змей. Долго летал... Потом сменили его звездочки. Сорвется снеба звездочка и летит в сад, там в траве и гаснет. И в наши дни, глубокой ночью, еще можно увидеть это. Так чем же является для нас черемуховый сад? - спрашивает у меня Юрий Евгеньевич и сам жетвечает вопросом: - Памятником истории?

Я соглашаюсь с ним.

// Советское Зауралье. - 1980. - 30 ноя. - № 275. - С. 4.



Урок внучкам...

В редкой семье нет бабушки, этой пожилой женщины, которой перевалило за шестьдесят. А вот дедушку в их возрасте поищите днём с огнём...

Бабушка в доме не последняя спица в колеснице, она ещё во всем гужу. Одного надо встретить, другого проводить, третьего спать уложить, всех накормить, всех урезонить, благословить.

В некоторых семьях взяли моду бабушек называть: бабулей, бабой, бабкой, бабусей - кто во что горазд. И все-таки хоть спорьте, хоть нет, роднее, милее и ближе нет извечно русского слова - бабушка.

Любят бабушки в свободную минуту посидеть на лавочке, возле дома. Сидят-рядком, нахохлятся, как большие усталые птицы, то разом все заговорят, то разом смолкнут.

- Теперь жизнь-то, живи да радуйся. - Это сказала дородная женщина, сохранившая и з старости черты былой красоты. - А мне снится все мой трактор, на котором работала всю войну и долго еще после нее. Все будто бы таскаю трактор на себе и жалуюсь своему Ване, на тяжесть, а он меня не жалеет и все уходит от меня... Видимо, ему в ту пору было тяжелее моего.

- Обидно бывает, когда кто-нибудь из молодых свысока с тобой говорит, да еще рукой махнет, дескать, люди вы отсталые...

- А неуж не обидно, - включились все сидящие на скамье бабушки. - Было нами пороблено, было слез пролито, не в силу была работа, а робили

- Я Лилечку Бондареву на руках носила, - продолжила разговор бывшая трактористка, - а она сейчас со мной не здороваается. Здравствуй, говорю, Лилечка, а она да ну тебя, баба Дуся, все держишься своей деревенской привычки. Ты здорова и я здорова, чего еще. Да и одна ли она такая...

- Подождите, женщины, надо разобраться, - останавливает всех маленькая худенькая старушка, похоже из бывших учительниц, - Лиля очень стеснительная девушка. Правда, она окончила десять классов средней школы, потом техникум и сейчас, работает очень успешно. Уже невеста, на четверг назначено просватанье. Не будем ставить ей ввину, что забывает поздороваться.

Между прочим, Лиля сама в обиде на бабушек. «Когда проходишь мимо этих бабок, - говорит Лиля, - не знаешь, куда деваться, уставятся на тебя и разглядывают...».

На лавочке смех. «Мы будем зажмуриваться, надо сообщить об этом Лиле...».

И в это самое время в дверях подъезда стояла Лиля. Щеки ее пылали, широко открытые глаза горели... Еще секунда и Лилечка вся могла вспыхнуть синим огоньком, вместе со своими красивыми туфельками, золотистой цепочкой на шее... Но Лиля нашлась, превозмогла себя и громко так: «Здравствуйте, бабушки, доброго вам здоровья!»...

Бабушки непроизвольно, будто по какому-то волшебству, крепко

зажмурили глаза и открыли их, когда не слышно стало стука каблучков
Лилиных туфельек, когда рассеялся запах ее дорогих духов.

// Советское Зауралье. - 1981. - 10 мая. - № 108. - С. 4.

Семик — березкины именины

«В шуме березы есть что-то от русской души».

В. Рождественский

От глубокой древности идет поклонение березе-матушке, олицетворяющей собой богиню Ладу, покровительницу семейного согласия и счастья.

Отцвела черемуха, зацвела сирень. В березовой роще синь от незабудок.

*Незабудочка-цветочек,
Незабудочка-трава,
Не забудь меня, дружочек,
Не забуду я тебя.*

Пришла пора справлять березкины именины - семик честной.

Старая вековая береза вышагнула из рощи, стоит особняком. Поседевшая, гордая и мудрая, потряхивает изумрудными сережками. Ждет-поджидает гостей-девчат. Семик - исключительно девичий праздник. Девушка, женщина - главная хранительница семейного очага.

Пойдут девушки на гулянье в рощу, и кое-кто из парней вздумает увязаться за ними, будет подсматривать, подглядывать девичьи игры, пляски, и горе соглядатаю, если он будет обнаружен и пойман девчатами.

Кукует в роще кукушка, волнуется девичья душа, слушая прелестный голос птицы, такой нежный и такой грустный. Кукушка, кукушка, накукуй мне много лет счастливой жизни, просит девичья душа...

Настряпали девушки каралек, наварили в масле орешков, будет чем угоститься на именинах. Венки из полевой травы и цветы - главный девичий наряд, в этот день. У Маши на голове золотой венок из желтых одуванчиков, у Веры - незабудки вплетены, у Ксении - ветки сирени, а у Катюшки - купавки. Из края в край пройдут сперва девушки свою деревню. Бренчит балалайка, гармонисты на сегодня в отставке. Эх... балалаечка-гитара - утешение мне... Балалайке помогает ударный инструмент печная железная заслонка, и частушки, частушки, нет им конца. Вот смешанный лес у околицы. Девушки перешли на речитатив: «Не печальтесь вы, сосенки, что не к вам идем, и не радуйтесь осинки, мы вас обойдем. Радуйтесь, белые березы, мы к вам идем, подарки несем».

Под развесистой березой что растет на отшибе, остановились. Под этой березой много поколений встречало свой семик. Сколько же лет этой березе - главной имениннице? Может, сто, а может, двести? Березы живут до пятисот лет пусть наша береза живет до тысячи...

Образовался хоровод вокруг березы, и грянула величальная:

*Со венком я хожу,
И не знаю, куда венок положу.,*

*Положу венок березке на плечо,
А со правого на левый положу,
Я к березе той иду, иду.
Поклонюсь ей да прочь отойду.*

Развесили свои венки на ветки березы, полились круговые песни, начались пляски. Балалайка в отставку, всех плясовых песен девчатам не переплясать, так много их, и плясать под них шибко ловко.

Наплясались, наигрались девушки досыта. Каждая взяла свой венок бегом к реке, через мягкую, как ковер, луговую полянку.

*На венках девки гадали,
Венки в речку побросали,
Чей венок плывет -
Милая вздохнет.
Одна девка не смолчала,
Громко-громко закричала:
- А мой утонул,
Милый обманул.
К ней подружки собирались У
говаривать старались.
Не плачь, глупая, неразумная
Твой венок в волнах ныря
Милый привет тебе посылает,
Не плачь, глупая, неразумная.*

Девушки принесут домой ветки березы, украсят свои избы и горницы, и долго будет стоять этот свежий березовый дух в домах и избах.

В наши дни широко отмечается праздник березки. В ритуал праздника внесено нового. Праздник березы давно перешагнул деревенскую околицу, и в городе еще размашистее.

// Советское Зауралье. - 1981. - 10 июня. - № 133. - С. 4.

Как это было к 60-летию СССР

*Ты, старость, не спеши!
Еще одну спюю я песнь любви,
Еще порадуясь я вволю...
Мустай Карим*

Нас было немного, десятка два-три, подростков-мальчиков и девочек из разных сел и деревень Курганского округа, окончивших в свое время двухклассные училища с пятью годами обучения. Мы явились в Курган продолжать образование.

Окружной отдел народного образования предоставил нам под общежитие большой деревянный дом напротив бывшей женской гимназии, по улице Куйбышева, гимназия же стала именоваться советской школой второй ступени.

Заведующий окроно товарищ Пискунов добился для нас бесплатного питания. Он постоянно бывал среди вас, вникал в нашу, жизнь.

У нас в общежитии в зале есть рояль, красивый просторный стол, трюмо. По вечерам, собравшись вокруг стола, мы любим помечтать о будущем. Товарищ Пискунов рассказывает нам о Ленине, он не раз встречался с ним. Он говорил, что Владимир Ильич возлагает большие надежды на молодежь. на нас, значит. Нам в ту пору еще невдомек, что мы - современники Ильича и всю оставшуюся жизнь свою будем гордиться, что нам выпало на долю счастье воплощать в жизнь его заветы. Я не называю Пискунова по имени-отчеству: не хочется отступать от обычая того времени. В слово «товарищ» вкладывалась особая почтительность, особое уважение и еще что-то большее, наверное, причастность к своему времени.

Шла вторая половина 1922 года. В советской школе второй ступени, нас учили те же учителя, которые учили гимназистов и гимназисток. Заведующая школой Зинаида Петровна Гиганова, чопорная, строгая, дама, сочла нужным с каждым из нас, деревенских, поговорить отдельно. Запомнился мне тот разговор. Я рассказала о своей деревне, о своих родителях, братьях и сестрах, назвала себя.

- У вас красивое имя, - как бы мимоходом заметила Зинаида Петровна, - благородное, истинно русское.

- Неправда, нет-нет, - вспыхнула я, - у меня деревенское, крестьянское, некрасивое имя.

Не обращая внимания на мою вспышку, Зинаида Петровна опять с вопросом: «А сколько вам лет, Варя?»

- Шестнадцать, - отвечаю.

- Не поняла, повторите еще раз.

- Шестнадцать, - поправляюсь я. - У нас в деревне, всегда говорят - шестнадцать, я и по привычке.

- Надо следить за своей речью и стараться говорить правильно, - наставляет Зинаида Петровна.

Все учителя школы нам, старшеклассникам, говорят «вы». В этом слышится уважение, стало быть, на уважение надо тем же и отвечать. Ты становишься уже личностью, пожалуй, надо поостороже относиться и к самому себе.

Только учитель истории Матвей Дмитриевич Русинов с нами на «ты», и мы не в претензии. Он для нас патриарх (бывает жё такая старость - красивая, величественная), и каждый урок его - открытие.

Нельзя не вспомнить и таких учителей, как Михаил Васильевич Белов, Петр Михайлович Черепанов, учитель танцев Иван Федорович Колинченко, и только-только вступившая на учительскую стезю, почти наша ровесница, Любовь Васильевна Крючкова...

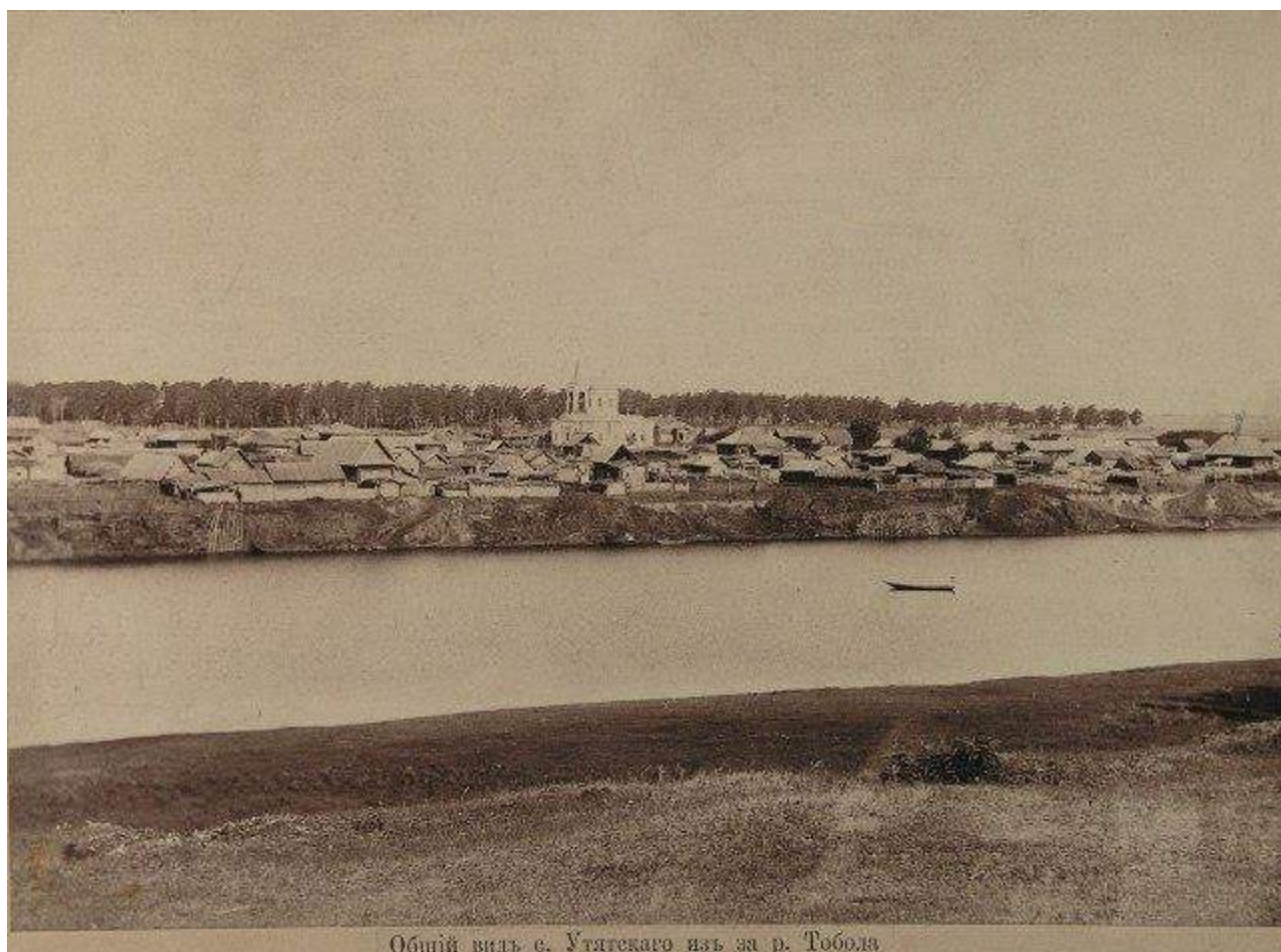
По поводу образования Союза Советских Социалистических Республик у нас в школе бал: не умолкает музыка, духовой оркестр чередуется со струнным. Мы лихо отплясываем русско-славянский танец, польку, модный тогда, «тустеп» и кружимся в вальсе, а где-то впереди уже маячит расставание. Скоро нам дадут документы о среднем образовании, об окончании советской школы второй ступени, единственной на весь Курганский округ... Мы все безоглядно собираемся в деревню работать учителями, избачами, библиотекарями, комсомольскими организаторами.

Нас не упрашивали ехать работать в деревню, не приказывали - мы сами, рвались туда, просили назначения, многие в заявлениях писали: «Очень прошу!..»

Без хвастовства, без зазнайства от имени своего поколения берусь сказать: мы честно потрудились, мы славно жили. К началу сороковых годов была ликвидирована азбучная неграмотность среди взрослого населения, осуществлено обязательное начальное обучение подрастающего поколения. Нацеливались уже на обязательное среднее, да война, навязанная стране, помешала.

А сегодня у нас - всеобщее среднее образование, в нашей области пять вузов, более двух десятков средних специальных учебных заведений, множество профессионально-технических училищ. Всех специальностей и не перечислить. Широкая дорога знаний открыта для сегодняшних шестнадцатилетних. Но, вспоминая свою молодость, я благодарю ее и низко кланяюсь ей: спасибо, что сразу бросила в гущу жизни, научила учить и учиться, быть равнодушным к несправедливости, к неправде. Так что погоди, старость, не торопи, дай порадоваться жизни. Какие наши годы!..

// Советское Зауралье. - 1982. - 4 июля. - № 155. - С. 4.



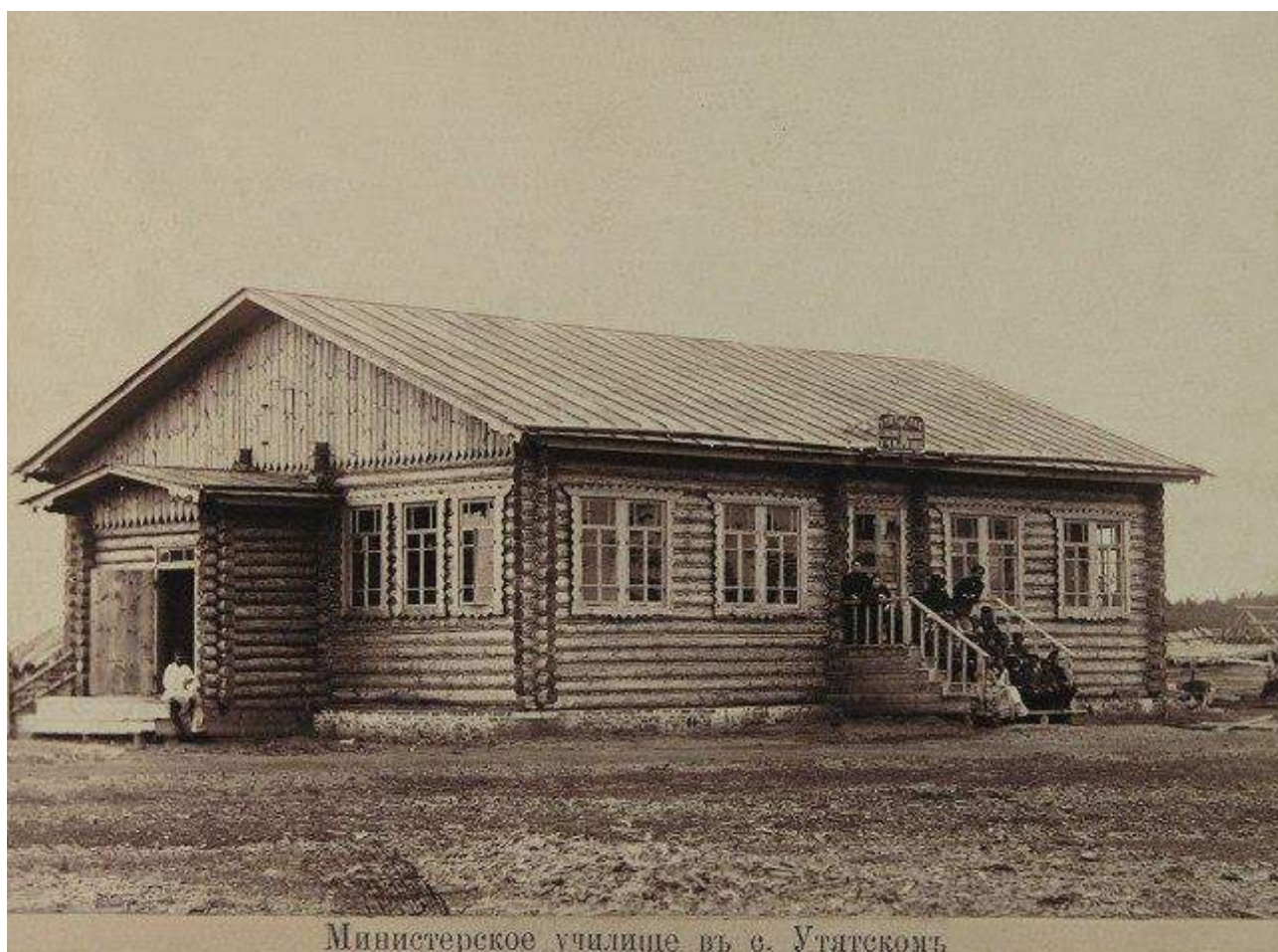




Березовая аллея по дороге из с. Угличского в с. Чернявское, посаженная по распоряжению Аракчеева.



Угличская сельская больница.



Министерское училище въ с. Утятскомъ



